

113 - 811
1159
Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 40

В.М. Русаков

**«МОЁ СЕМЕЙСТВО
УМНОЖАЕТСЯ, РАСТЁТ...»**

ДЕТИ И ВНУКИ А.С. ПУШКИНА

2006

*Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 40

В.М. Русаков

**«МОЁ СЕМЕЙСТВО УМНОЖАЕТСЯ,
РАСТЁТ...»**

Дети и внуки А.С. Пушкина

Пушкинские Горы – Псков
2006

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1

М 63

Михайловская пушкиниана. Вып. 40. Русаков В.М. «Моё семейство
М 63 умножается, растёт...»: Дети и внуки А.С. Пушкина: [Сборник статей].
– Пушкинские Горы; Псков, 2006. – 192 с.

ISBN 5-94542-179-0

Книга посвящена судьбам и характерам детей и внуков А.С. Пушкина. Сведения о представителях двух первых поколений потомков поэта уточнены и дополнены; кроме того, в книге приведена часть родословной росписи потомков Пушкина. Читатель также найдёт здесь некоторые сведения о рукописях первого поэта России.

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1

ISBN 5-94542-179-0

© Русаков В.М., 2006

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2006

«ПОСМОТРИТЕ У РУСАКОВА...»

Те, кто работает в пушкинских музеях, знают, что едва ли не самый частый вопрос посетителей – о потомках поэта. Потому ли, что сам поэт часто задумывался над тем, как будут жить его дети и внуки с именем, им переданным, или из естественного житейского любопытства, но вопросы эти звучат ежедневно: сколько было детей, что с ними стало, писали ли они стихи, были ли женаты, сколько у каждого было детей и т.д. и т.п. Музейные сотрудники, как могут, отвечают на эти вопросы, а когда запас сведений иссякает, отвечают: «Посмотрите у Русакова». Это значит, что нужно взять любую из семи книг о потомках А.С. Пушкина нашего земляка Виктора Михайловича Русакова. Чем более позднее издание, тем лучше – каждая последующая книга содержит дополнения и уточнения. И почти наверняка ответ на интересующий вопрос будет найден.

В предисловии к своей книге «О жлепотомках А.С.Пушкина. И не только о них...» (Псков, 2002) В.М. Русаков рассказывает, как пришёл он к главной теме своего творчества. Одной из побудительных причин был полученный ещё в студенческие годы автора совет известного пушкиниста Б.В. Томашевского заняться генеалогией семьи А.С. Пушкина, так как, по его словам, история пушкинской семьи до последнего времени никем не изучалась и ждёт своего исследователя. Решающим толчком стала работа автора в Пушкинском заповеднике, когда, после окончания Ленинградского университета, молодой филолог на опыте убедился в актуальности предложенной темы. В Пушкинском заповеднике и началась кропотливая работа Виктора Михайловича по сбору сведений о потомках первого поэта России. В результате уже в 1974 году была опубликована первая книга «Потомки А.С. Пушкина». Потом появилось ещё шесть книг на эту тему. Но характер исследований В.М. Русакова таков, что работа над однажды выбранной темой не может считаться законченной. Уходит одно поколение, «другие им вослед идут», уточняются старые сведения, становятся известными новые документы, переходят по наследству семейные реликвии – всю эту информацию надо собрать, обработать, тактично донести до широкой публики. Особую ценность труду В.М. Русакова придаёт то, что немалая часть сведений поступает к нему из первых рук, от самих потомков А.С. Пушкина, большинство из которых давно признали Виктора Михайловича официальным историографом семьи поэта. Ещё одно достоинство книг В.М. Русакова заключается в том, что он не просто сводит воедино данные обо всех членах рода А.С. Пушкина, но и создаёт психологические портреты наиболее интересных его представителей.

Е.А. Ступина,
заместитель директора по научно-музейной части
Государственного музея-заповедника
А.С. Пушкина «Михайловское»

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В последние десятилетия заметно повысился интерес наших соотечественников к истории страны и народа, к истокам российской и мировой культуры. Этот живой, непреходящий интерес распространился и на область генеалогии, в первую очередь пушкинской. Труды о предках, семье и потомках А.С. Пушкина пользуются особой популярностью.

Мои книги о потомках великого поэта, семь раз – в 1974, 1978, 1982, 1987, 1992, 1997 и 1999 годах – выходявшие в издательствах Ленинграда (Санкт-Петербурга), Москвы и Пскова, в разное время получили признание выдающихся советских литературоведов М.П. Алексеева, Д.Д. Благого, Н.В. Измайлова, И.Л. Фейнберга, видного английского учёного-слависта, профессора Оксфордского университета Джона Симмонса, известного скульптора, народного художника СССР М.К. Аникушина, многих других деятелей науки, искусства и литературы, миллионов читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

В предлагаемом вашему вниманию моём итоговом труде прослеживаются судьбы детей и внуков Пушкина. Они рассматриваются в тесной связи с жизнью и творчеством поэта, с русской и всемирной историей. Книга содержит немало ценных в научном и познавательном отношении документальных сведений о рукописях и библиотеке Пушкина, его портретах и вещах, длительное время находившихся у потомков поэта двух первых поколений, а иногда и по сей день хранящихся у младших поколений кровных родственников Пушкина.

В рассказах-исследованиях, включённых в это издание, есть и новые сведения, имеющие отношение к героям повествования. Например, в главу «И на чужбине оставался русским...» внесены ранее мною не публиковавшиеся письма Николая Александровича Пушкина, внука поэта, к известному художнику первой эмигрантской волны Николаю Васильевичу Зарецкому. Они представляют большой исторический и литературный интерес.

В приложении приведены два раздела родословной росписи «А.С. Пушкин и его потомки», касающиеся детей и внуков поэта*. Основные биографические сведения о других потомках Пушкина читатель легко найдёт в любой из семи упомянутых выше книг, особенно последних выпусков, а также в моём труде «О жлелотомках А.С. Пушкина. И не только о них...» (2002).

В связи с вышесказанным считаю необходимым подчеркнуть особую роль родословной росписи в пушкиноведческих работах об истории семьи величайшего российского классика литературы. Такой же точки зрения придерживаются и видные исследователи жизни и творчества поэта.

* Использовать родословную роспись полностью автор счёл нецелесообразным, так как это вывело бы книгу из рамок темы.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В последние десятилетия заметно повысился интерес наших соотечественников к истории страны и народа, к истокам российской и мировой культуры. Этот живой, непреходящий интерес распространился и на область генеалогии, в первую очередь пушкинской. Труды о предках, семье и потомках А.С. Пушкина пользуются особой популярностью.

Мои книги о потомках великого поэта, семь раз – в 1974, 1978, 1982, 1987, 1992, 1997 и 1999 годах – выходившие в издательствах Ленинграда (Санкт-Петербурга), Москвы и Пскова, в разное время получили признание выдающихся советских литературоведов М.П. Алексеева, Д.Д. Благого, Н.В. Измайлова, И.Л. Фейнберга, видного английского учёного-слависта, профессора Оксфордского университета Джона Симмонса, известного скульптора, народного художника СССР М.К. Аникушина, многих других деятелей науки, искусства и литературы, миллионов читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

В предлагаемом вашему вниманию моём итоговом труде прослеживаются судьбы детей и внуков Пушкина. Они рассматриваются в тесной связи с жизнью и творчеством поэта, с русской и всемирной историей. Книга содержит немало ценных в научном и познавательном отношении документальных сведений о рукописях и библиотеке Пушкина, его портретах и вещах, длительное время находившихся у потомков поэта двух первых поколений, а иногда и по сей день хранящихся у младших поколений кровных родственников Пушкина.

В рассказах-исследованиях, включённых в это издание, есть и новые сведения, имеющие отношение к героям повествования. Например, в главу «И на чужбине оставался русским...» внесены ранее мною не публиковавшиеся письма Николая Александровича Пушкина, внука поэта, к известному художнику первой эмигрантской волны Николаю Васильевичу Зарецкому. Они представляют большой исторический и литературный интерес.

В приложении приведены два раздела родословной росписи «А.С. Пушкин и его потомки», касающиеся детей и внуков поэта*. Основные биографические сведения о других потомках Пушкина читатель легко найдёт в любой из семи упомянутых выше книг, особенно последних выпусков, а также в моём труде «О лжепотомках А.С. Пушкина. И не только о них...» (2002).

В связи с вышесказанным считаю необходимым подчеркнуть особую роль родословной росписи в пушкиноведческих работах об истории семьи величайшего российского классика литературы. Такой же точки зрения придерживаются и видные исследователи жизни и творчества поэта.

* Использовать родословную роспись полностью автор счёл нецелесообразным, так как это вывело бы книгу из рамок темы.

В печатных отзывах о моих трудах и в письмах ко мне специалисты самого высокого ранга неоднократно отмечали исключительную научную ценность родословной росписи «А.С. Пушкин и его потомки». Так, во вводной статье к первому изданию книги «Потомки А.С. Пушкина» (Лениздат, 1974), написанной по просьбе издательства доктором филологических наук Н.В. Измайловым, отмечалось: «Внимательное знакомство с этой таблицей крайне интересно и поучительно. Можно сказать, что она одна уже оправдывает труд автора, делает его правомерным и нужным, как труд, своеобразно входящий в область пушкиноведения».

А восемь лет спустя академик М.П. Алексеев, председатель Пушкинской комиссии АН СССР, в предисловии к «Рассказам о потомках А.С. Пушкина» высказал авторитетное мнение, что «новая книга В.М. Русакова имеет не только универсально-историческое, но и энциклопедическое значение». Мне кажется, что учёный с мировым именем увидел этот «энциклопедизм» моего труда прежде всего в тщательно составленной родословной росписи, которая для всех научных работников, причастных к пушкиноведению, уже более тридцати лет является настольным справочником по истории семьи Пушкина.

Судите сами, дорогой читатель. Если в книге, вышедшей в 1974 году, мною были учтены 196 прямых потомков первого русского поэта, то на сегодняшний день этот перечень составляет 327 человек.

В пушкинской генеалогии, как в любой другой отрасли науки, происходит постоянное движение и развитие. Этот диалектический процесс обусловлен рождением и смертью как самих потомков, так и их супругов, вступлением в брак и расторжением супружеских связей, миграцией потомков внутри государства или переселением их из одной страны в другую, переменой имён и фамилий... Всё это фиксируется в родословной росписи.

Только за последние годы в моей картотеке зарегистрированы более 20 потомков Пушкина, появившихся на свет в восьми странах мира (Россия, Украина, Италия, США, Великобритания, Бельгия, Франция, Швейцария). Не исключено, что сведения о ком-то из новорождённых наследников поэта ещё не дошли до меня.

В девяностые годы минувшего века и в начале столетия нынешнего скончались правнук Г.Г. Пушкин, праправнуки Н.Е. Воронцова, И.Е. Гибшман, О.Е. Усова, Т.Е. Гуцко, М.Е. Клименко, В.М. Воронцов-Вельяминов, М.С. Данилевская, Н.С. Савельева, М.С. Чалик, А.Г. Пушкин, В.А. Оверол. Трагически погиб потомок того же поколения М.Г. Пушкин (Адамов). Умерли прапраправнуки Г.В. Воронцов, О.Т. Пушкин и П.Е. Красенков (последний – в возрасте 35 лет).

В конце марта 1999 года ушла из жизни последняя во всем мире правнучка А.С. Пушкина – Наталья Сергеевна Шепелёва (Мезенцова), не дожившая всего два месяца до 200-летия её великого предка. Она не успела поддержать

в руках собственную книгу «В них обретает сердце пищу...», подписанную к печати 12 марта того же года.

В качестве уточняющей информации для взыскательного читателя отмечу, что в настоящей книге названия музейных, архивных и научных учреждений советского периода в большинстве случаев сохранены.

За многолетнюю помощь в работе над книгами приношу искреннюю признательность российским и зарубежным потомкам А.С. Пушкина.

Вот этот длинный перечень: А.-А. Аберкорн, Ф.-М. Бернет оф Лиз, О.А. Бунеева, С.П. Вельяминова, В.Г. Вещагин, В.М. Воронцов-Вельяминов, Г.М. Воронцов-Вельяминов, Н.Е. Воронцова, Г.А. Галин, Т.Н. Галина, И.Е. Гишман, В.А. Гуцко, Т.Е. Гуцко, М.С. Данилевская, С.Н. Данилевская, А.С. Клименко, С.Е. Клименко, А.А. Кологривов, А.О. Кологривов, В.О. Кологривов, О.В. Кологривов, М.-Д. Кроли, Т.И. Лукаш, И.Э. Николаевская, В.А. Оверол, А.А. Пушкин, Г.Г. Пушкин, Е.М. Пушкина, М.Г. Пушкин, М.С. Пушкина, С.Б. Пушкин, А.Н. Савельев, Л.В. Савельева, Н.В. Савельев, А.Г. Сванидзе, В.В. Сванидзе, Е.З. Тарланов, А.Г. Тури, Г.С. Усова, О.Е. Усова, М.С. Чалик, Н.С. Шепелёва, Т.А. Якунина.

Сердечное спасибо также всем учёным, писателям, журналистам, краеведам, сотрудникам научных учреждений, центральным и местным архивам, содействовавшим рождению моих произведений о потомках великого русского поэта. С благодарностью повторяю мысленно их имена, названные в прежних работах: М.П. Алексеев, А.К. Бабореко, Д.Д. Благой, В.Н. Борисов, М.Г. Бороздинский, М.Г. Ватолина, А.М. Вершинина, Т.М. Вольф, А.И. Гессен, Н.И. Горышин, А.Н. Гревениц, Д.И. Дёмин, В.И. Жарносеков, В.В. Зайцева, В.М. Злобина, Н.В. Измайлов, И.И. Карелина, А.И. Коняева, Т.Б. Лиокумович, Т.Ю. Мальцева, Е.Ф. Мартынова, Н.А. Милонов, В.Г. Перфильев, М.Л. Поляновский, И.П. Потёмкин, Н.И. и И.И. Потоцкие, Р.Е. Теременина, Н.Н. Трауготт, В.П. Тыщенко, М.И. Уткина, М.Ш. Файнштейн, И.Л. Фейнберг, В.М. Фромзель, В.В. Чубуков, Г.Г. Шельдшова.

Невольно ловлю себя на мысли, что многим моя благодарность адресуется посмертно...

Автор

Часть первая

**«...ДОРОЖУ
ИМЕНЕМ МОИХ ПРЕДКОВ...»**

«...ДОРОЖУ ИМЕНЕМ МОИХ ПРЕДКОВ...»

А.С. Пушкин относился к своему родословию с неослабевающим интересом. По мысли великого поэта, хроника жизни его предков тесно переплелась с героическим прошлым Русского государства, а деяния многих из них оставили заметный след в истории Отечества. По праву благодарного потомка доблестных пращуров он писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

В письмах, биографических заметках и стихах поэта мы находим его высказывания о собственной родословной. Так, в одном из писем 1831 года Пушкин подчёркивал: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

В «Начале автобиографии» Александр Сергеевич с удовлетворением сообщал: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории». Там же читаем: «Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых...»*

В драме «Борис Годунов» одним из действующих лиц является думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин, который обрисован, по собственному признанию Пушкина, «соп атоге**», но безо всякой дворянской спеси». В наброске предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал о Гавриле Григорьевиче: «...я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив – как воин, как придворный и в особенности как заговорщик». Гаврила Пушкин показан неукротимым врагом царя Бориса. Последний с негодованием восклицает: «Противен мне род Пушкиных мятежный...» Другой Пушкин, Афанасий Михайлович, также выведенный в драме, – лицо исторически нереальное, вымышленное.

Особенно ярко проявилось отношение великого классика к истории своего рода в стихотворении «Моя родословная» (1830). Непосредственным поводом для создания его послужили выступления в печати литераторов Ф.В. Булгарина и Н.А. Полевого, обвинявших Пушкина в аристократизме, то есть в стремлении причислить себя к привилегированному сословию. Поэт противопоставляет своих предков так называемой новой знати – тем, кто сделал или делает карьеру путём угодничества перед монархами.

* Учёные выяснили впоследствии, что фактически грамоту об избрании царём Михаила Фёдоровича Романова подписали семеро представителей пушкинского рода (всего под грамотой стояло 277 подписей выборных). См.: *Муравьев М.В. Родословие А.С. Пушкина // Пушкинский сборник (В память столетия дня рождения поэта). – СПб., 1899. – С. 658–660.*

** С любовью (ит.).

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...*

Автор этих едких строчек намекает на прошлое известных царских фаворитов – сына придворного конюха А.Д. Меншикова, ставшего государственным и военным деятелем, сподвижником Петра I; бывшего камердинера Павла I И.П. Кутайсова, благодетельствованного царем (сын Кутайсова впоследствии стал сенатором); А.Г. Разумовского, простого певчего, впоследствии морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны (племянник его, А.К. Разумовский, в пушкинское время был министром народного просвещения); сына неизвестного малороссийского писаря А.А. Безбородко, получившего по воле Екатерины II графское достоинство, а позднее и княжеский титул.

Предки А.С. Пушкина были людьми независимыми, уважаемыми («Бывало, нами дорожили», – читаем в «Моей родословной»). Их бескорыстие в служении родине восхищало и радовало пламенного певца свободы. И он гордился тем, что ведет свой род из глубины веков – от легендарного Ратши (Рачи), «мужа честна», который «мышцей бранной святому Невскому служил»*.

На фоне больших исторических событий, оживших во многих произведениях Пушкина, поэт с присущей ему беспристрастностью показал и сложные, подчас драматические судьбы своих предков.

*Упрямства дух нам всем подгадил.
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.*

«Пращур» – это Федор Матвеевич Пушкин, казнённый в 1697 году за участие в стрелецком заговоре против Петра I. А дед поэта, Лев Александрович Пушкин, был среди тех, кто открыто противодействовал восшествию на престол Екатерины II, отказался присягнуть ей.

*Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.*

* Позднее было установлено, что Ратша прибыл «из немец» в Новгород в первой половине XII века.

А.С. Пушкин.
С портрета В.А. Тропинина. 1827 г.

В постскриптуме к «Моей родословной», парируя измышления Булгарина, намекавшего в одной из своих гаденьких заметок (Северная пчела, 1830, 7 августа) на то, что прадед Пушкина по материнской линии Абрам Петрович Ганнибал был куплен шкипером за бутылку рома, поэт с достоинством заявлял:

*Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.*

Прадеду своему Абраму Ганнибалу, «птенцу гнезда Петрова», Пушкин посвятил оставшийся незавершённым роман «Арап Петра Великого», писал о нём и в автобиографических заметках.

Мысли и слова Пушкина о своей родословной проникнуты бережным, любовным отношением к памяти предков, к их делам и заслугам. С уважением относился поэт и к ближайшим родственникам: матери, отцу, сестре, брату, бабушке, дяде – людям своеобразной индивидуальности.

Мать поэта, Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал (1775–1836), унаследовала от своего деда Абрама Ганнибала смуглый цвет лица и курчавые волосы, за что современники называли её «прекрасной креолкой». Она получила хорошее по тому времени образование, знала французскую литературу и музыку. От деда же, «арала Петра Великого», мать Пушкина унаследовала и африканский характер, вспыльчивый и раздражительный. Воспитанием детей она тяготилась, нередко бывала несправедлива к ним, особенно к старшему сыну Александру. Его поведение Надежде Осиповне казалось необъяснимо странным: мальчик был то слишком замкнут, сосредоточен, то, напротив, чересчур резв. А это не отвечало сложившимся в семье представлениям о том, каким должно быть воспитанное дворянское дитя. Поэтому в отношениях Пушкина с матерью не было сердечности, дружеского тепла.

Лишь в последние месяцы жизни Надежда Осиповна поняла наконец, какое доброе, великодушное сердце у её старшего сына. Пушкин окружил тяжелобольную мать таким вниманием, ухаживал за нею с такой трогательной нежностью, что, по воспоминаниям близкой приятельницы поэта баронессы

Е.Н. Вревской (урожд. Вульф)^{1*}, Надежда Осиповна «узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить».

После смерти Н.О. Пушкиной, писала Е.Н. Вревская, Александр Сергеевич «был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу», которая дала ему «такое короткое время пользоваться нежностью материнской».

Отец поэта, Сергей Львович Пушкин (1770–1848), дружил с крупнейшими писателями и поэтами своего времени – Н.М. Карамзиным, К.Н. Батюшковым, В.А. Жуковским, И.И. Дмитриевым, П.А. Вяземским. Он имел хорошие актёрские данные, участвовал в домашних спектаклях, мастерски читал французских авторов, из которых особенно любил Мольера. Писал стихи и экспромты.

Отношения Пушкина с отцом, как и с матерью, были напряжёнными. Но особенно тягостными они стали осенью 1824 года, в первые месяцы михайловской ссылки поэта, когда Сергей Львович увидел в Александре опасного проповедника «афеизма» – безбожия, он считал, что тот дурно влияет на младшего брата и сестру. Родственные связи отца и сына несколько укрепились, потеплели только в 1830-е годы. К тому времени Сергей Львович постарел, здоровье его заметно ухудшилось, а хозяйственные дела семьи пришли в полное расстройство. Поэт вынужден был взять на себя все хлопоты по управлению имениями в Михайловском и Болдине.

В жизни Пушкина, особенно в детские годы, добрый след оставила бабушка Мария Алексеевна Ганнибал (урожд. Пушкина) (1745–1818). По воспоминаниям сестры поэта Ольги Сергеевны, она была человек «ума светлого и по своему времени образованного». Саша общался с нею и в московском доме родителей, и в её подмосковном селе Захарово, где Пушкины жили каждое лето с 1805 по 1810 год.

Именно у бабушки да ещё у верной своей няни Арины Родионовны мальчик учился живому русскому языку, старинным народным речениям. Не случайно в творчестве Пушкина образы этих двух прекрасных русских женщин, пестовавших его, иногда сливаются воедино. Мария Алексеевна рассказывала внуку семейные предания, которые волновали его юное воображение, давали пищу уму. Услышанные от бабушки эпизоды из её собственной жизни, а также из истории древнего знатного рода Ржевских, славившегося колоритными людьми (к нему Мария Алексеевна принадлежала по материнской линии), Пушкин использовал частично в «Арапе Петра Великого». Воспоминаниями о бабушке навеяно его стихотворение «Наперсница волшебной старины...» (1822). Ей посвящены и нежные благодарные строки в стихотворении «Сон» (1816):

* Примечания даны в конце главы.

*Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...*

Благотворное влияние на раннее творчество Пушкина, на формирование его необычайно яркой писательской судьбы оказал дядя поэта Василий Львович Пушкин (1767–1830). Он в совершенстве знал несколько европейских языков, был большим мастером на каламбуры и всякого рода литературные экспромты.

О своём путешествии в Германию, Францию и Англию, предпринятом в 1803–1804 годах, Василий Львович интересно рассказал в путевых письмах (адресованы Н.М. Карамзину), опубликованных в «Вестнике Европы».

Литературную известность В.Л. Пушкину принесли его стихотворные повести, басни, сказки, мадригалы и эпиграммы. Но особенно большим и даже шумным успехом пользовалась у читателей его комическая поэма «Опасный сосед», написанная в 1811 году, быстро и широко распространившаяся в списках*. В 1816 году Василия Львовича приняли в литературное общество «Арзамас», членом которого через год стал и А.С. Пушкин.

Кстати сказать, именно В.Л. Пушкин летом 1811 года отвёз двенадцатилетнего племянника Александра из Москвы в Царское Село для поступления в Лицей. А три года спустя он же передал в «Вестник Европы» стихотворение юного Пушкина «К другу стихотворцу», которое появилось в тринадцатом номере журнала за 1814 год. Это было первое напечатанное произведение поэта.

Некоторые юношеские стихи Пушкина адресованы дяде («Городок», 1815; «Дяде, назвавшему сочинителя братом», 1816; «В. Л. Пушкину», 1816, и др.). В романе «Евгений Онегин» он упоминает Буянова – героя «Опасного соседа».

В литературной жизни России конца XVIII и первых десятилетий XIX века Василий Львович Пушкин был, безусловно, явлением не только незаурядным, но и весьма своеобразным, особенно в области литературы так называемых малых жанров. Жизнь и творчество его – заметная страница в летописи пушкинского рода.

В детстве Пушкина связывала нежная дружба с сестрой Ольгой (1797–1868). Кроме общих игр и забав, их соединяло и нечто более серьёзное. Оля

* При жизни В.Л. Пушкина «Опасный сосед» был опубликован только один раз, в 1815 году, в Мюнхене. Также один раз, в 1822 году, Василий Львович издал сборник своих стихотворений.

была первой слушательницей стихов Пушкина-мальчика и первой зрительницей сочинённых им в детстве комедий-миниатюр на французском языке, которые он ставил на домашней сцене. Одна из пьес – явное подражание Мольеру – называлась «Похититель». Оле пьеса не понравилась...

В 1814 году Пушкин, пятнадцатилетний лицеист, посвятил Ольге большое стихотворное послание «К сестре». Оно было вызвано переездом семьи из Москвы в Петербург. Пушкин не видел сестру почти три года и искренне желал встречи с нею:

*Спеша на новоселье,
Оставлю тёмну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой –
И прилечу расстригой
В объятия твои.*

Во время серьёзной ссоры Пушкина с отцом в Михайловском осенью 1824 года Ольга Сергеевна была на стороне брата и даже хотела, вопреки воле родительской, остаться с Александром в псковском имении, чтобы скрасить его одиночество.

А когда в январе 1828 года О.С. Пушкина без согласия отца и тайком от него обвенчалась с Николаем Ивановичем Павлицевым, Александр Сергеевич, по просьбе матери, встретил и благословил молодожёнов в квартире лицейского друга А.А. Дельвига (там они временно поселились).

Брат Пушкина Лев Сергеевич (1805–1852) был наделён значительными литературными способностями, острым умом и феноменальной памятью. Ещё в марте 1821 года в письме к Дельвигу Пушкин делился своими мыслями о шестнадцатилетнем брате: «...он человек умный во всем смысле слова – и в нём прекрасная душа. <...> Я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови».

Перу Л.С. Пушкина принадлежит остроумная эпиграмма на брата, в ту пору жениха: «Он прикован, очарован, он совсем огончарован». В кругу друзей Лев Сергеевич охотно читал наизусть стихи брата. Причём, как гласит семейное предание, декламировал произведения Александра Сергеевича «лучше, чем делал это Пушкин»². Лев Сергеевич и сам сочинял стихи, некоторые из них увидели свет уже после его смерти. После кончины Льва Сергеевича был опубликован и его очерк «Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года» (Москвитянин, 1853, № 10), значение которого в истории исследования жизни и творчества поэта трудно переоценить.

При жизни Льва Сергеевича в печати появилось лишь одно его стихотворение. И на него сразу обратил внимание В.Г. Белинский. В начале июля

1842 года он сообщал В.П. Боткину: «Славные стихи в 7 № «Отечественных записок» «Пётр Великий»... читаю и перечитываю их с наслаждением – есть в них что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смелого, как, например, 16-й куплет»³. Белинский имел в виду строки:

*Таков был ум его глубокий.
Но что чудесней: ум в Петре
Иль гражданина дух высокий
В самовластительном царе?*

Правда, великий критик не знал, кто написал понравившееся ему стихотворение (под ним стояли лишь инициалы: Л.П.). Авторство «Петра Великого» было установлено позднее И.С. Тургеневым, который вспоминал: «Белинский часто читал между друзьями стихотворение Льва Пушкина, брата поэта, «Пётр Великий»...»⁴

Л.С. Пушкин поэтом себя не считал, к собственному творчеству относился равнодушно-пренебрежительно, хотя стихи писал со свойственной ему страстью. Зато он всю жизнь был ревнителем славы своего великого брата, свято хранил память о нём.

Льва Сергеевича связывало короткое знакомство не только с литераторами пушкинского круга, но и с поэтами младшего поколения – М.Ю. Лермонтовым, Я.П. Полонским, Н.Ф. Щербиной... Все, кто знал Льва Пушкина, любили его за независимость суждений и остроумие, за беспечно-добродушный нрав и необыкновенную общительность. Участник многих военных кампаний, он восхищал всех отменной храбростью и неприхотливостью в походной жизни.

В том злосчастном 37-м году, вернувшись из очередной экспедиции против чеченцев, он узнал, что любимого брата не стало. Смерть Александра была для Л.С. Пушкина тяжёлым потрясением, долго не заживавшей раной.

Через полгода после гибели Пушкина Лев Сергеевич писал М.В. Юзефовичу: «...смерть брата для меня была ужасным ударом... Несправедлива тут судьба, его жизнь была необходима семейству, полезна Отечеству, а моя лишняя, одинокая и о которой, кроме тебя и бедного отца моего, никто бы и не вздохнул»⁵.

Когда в июле 1841 года погиб на дуэли Михаил Юрьевич Лермонтов, потрясённый Лев Пушкин снял с руки мёртвого поэта-друга перчатку, которую хранил потом, как святыню...

Шли годы, но не менялся Лев Сергеевич Пушкин. Получая чины и награды, он по-прежнему нисколько не заботился о карьере как военной, так и гражданской. И в этом отношении был похож на старшего брата.

В 1831 году А.С. Пушкин женился на Наталье Николаевне Гончаровой. Через год у них родилась дочь Мария, затем появились на свет сыновья Александр и Григорий и еще одна дочь, названная в честь матери Натальей. Глубоко и нежно любил поэт жену и детей, заботился о них, тревожился за их будущее.

Сегодня на родословном древе Пушкина появляются всё новые и новые побеги. Некоторые потомки поэта сохраняют несомненное портретное сходство с ним. В других проявляются отдельные черты его характера. А кое-кто из потомков Александра Сергеевича обнаружил и яркий талант, хоть и не в области литературы.

*Наталья Николаевна Ланская
(Пушкина).
С портрета худ. И.К. Макарова.*

¹ Семевский М.И. К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // Русский вестник. – 1869. – № 11. – С. 89.

² Из письма правнучки А.С. Пушкина С.П. Вельяминовой от 24 января 1973 года. Цитируемые в дальнейшем письма и записки потомков Пушкина и других лиц адресованы автору книги. Всего их получено в 1962–2005 годах свыше семи тысяч, в том числе более 1200 – от потомков поэта. Приводимые в книге устные рассказы и воспоминания записаны мною в эти же годы. Случаи, когда письма адресованы не автору, оговорены особо.

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М., 1956. – Т. 12. – С. 111.

⁴ Белинский в воспоминаниях современников. – М., 1948. – С. 361.

⁵ Цит. по ст.: Хандрос Б. Лёвушка Пушкин // Юность. – 1979. – № 8. – С. 82.

Часть вторая

**«МОЕ СЕМЕЙСТВО
УМНОЖАЕТСЯ, РАСТЁТ...»**

ОНА СМЕЯЛАСЬ ПО-ПУШКИНСКИ ЗВОНКО...

Ранним сентябрьским утром 1968 года я приехал на кладбище Донского монастыря в Москве, чтобы разыскать могилу старшей дочери А.С. Пушкина Марии Александровны Гартунг. Дежурный служитель кладбища не очень охотно пояснил:

– Могилу Пушкиной ищите слева от центрального проезда в крематорий...

И вот я медленно хожу по узким опрятным дорожкам. Редкие багряно-жёлтые листья, первые вестники золотого листопада, плавно и бесшумно ложатся к ногам на влажный асфальт. А в памяти оживают пушкинские строки:

*Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решётки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стеснённые рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи.
Дешёвого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах...*

Имена, имена, имена умерших... Внимательно вглядываюсь в начертанные на надгробиях слова, боясь пропустить имя той, ради которой пришёл сюда; терпеливо ищу место последнего земного пристанища дочери великого поэта, 87-летняя жизнь которой как бы связывала «век нынешний и век минувший».

...Мария Пушкина, первенец Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, родилась 19 мая 1832 года* в Петербурге, на Фурштатской улице (ныне участок дома № 20), в доме Алымовых, где Пушкин и его жена жили с начала мая до декабря 1832 года. Их квартира находилась во втором этаже.

В метрической книге Сергиевского «всей артиллерии» собора была сделана запись под № 50, в которой говорилось, что девочку крестили 7 июня и что при крещении её восприемниками (крёстными) были дед Сергей Львович Пушкин, бабушка Наталья Ивановна Гончарова, прадед Афанасий Николаевич Гончаров и тетка Н.Н. Пушкиной – Екатерина Ивановна Загрязская¹. Имя дочери Пушкины дали в честь покойной бабки поэта – Марии Алексеевны Ганнибал.

* Даты до 1918 года здесь и далее приводятся по старому стилю.

За три дня до крестин Маши Пушкин не без гордости писал В.Ф. Вяземской: «...представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы».

По преданию, вскоре после рождения дочери Пушкин сказал жене: «Вот тебе мой зарок: если когда-нибудь нашей Маше придёт фантазия хоть один стих написать, первым делом выпори её хорошенько, чтобы от этой дури и следа не осталось!»²

Очень любил Александр Сергеевич свою «Машку», свою «беззубую Пускину». В письме к Н.Н. Пушкиной из Москвы от 22 сентября 1832 года он заботливо спрашивал: «А Маша-то? что её золотуха?» В другом письме (к П.А. Осиповой, май 1833 года) поэт делился своими переживаниями: «Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у неё режутся зубы. У неё до сих пор нет ни одного. Хотя и стараешься успокоить себя мыслью, что все это претерпели, но созданыца эти так хрупки, что невозможно без содрогания смотреть на их страдания».

Отправившись в путешествие по пугачёвским местам, чтобы собрать материал для будущей книги о предводителе крестьянской войны 1773–1775 годов, Пушкин 21 августа 1833 года писал жене из Тверской губернии: «...помнит ли меня Маша, и нет ли у неё новых затей?»

Через шесть дней он сообщал ей из Москвы: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетёрлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с нянею: прибью».

Ещё неделю спустя, 2 сентября, поэт с тревогой спрашивал Наталью Николаевну из Нижнего Новгорода: «...что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна?»

В письме к тёще Н.И. Гончаровой от 14 июля 1835 года Александр Сер-

*Наталья Николаевна Пушкина
с дочерью Машей в Михайловском
(по рисунку Н.И. Фризенгоф).
С картины Марии Переяславец. 1989 г.*

*Мария Александровна Гартуне
(Пушкина), дочь А.С. Пушкина.
С портрета И.К. Макарова.
Середина 1860-х гг.*

геевич шутил: «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста».

Из Михайловского 14 сентября того же года Пушкин писал жене: «Прощай, душа; целую ручку у Марьи Александровны и прошу её быть моею заступницей у тебя».

4 мая 1836 года поэт сообщал Наталье Николаевне из Москвы: «Домик Нащокина* доведен до совершенства – недостает только живых человечиков. Как бы Маша им радовалась!»

Маше шёл пятый год, когда погиб Пушкин. Она помнила отца, его голос, его смех. И сама – взрослой – смеялась по-пушкински звонко. По словам пушкиниста П.И. Бартенева, «выросши, она заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила

тот искренний задушевный смех, о котором А.С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи»³.

Современник, видевший семилетнюю дочь Пушкина, когда её угощал конфетами дед Сергей Львович Пушкин, отмечал, что она была «премилая и бойкая девочка»⁴.

Когда Маша была ещё совсем малюткой, родители поэта души в ней не чаяли. Так, в письме к дочери от 8 мая 1833 года Сергей Львович писал, что его «маленькая... хороша, как ангелок... Хотел бы я, дорогая Оленька, чтоб ты её увидела, ты почувствуешь соблазн нарисовать её портрет, ибо ничто, как она, не напоминает ангелов, писанных Рафаэлем».

В том же году, 17 июня, Надежда Осиповна сообщала дочери: «Маленькая очень мила, никого она так не любит, как своего деда; он от того, понимает, в восторге, я не ревную, ибо она и меня любит, когда его не видит».

Правда, слабое здоровье внучки нередко внушало Н.О. Пушкиной тре-

* Речь идёт об известной миниатюрной копии квартиры П.В. Нащокина, выполненной в начале 1830-х годов по его заказу. В этой квартире останавливался Пушкин.

вожные мысли. Маше было около трёх лет, когда Надежда Осиповна писала О.С. Павлицевой: «Мари... слабенькая, едва ходит... не думаю, чтоб она долго прожила»⁵.

К счастью, бабушкины опасения оказались напрасными: старшая дочь Пушкина прожила жизнь долгую и здоровье у неё было отменное.

В молодые годы Мария Александровна была очень хороша собой. «Что касается Маши, – читаем в письме её матери Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 28 августа 1849 года, – то могу тебе сказать, что она... произвела впечатление у Строгановых. Графиня мне сказала, что ей понравилось и её лицо, и улыбка, красивые зубы...» Продолжая вспоминать о недавнем обеде в доме своих родственников Строгановых, Наталья Николаевна в

том же письме к мужу делилась собственной радостью: «Признаюсь тебе, что комплименты Маше мне доставляют в тысячу раз больше удовольствия, чем те, которые могут сделать мне*». Пушкинист Н.О. Лернер в 1916 году писал, что в дочери Пушкина «соединялись красота матери с оригинальным экзотизмом отца»⁶. И даже в преклонном возрасте, по свидетельству правнучки А.С. Пушкина Н.С. Шепелёвой, «она была видная, стройная, очень эффектная женщина; при этом была умна».

Т.Н. Галина, правнучка поэта, считала, что внешнее сходство с Пушкиным у Марии Александровны особенно ярко выражалось в лобной части лица. Эту портретную черту Александра Сергеевича унаследовали и некоторые его потомки младших поколений.

Дочь поэта горячо любила русскую литературу, обладала незаурядными музыкальными способностями, хорошо играла на фортепьяно и рисова-

*Леонид Николаевич Гартунг.
Фотография конца 1850-х – начала
1860-х гг.*

* Здесь и далее письма Н.Н. Пушкиной-Ланской, а также А.Н. и Г. Фризенгофов цитируются по кн.: *Ободовская И., Дементьев М.* Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. – 2-е изд. – М., 1987; *После смерти Пушкина: Неизвестные письма.* – М., 1980.

ла. Ближко знавшая её с 1880 года Е.А. Регекампф, автор мемуаров «Из мира теней», отмечала, что в Марии Александровне «было симпатично то, что она часто говорила про отца»⁷.

В детские годы Маша Пушкина, как и остальные дети поэта, получила хорошее домашнее воспитание. Уже в девять лет она свободно говорила по-немецки и по-французски, писала и читала на этих языках.

Затем Мария училась в столичном Екатерининском институте – привилегированном женском учебном заведении. После окончания его в декабре 1852 года была принята ко двору – фрейлиной императрицы.

В апреле 1860 года М.А. Пушкина вышла замуж за поручика лейб-гвардии конного полка Леонида Николаевича Гартунга. Его отец, Николай Иванович Гартунг (1783*–1859), родом из Лифляндии, тоже был военным. В год рождения сына (1832) генерал-майор Н.И. Гартунг командовал резервными батальонами 24-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Киеве. Там же жила его жена – Екатерина Николаевна (1806–1884)⁸. В 1845 году он в чине генерал-лейтенанта был начальником 1-й гренадерской дивизии.

В начале 1850-х годов Леонид Гартунг воспитывался в Пажеском Е. И. В. корпусе, где в это время обучались и сыновья Пушкина. В августе 1852 года Леонид Николаевич получил назначение в тот самый лейб-гвардии конный полк, куда за год до того был выпущен из Пажеского корпуса старший сын поэта Александр, а годом позже Гартунга пришел и младший сын Пушкина – Григорий. Через братьев Пушкиных, своих однокашников, а затем сослуживцев, Л.Н. Гартунг, вероятно, и познакомился с Марией Пушкиной, их сестрой.

За два года до женитьбы Леонид Николаевич был назначен исправляющим должность полкового казначея, в августе 1862-го его, уже штаб-ротмистра, отчислили от этой должности во фронт, а через два месяца утвердили полковым ремонтёром. С той поры Л.Н. Гартунг в течение 15 лет, вплоть до смерти, занимался «пополнением убыли лошадей» в войсках.

В 1864 году Леонид Николаевич получил чин полковника. В это время он уже возглавлял коннозаводский округ в Тульской губернии. Здесь Гартунг и поселился с женой. Под Тулой ему принадлежало имение Федяшево, которым ранее (вероятно, с середины 1840-х годов) владел его отец⁹.

В «Адрес-календаре Тульской губернии на 1868 год» на с. 44 указано, что Леонид Николаевич Гартунг, почётный мировой судья, гвардии полковник, проживал в Туле на Дворянской улице, в доме г. Хрущова¹⁰.

Высочайшим приказом, отданным по военному ведомству в ноябре 1868 года, Л.Н. Гартунг «назначен управляющим московскими заведениями го-

* По другим источникам – 1802.

сударственного коннозаводства с зачислением по армейской кавалерии»; с апреля 1869-го наряду с исполнением этих служебных обязанностей он заведует и 1-м коннозаводским округом*.

17 апреля 1870 года Л.Н. Гартунг «за отличие по службе» произведён в генерал-майоры с назначением членом совета Главного управления государственного коннозаводства.

За 25 лет безукоризненной военной карьеры он стал кавалером пяти орденов – св. Станислава 1-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Анны 2-й степени с императорской короной, св. Станислава 2-й степени с императорской короной и св. Станислава 3-й степени, имел бронзовую медаль в память войны с Англией, Францией и Турцией 1853–1856 годов.

А в начале января 1877 года генерал-майору Гартунгу «за успешно выполненную... 13 военно-конским участком г. Москвы поставку лошадей от населения по случаю приведения на военное положение части армии»** объявлено «высочайшее государя императора благоволение».

...В начале 1868 года Мария Александровна Гартунг познакомилась с Л.Н. Толстым. Это произошло в Туле, в доме генерала А.А. Тулубьева. Вот что рассказывала свояченица Толстого Т.А. Кузминская:

«...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в чёрном кружевном платье. Её легкая походка легко несла её довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич ещё сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал её.

– Кто это? – спросил он, подходя ко мне.

– М-ме Гартунг, дочь поэта Пушкина.

– Да-а, – протянул он, – теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у неё арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около неё; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это»¹¹.

В экспозиции Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, в разделе, посвящённом истории создания романа «Анна Каренина», помещён портрет М.А. Гартунг, выполненный в 1860-х годах академиком живописи И.К. Макаровым¹². Есть портретное изображение старшей дочери поэта – кисти того же художника – и в яснополянском доме-музее Толстого.

Интересно отметить, что в черновом варианте «Анны Карениной» глав-

* В 1875 году переименован во 2-й коннозаводский округ.

** В апреле 1877 года Россия начала войну с Турцией за укрепление своего влияния на Балканах.

*Мария Александровна Гартунг.
Фотография 1863 г.*

ная героиня этого произведения носит имя Анастасии (Наны), а фамилия у неё... Пушкина.

Достаточно прочесть несколько отрывков из романа, где описывается внешность Анны Аркадьевны Карениной, чтобы убедиться, как тонко и точно переданы писателем в её облике черты наружности Марии Александровны Гартунг, запечатлённые на портрете Макарова и в воспоминаниях Кузминской.

Толстой писал: «Каренина стояла неподвижно, держась чрезвычайно прямо, и глаза её улыбались... Он (Вронский. – В. Р.) пожал маленькую ему поданную руку и, как чему-то особенному, обрадовался тому энергическому пожатию, с которым она крепко и смело тряхнула его руку. Она вышла быстро

походкой, так странно легко носившею её довольно полное тело».

«Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в чёрном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем её точеные, как старой спонной кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Всё платье было обшито венецианским гипюром. На голове у неё, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на чёрной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа её была незаметна. Заметны были только, украшая её, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точёной крепкой шее была нитка жемчугу».

Правнучка Пушкина С.П. Вельяминова вспоминала:

– Марию Александровну Гартунг я знала на протяжении последних двадцати лет её жизни. Последний раз видела её в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Она жила тогда на Арбате. Однажды тетя Маша пригласила меня в ресторан «Прага» пообедать... А в тысяча девятьсот первом году она подарила мне и моей сестре Маше, только что окончившим женский институт, белые шёлковые зонтики с фарфоровой ручкой. В годы нэпа я продала свой зонтик в коммерческий магазин. Надо сказать, что лицом Мария Александровна была вылитый дед – Сергей Львович Пушкин. До глубокой старости она очень

внимательно относилась к своей внешности: изящно одевалась, следила за красотой рук... Тетя Маша обладала какой-то торжественной красотой. У неё были звонкий, молодой голос, лёгкая походка, маленькие руки...

По другим воспоминаниям, Мария Александровна «отличалась своевольным характером», чем «напоминала мать Пушкина Надежду Осиповну»¹³.

...13 октября 1877 года в семье М.А. Гартунг произошло трагическое событие – самоубийство её мужа Леонида Николаевича, опутанного интригами бесчестных людей и отданного под суд. Человек доверчивый и крайне неопытный в подобных делах, Л.Н. Гартунг имел неосторожность взять на себя обязанности душеприказчика ростовщика В.К. Занфтлебена, вскоре умершего. Коварные родственники Занфтлебена обвинили Леонида Николаевича в краже вексельной книги, долговых обязательств и других бумаг покойного процентщика.

Ф.М. Достоевский подробно рассказал об этом в «Дневнике писателя за 1877 год»: «Все русские газеты толковали недавно (и до сих пор толкуют) о самоубийстве генерала Гартунга, в Москве, во время заседания окружного суда, четверть часа спустя после прослушания им обвинительного над ним приговора присяжных». Когда судьи, объявив перерыв, удалились из зала суда, чтобы составить приговор, Л.Н. Гартунг, по словам Достоевского, «выйдя в другую комнату... сел к столу и схватил обеими руками свою бедную голову; затем вдруг раздался выстрел: он умертвил себя принесённым с собою и заряженным заранее револьвером, ударом в сердце. На нём нашли тоже заранее заготовленную записку, в которой он «клянётся всемогущим Богом», что ничего в этом деле не похитил и врагов своих прощает».

Хорошо знавший Гартунга князь Д.Д. Оболенский (в своё время он принял от Леонида Николаевича должность вице-президента общества рысистых бегах в Туле) вспоминал впоследствии, что после суда над Гартунгом «прокурор преспокойно отправился в театр, где, однако, ему была враждебная манифестация». Оболенский свидетельствует: «Вся Москва была возмущена исходом гартунговского дела. Московская знать на руках переносила тело Гартунга в церковь, твёрдо убеждённая в его невинности. Да и высшее правительство не верило в его виновность, не отрешая его от должности, которую он занимал и будучи под судом. Владелец дома, где жил прокурор, который благодаря страстной речи считался главным виновником гибели Гартунга, Н.П. Шипов, приказал ему немедленно выехать из своего дома на Лубянке, не желая иметь, как он выразился, у себя убийц. Последствия оправдали всеобщую уверенность в невинности Гартунга. Один из родственников Занфтлебена был вскоре объявлен несостоятельным должником, да ещё злостным, и он-то оказался виновником гибели невинного Гартунга»¹⁴.

Девятнадцатилетняя Е.Н. Дьякова, коротко знакомая с М.А. и Л.Н. Гартунгами, а также с семейством Шипова, о котором упоминает Оболенский, при-

существовала на длившемся ровно неделю судебном процессе над Леонидом Николаевичем и оставила обширные, на 77 листах, воспоминания об этом «самом пасмурном» событии в её жизни.

Она характеризует Гартунга как человека, умевшего всякому «оказать услугу, сказать ласковое слово»; даже за два дня до смерти он «не забыл в записке, которую оставил, завещать нашему Арсентию свою шинель». Е.Н. Дьякова восхищается и тем, как «скромно, просто, с достоинством» держался Леонид Николаевич на суде. Елизавета Николаевна отмечает: «Его обвиняли в воровстве, а у него ничего не осталось после смерти кроме 2-х рублей в кармане да 100 р. в столе... жена его теперь нищая...»

Там же читаем: «Его мучили, оскорбляли, унижали... Его называли воровом, мошенником, подлецом перед целой Москвой, потому что он носил генеральские погоны». Отчаявшийся Гартунг, по словам Е.Н. Дьяковой, говорил: «Лучше бы я был под Плевной, чем здесь. Если дело кончится благополучно, я уеду на войну».

Мемуаристка с возмущением пишет, что, хотя председатель суда Орловский «клонится в сторону Гартунга», в пользу последнего и показания свидетелей, даже «один молодой банкир (свидетель) доказывал, что уничтожение вексельной книги было в выгодах наследников Занфтлебена, а не Гартунга», – прокурор Муравьёв цинично признался: «Даже если они оправдают Гартунга... уж я его ошельмую». Е.Н. Дьякова заключает: «Все уловки <Муравьёва> были употреблены в пользу обвинения».

Воспоминания юной современницы «дела Гартунга» свидетельствуют и о том, сколь мучительными оказались нравственные терзания Леонида Николаевича для его жены Марии Александровны. Она явилась в суд в шляпе с густой вуалью и села «в безбилетных местах, у самой решётки», но, заметив, что все «обратили на неё внимание», растерялась и, «не дождавшись конца речи мужа, уехала»¹⁵.

Для Дьяковой, как видно из её записок, не было тайной, что супружеские отношения Гартунгов оставляли желать лучшего, и она, явно симпатизируя Леониду Николаевичу, с некоторым осуждением относится к Марии Александровне, в том числе к её поведению во время судебного процесса.

Об этом скандальном судебном деле знал, безусловно, и Лев Николаевич Толстой. В драме «Живой труп»¹⁶ в сцене самоубийства Федора Протасова, писатель воспроизвёл детали гибели генерала Гартунга, с которым был знаком более четверти века.

Как и муж старшей дочери Пушкина, Фёдор Васильевич Протасов отказывается от последнего слова в суде, не делает никакой попытки защитить себя, сохраняет высокое человеческое достоинство до конца. Как и Гартунг, герой Толстого «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце». Подобно Гартунгу,

Протасов кончает самоубийством в помещении окружного суда перед вынесением несправедливого судебного приговора.

По сообщениям тогдашних газет, похороны генерала Гартунга «состоялись при громадном стечении публики». На панихиде присутствовали вдова Леонида Николаевича, его старая мать, родные и близкие, высшие военные и гражданские чины во главе с московским губернатором. За гробом, который несли на руках от церкви до кладбища Симонова монастыря, через всю Москву, «следовали погребальная колесница, его конь, покрытый траурной попоной, далее большая процессия экипажей и батальон местных войск с оркестром».

Через неделю после погребения мужа Мария Александровна Гартунг отправила в Яропolec дяде своему Ивану Николаевичу Гончарову и его жене, Екатерине Николаевне (урожд. Васильчиковой), большое письмо с траурной каймой. Письмо это, чрезвычайно ценное во многих отношениях, привожу почти полностью.

«Москва, 24 октября 1877.

Дорогой Дядюшка, моя славная Катрин. Я получила ваше письмо, оно меня глубоко тронуло. Спасибо за выраженное мне сочувствие и ваше предложение оказать мне гостеприимство, я бы воспользовалась им с благодарностью, если бы уже не приняла предложение Васильчиковых...

Сёстры* приехали на похороны моего бедного мужа и хотели увезти меня с собою, но я отказалась, потому что сейчас жизнь в Петербурге казалась бы мне ужасной. Аннета**, которая тоже приезжала, предложила мне Лопасню как временное пристанище, и я приняла его с благодарностью, тем более что было решено, что я буду жить у Александра, и хотела бы до его возвращения быть там, где его дети.

Ужасная смерть моего мужа была страшным ударом для меня. Когда я приехала в Окружной суд, надеясь ещё увидеть его живым, и когда я увидела только бездыханное тело, я забыла все наши ссоры. Я помнила только хорошие дни, потому что они у нас были, как и у всех других, и в тот момент я отдала бы всё, чтобы его снова воскресить, хотя бы на одно мгновение. Вся эта печальная история была только отвратительными подлыми кознями; Моносеинов*** и Муравьев дадут отчет Богу в несчастье, которое они причинили. Я была с самого начала процесса убеждена в невинности в тех ужасах, в которых обвиняли моего мужа. Я прожила с ним более 17 лет и знала все его недостатки; у него их было много, но он всегда был безупречной честности и с добрейшим сердцем. Умирая, он простил своих врагов, но я, я им не прощаю.

* Дочери Натальи Николаевны Пушкиной от второго брака, с П.П. Ланским.

** Анна Николаевна Васильчикова.

*** Лицо неустановленное; может быть, следователь.

Прощайте, мои дорогие Дядюшка и Катрин. Я уезжаю в Лопасню через несколько дней. Нежно целую вас, а также детей и надеюсь, зимой мы увидимся.

Преданная вам М. Гартунг»¹⁷.

...После смерти Л.Н. Гартунга Мария Александровна осталась почти без средств к существованию. Она обратилась с письмом к Александру II, но небольшую пенсию назначили ей лишь много лет спустя. И только в мае 1899 года, к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина, размер пособия был увеличен до 300 рублей в год.

Похоронив Леонида Николаевича, М.А. Гартунг вела полускитальческий образ жизни. Некоторое время она продолжала занимать квартиру в «Доме коннозаводства» на Поварской улице, 25а¹⁸. Потом, как видно из приведённого выше письма, уехала к своим родственникам Васильчиковым в Лопасню. Вскоре, однако, Мария Александровна поселилась – снова ненадолго – в тульской усадьбе мужа. Затем, вернувшись в Москву, сняла скромную меблированную комнату на Кисловке, в доме Базилевских. Оттуда переехала на Арбат, где в одном из переулков занимала небольшую квартиру.

Длительное время дочь Пушкина жила у овдовевшего брата Александра Александровича Пушкина. Она помогала ему воспитывать детей. «Не знаю, знаешь ли ты, что у меня с осени гостит сестра Маша, – писал А.А. Пушкин брату Г.А. Пушкину. – Для меня это такая благодать, что ты и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек моих это большое счастье, что она у меня»¹⁹.

В последние годы жизни брата Мария Александровна нередко – особенно зимой – проводила вечера в его московской квартире. Собирались обычно в кабинете Александра Александровича, играли в карты, пили чай. Вспоминали детство... Сестру и брата связывали не только тёплые родственные чувства, которые оба сумели сохранить до конца жизни, но и большая, искренняя дружба.

А в летнее время они, случалось, вместе отдыхали у своей сестры по матери – Александры Петровны Араповой (урожд. Ланской) – в усадьбе Лашма Пензенской губернии²⁰. По воспоминаниям бывшего управляющего имением М.И. Лаже, они многие часы проводили вдвоём, «отдавая досуг чтению, разговорам», а Мария Александровна – и «дамскому рукоделью»: она «была по этой части искусная мастерица».

В Лашму наведывались и соседи, особенно молодёжь, из окрестных русских и мордовских сёл. «Мария Александровна... выходила к приезжим гостям в неизменном тёмном костюме без всякого следа украшений, скромно усаживаясь в тени, принимала участие в общей беседе, вносила в споры примиряющее начало».

М.И. Лаже отмечал, что облик М.А. Гартунг и в старости не был лишён

«известной привлекательности». В то же время она была «до крайности суеверна, пугалась свиного крика, избегала тринадцатого числа, а если выплата пенсии из нарочатовского казначейства приходилась на пятницу*, задерживала поездку нарочного с оказией на несколько дней»²¹.

После смерти Александра Александровича острое одиночество заставило М.А. Гартунг покинуть Москву. Долгое время она жила в Лашме – у овдовевшей к тому времени А.П. Араповой (И.А. Арапов скончался летом 1913 года).

Хорошо знавшая Марию Александровну Гартунг бывшая учительница из города Чехова** Антонина Ивановна Коняева рассказывала мне:

– Многие годы Мария Александровна жила летом в Лопасне. Помню, как дочь Пушкина давала нам с сестрой орехи, пряники. Вместе с Марией Александровной мы собирали грибы в окрестностях Лопасни. Она любила их. Очень любила и зелёные щи из крапивы, и куличи, которыми нас угощала... Когда я в январе семнадцатого года начинала работать в школе, она говорила: «Надо так учить детей, чтобы им было всё понятно, просто. Чтобы ребятам было радостно учиться».

Антонина Ивановна помнила, как М.А. Гартунг без отдыха переплывала – туда и обратно – большой пруд в господском парке, ей шел тогда уже восьмой десяток.

«Она была... величавая и очень моложавая седая дама, жизнерадостная, приветливая... Она располагала к себе молодёжь и нас, детей» – такой запомнилась старшая дочь поэта правнучке Пушкина Татьяне Николаевне Галиной.

А Софья Николаевна Данилевская, сестра Т.Н. Галиной, отмечала, что в Марии Александровне Гартунг было то редкостное радушие, благорасположение к людям, которым в такой высокой степени обладал Пушкин.

– У нас в Полтаве, – рассказывала она, – Мария Александровна никогда не бывала. Но по праздникам присылала нам тёплые, ласковые письма, которые всегда кончались словами: «Целую. Ваша бабушка Маша». Мы, дети, очень любили читать эти письма и берегли их. Позже, когда я уже кончала женский институт, мне довелось провести одно лето в Лопасне. Это было после девятисотого года. Там отдыхала тогда и Мария Александровна. А потом я не раз бывала у неё в Москве. Одна из наших встреч особенно запомнилась. В тот раз на тётке Маше было тёмно-зелёное бархатное платье, красиво облежавшее её статную фигуру. Её одежда всегда отличалась аккуратностью и каким-то скромным изяществом. Я никогда не видела её в халате. И теперь с волнением вспоминаю, как тётя Маша, положив свои красивые руки мне на плечи, сказала: «Соня, какая ты большая выросла!»

Другая правнучка поэта, Мария Павловна Клименко, жившая во время

* День смерти Пушкина.

** До 1954 года – посёлок Лопасня Московской области.

*Мария Александровна Гартунг среди участников и организаторов вечера
памяти Пушкина в реальном училище Ф.Д. Дмитриева.
Москва. Фотография 1916 г.*

первой мировой войны в Лопасне, летом 1916 года привезла в Москву своих старших девочек Наташу и Иришу, чтобы представить их «тёте Маше Гартунг». Спустя 60 лет Наталья Евгеньевна Воронцова, вспоминая об этой незабываемой встрече с дочерью Пушкина, писала мне: «Я помню только, что Мария Александровна Гартунг была высокая, стройная, вся в чёрном, на голове, как мне представляется, какие-то кружева. Мы были там недолго, и она разговаривала с нашей матерью...»

Когда 2 мая 1900 года в Москве открылась городская аудитория-читальня (ныне библиотека имени А.С. Пушкина на Спартаковской улице, 9*), Марию Александровну пригласили быть её попечительницей. Эту почётную обязанность она исполняла до 1910 года и отказалась от неё исключительно по причине нездоровья.

У Н.С. Шепелёвой хранилась записная книжка М.А. Гартунг. Первая запись в ней сделана в конце 1900 года, последняя – в начале января 1906-го. Часть листов вырвана. На сохранившихся страницах рукой Марии Александровны зафиксированы суммы расходов. Деньги, которые городская управа выделяла на содержание библиотеки, М.А. Гартунг выдавала под расписку заведующему читальней и аудиторией М.А. Васильевскому. Так, с 26 октября по 7 декабря 1905 года он получил от неё 1841 рубль 50 копеек, 5 января 1906 года – 176 рублей 40 копеек.

* До недавнего времени – площадь Баумана, 9.

*Могила М.А. Гартунг на кладбище
Донского монастыря в Москве.
Фотография 1982 г.*

Наркомсобес, идя навстречу ходатайству А.В. Луначарского и «учтя заслуги поэта Пушкина перед русской художественной литературой», назначил Марии Александровне персональную пенсию. Наркомпрос выдал ей единовременное пособие в сумме 2.400 рублей. Однако первая выплата пенсии оказалась и последней: она пошла на расходы, связанные с похоронами дочери Пушкина.

Впоследствии, в 1950–1960-х годах, от Н.С. Шепелёвой и других дарителей во Всесоюзный музей А.С. Пушкина поступила часть личных вещей М.А. Гартунг: кожаный бумажник, кольцо с изумрудом, веер слоновой кости, русско-французский словарь с автографом Марии Александровны, сочинения Фридриха Шиллера...

Некоторые вещи старшей дочери Пушкина до недавнего времени хранились у Н.С. Шепелёвой. Кое-что и сейчас находится у других потомков поэта. Большинство же ценных предметов оказалось в руках разных лиц ещё при жизни М.А. Гартунг. Так, острая нужда заставила её продать московскому коллекционеру С.А. Мухину дорогую семейную реликвию – подсвечник, которым пользовался А.С. Пушкин, а задолго до него – его прадед Абрам Петрович Ганнибал. Последний собственноручно и изготовил подсвечник в 1770-х годах.

..Могила М.А. Гартунг, которую я наконец разыскал, оказалась очень скромной. Нежно обрамляли её мелкие кустики. В двух небольших вазах оцветали неяркие осенние цветы. На серой гранитной доске – надпись и небольшой овальный портрет дочери Пушкина с известного её изображения кисти И.К. Макарова.

С портрета смотрели на меня прекрасные, пронизательные, чуточку грустные глаза Марии Александровны. Лучи солнца, ласково коснувшись её задумчивого лица, золотом загорались в тихо падавших на землю листьях клёна...

¹ Сведения о времени и месте крещения всех детей А.С. Пушкина, а также их восприемниках даются по кн.: Невзоров Н. К биографии А.С. Пушкина: Материалы из архивов и других малоизвестных источников. – СПб., 1899. – С. 18.

² См.: Арапова А.Л. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // Новое время (приложение). – 1907. – № 11413. В дальнейшем при ссылке на эти воспоминания указываются лишь фамилия Араповой А.П., год их публикации и номер газеты.

³ Русский архив. – 1895. – № 1. – С. 369–370; Там же. – 1907. – № 6. – С. 3 об.

⁴ См.: Дочь Пушкина // Жизнь искусства. – 1919. – 9 мая.

⁵ Левкович Я. По неизвестным письмам // Звезда. – 1974. – № 6. – С. 182, 188.

⁶ Лернер Н. Потомство Пушкина // Биржевые ведомости. – 1916. – 5 марта.

⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

⁸ ЦГИА, ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 803, л. 68.

⁹ Директор Государственного архива Тульской области З.М. Баташова и старший археограф Г.А. Савоцева отношением от 25 января 1985 года сообщили мне: в хранящемся в архиве списке о семействе и состоянии генерал-лейтенанта Н.И. Гартунга, составленном 30 ноября 1849 года, говорится, что за ним в Тульском уезде Тульской губернии значится благоприобретённое селцо Федяшево (приход села Баранова) с деревнями, в которых по восьмой ревизии было 426 душ мужского пола и 400 – женского, а за его женой в Ефремовском уезде, в селце Берёзовке, 80 душ мужского пола и 82 – женского (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 489, л. 3–4,7 об., 34,54 об.).

То, что селцо Федяшево после смерти отца было собственностью Леонида Николаевича Гартунга, подтверждается его собственноручным прошением на имя мирового посредника Тульского уезда 1-го участка от 28 февраля 1868 года, в котором он просит выдать ему «свидетельство о количестве всей земли и оставшейся от крестьянского надела, в имении моём состоящем Тульского уезда при селе Баранове, селце Федяшеве, деревнях Струнине и Нефёдове, для представления в присутственные места их должностным лицам» (ГАТО, ф. 310, оп. 1, д. 21, л. 21–21 об.), и ещё одним документом от 5 декабря 1867 года (хранится там же, л. 3–3 об.). Ксерокопии обеих бумаг присланы мне З.М. Баташовой и старшим научным сотрудником архива Н.К. Фоминым.

В послужном списке Л.Н. Гартунга, составленном 31 декабря 1877 года (ЦГИА, ф. 412, оп. 8, ед. хр. 12, л. 113–116; уточнения внесены вскоре после его смерти), указано, что «за ним состоит Тульской губернии и уезда 3769 десятин земли».

¹⁰ Эти сведения автору сообщил В.М. Руднев, заведующий отделом краеведения Тульской областной библиотеки.

¹¹ Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания. – 3-е изд. – Тула, 1960. – С. 464–465.

¹² Портрет приобретён музеем в 1933 году (Известия. – 1934. – 6 окт.) у Е.С. Макаренко, дружившей с дочерью Пушкина. За несколько лет до революции Мария Александровна подарила ей этот портрет и ниточку жемчуга, с которой изображена на нём (жемчуг перешел к М.А. Гартунг от матери).

¹³ Бибикова Е.Н. Мои воспоминания о Пушкине и о его потомках (по рассказам матери – Е.П. Бибиковой, урожд. Ланской, и няни). – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175. В дальнейшем при ссылке на эти мемуары указывается только ИРЛИ и шифр.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Русский архив. – 1895. – № 3. – С. 369–370.

¹⁵ Дьякова Е.Н. Воспоминания о судебном процессе генерала Гартунга Леонида Николаевича. – Рукописный отдел ГЛМ, осн. ф., № 4180.

¹⁶ Основной для фабулы этого произведения Л.Н. Толстого послужило судебное дело супругов Н.С. и Е.П. Гимеров. Подробнее об этом см.: Шамаро А. Виножник, оставшийся в тени // Наука и религия. – 1971. – № 12. – С. 30–36.

¹⁷ Цит. по кн.: *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Яропольце. – М., 1982. – С. 137–138.

¹⁸ У «Дома коннозаводства» (так часто именуют его в печатных источниках) интересная литературная судьба. В 1937 году в нём был открыт музей А.М. Горького, а позже разместился Институт мировой литературы имени А.М. Горького.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

²⁰ Воскресенская Лашма, или просто Лашма, – центральная усадьба имения И.А. Арапова, мужа А.П. Ланской, – входила в Наровчатский уезд Пензенской губернии. В советское время селение стало частью города Ковылкино Мордовской АССР. В Воскресенской Лашме бывали также внучки поэта Анна и Надежда. В километре от неё находилась железнодорожная станция Арапово.

²¹ Ксерокопию очерка «Лашма. Усадьба, где жили дети Пушкина», опубликованного в зарубежной газете на русском языке, прислал в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР праправнук Пушкина Г.М. Воронцов-Вельяминов.

²² *Николай Доризо.* России первая любовь. Мой Пушкин: Стихотворения, поэмы, проза. – М., 1986. – С. 267–268.

²³ Дочь Пушкина // *Взаимопомощь.* – 1924. – 10 июня.

ВСЯ ЖИЗНЬ — СЛУЖЕНИЕ РОССИИ

В письмах А.С. Пушкина последних лет, начиная с 20 августа 1833 года, часто встречается имя старшего сына — «Сашки рыжего».

«Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тёзкой; с моим тёзкой я не ладил, — писал Пушкин жене в апреле 1834 года, намекая на Александра I и на будущего царя Александра II, тогда наследника престола. — Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещегооляет, а плетью обуха не перешибёт».

Иногда Александр Сергеевич просто озорно шутил: «Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это ещё не беда; мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича».

В одном из писем к П.В. Нащокину (середина декабря 1833 года) Пушкин по-будничному скромно сообщал другу: «Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный».

Многие письма поэта, в которых он размышляет о будущем семьи, о дальнейшей судьбе Натальи Николаевны и детей, нельзя читать без сердечной боли за него, Пушкина...

Когда Саше едва исполнился год (он родился 6 июля 1833 года; обряд крещения совершён в Предтеченской церкви, на Каменном острове, 20 июля; крёстными были П.В. Нащокин и Е.И. Загржская), А.С. Пушкин с горечью писал жене: «Хорошо, коли проживу я лет ещё 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах».

Ей же адресованы взволнованные строки поэта (июнь 1834 года): «Денег тебе ещё не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теряют меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараямся оставить кусок хлеба. Не так ли?»

Ещё обнажённое, острее беспокойство Пушкина в его письме к шурину Дмитрию Николаевичу Гончарову¹, отправленном незадолго до появления на свет старшего сына: «...не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия* мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Всё это печально и приводит меня в уныние».

* Имеется в виду изучение архивных документов и печатных источников для написания истории Петра I.

Душевной тревогой за судьбу детей проникнуто и письмо Пушкина к отцу, Сергею Львовичу, написанное за три месяца до гибели: «Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни за чей счёт и не обязан отчётом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они всё равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счёт».

В письмах родителей Пушкина середины 1830-х годов часто упоминается, что «Сашка большой любимец отца». Об этом говорится, в частности, в письме Н.О. Пушкиной к дочери от 13 февраля 1835 года.

Не скрывает своих горячих отцовских чувств к сыну и сам Александр Сергеевич. «Мне кажется, – пишет он Наталье Николаевне 14 июля 1834 года, – что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься».

В другом послании к жене – в двадцатых числах сентября 1834 года – поэт с грустью признаётся: «Читаю Вальтер Скотта и Библию, а всё об вас думаю. Здоров ли Сашка?..»

Через год, 2 октября 1835 года, ей же: «Что ты про Машку ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю её затеи».

В письмах-раздумьях Пушкина нередка и ласковая отцовская шутка. «Вот тебе анекдот о моем Сашке, – писал поэт 27 мая 1836 года П.В. Нащокину. – Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тётке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду». Или вдруг мелькнут по-мальчишески задорные строки о том, например, что у него, Пушкина, в Михайловском «белые сливы... не чета тем», которые Саша «крадёт» у матери.

В письмах последних трёх лет жизни, столь многообразных по содержанию, настроению, стилю, Пушкин предстаёт перед нами не только гениальным поэтом и великим гражданином России, но и трогательно-нежным, заботливым отцом, человеком непосредственным и мудрым, страдающим и любящим.

Когда в январе 1837 года на Чёрной речке прозвучал страшный выстрел Дантеса, Саше шёл четвёртый год. Мальчик навсегда запомнил умиравшего отца. В зрелые годы он бережно хранил перешедшие к нему после смерти матери рукописи поэта, его портрет работы О.А. Кипренского, многие другие семейные реликвии.

В начале 1860-х годов Александр Александрович спас от постепенной гибели прекрасную библиотеку отца. После смерти А.С. Пушкина его книги хранились вначале в кладовой Гостиного двора, затем долгие годы – в сырых подвалах казарм полка П.П. Ланского, отчима детей поэта, откуда и были вывезены А.А. Пушкиным в имение Ивановское Бронницкого уезда (ныне входит в Ступинский район Московской области)*.

Часть же библиотеки, как рассказывала в 1886 году редактору «Русской

* О дальнейшей судьбе библиотеки А.С. Пушкина см. в главе «Его уважали все».

старины» М.И. Семевскому младшая дочь Пушкина Наталья Александровна Меренберг, «расхитил и продал» Н.И. Тарасенко-Отрешков, один из опекунов детей А.С. Пушкина².

О недобросовестном отношении Наркиза Ивановича Тарасенко-Отрешкова к своим опекунским обязанностям стоит рассказать несколько подробнее.

3 февраля 1837 года над малолетними детьми Пушкина была учреждена опека. Юридически Опекунский совет в составе председателя графа Г.А. Строганова и членов М.Ю. Виельгорского, В.А. Жуковского и Н.И. Тарасенко-Отрешкова владел всем имуществом погибшего Пушкина, в том числе его библиотекой и автографами сочинений.

В отличие от других членов Опекунского совета Тарасенко-Отрешков, пользовавшийся тайным покровительством Бенкендорфа, по словам той же Н.А. Меренберг, «действовал весьма недобросовестно». Когда вдова Пушкина 16 февраля 1837 года уехала с детьми в Полотняный Завод – калужское имение Гончаровых, он, хозяйничая в квартире покойного поэта, присвоил записную рабочую тетрадь Пушкина в 66 листов, в которой были тексты поэмы «Кавказский пленник» и ряда стихотворений, а также два листа приходо-расходных записей поэта за 1834–1835 годы³.

Только в середине 1840-х годов, когда Наталья Николаевна была уже женой П.П. Ланского, ей удалось добиться отстранения Тарасенко-Отрешкова от опеки над детьми. Опекуном назначили Ланского.

В течение восемнадцати лет Тарасенко-Отрешков держал похищенные им пушкинские рукописи у себя, а в 1855 году принёс их в дар императорской публичной библиотеке, утверждая при этом, что автографы подарил ему крепостной дядька поэта – Никита Тимофеевич Козлов. Поступок Тарасенко-Отрешкова вызвал законное возмущение Н.Н. Пушкиной-Ланской. В письме на имя директора библиотеки М.А. Корфа от 31 октября 1855 года она писала: «Мои сыновья, люди ещё молодые, кипя негодованием, желают разоблечь действия Тарасенко-Отрешкова и подвергнуть его справедливой каре закона, силою которого надеются вернуть свою фамильную драгоценность».

*Пётр Петрович Ланской.
С рисунка Т. Райта. 1841 г.*

**Александр Александрович Пушкин,
сын А.С. Пушкина. Фотография
начала 1860-х гг.**

Однако, несмотря на настойчивые требования Натальи Николаевны, автографы поэта, подаренные публичной библиотеке «похитителем чужой собственности», семье Пушкина возвращены не были. Не помогло и заверение вдовы поэта в том, что «дети Пушкина за счастье почтут принести в дар... библиотеке те же самые автографы, но только от своего имени»⁴.

Основная часть рукописей поэта, долгие годы находившихся у Александра Александровича Пушкина, была передана им в Румянцевский музей в Москве, то есть благодаря старшему сыну Пушкина стала достоянием общества.

Но уважения Александр Александрович достоин не только за это. У сына поэта, талантливого военачальника, одного из самых честных людей старой России, большие личные заслуги перед русской

армией и русским народом.

...После смерти отца Саша, как и другие дети поэта, воспитывался матерью, Н.Н. Пушкиной, а когда она 16 июля 1844 года вышла замуж за генерал-майора П.П. Ланского⁵ – в семье отчима.

Домашние учителя обучали Сашу и других детей Пушкина иностранным языкам – французскому и немецкому, русской литературе, истории. Вдова поэта и сама по совету П.А. Плетнёва «разговорами и чтением развивала... мыслящую способность»⁶ старшего сына. В ноябре 1845 года Наталья Николаевна определила его во 2-ю Петербургскую гимназию (ныне школа № 232 по улице Плеханова)*, где Саша был «вольноприходящим». Здесь он изучал русский язык, историю, географию, чистописание, рисование, арифметику, алгебру, геометрию, иностранные языки – латынь, французский и немецкий, закон Божий...

* Позднее в стенах этого учебного заведения учились многие знаменитые в будущем люди – юрист А.Ф. Кони, этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай, основатель Ленинградского ТЮЗа А.А. Брянцев, дирижёр Е.А. Мравинский...

Ещё в марте 1843 года Н.Н. Пушкина писала брату Дмитрию Николаевичу Гончарову: «...я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия. Но Саша ещё недостаточно подготовлен к поступлению в третий класс... Поэтому я хочу заставить Сашу много заниматься в течение года, что мне остаётся, потому что он будет поступать в августе будущего года... я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжёлый год в отношении расходов, но в конце концов меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребёнку».

В 1848 году пятнадцатилетнего Александра Пушкина по приказу Николая I отдали в Пажеский корпус, который он и окончил в августе 1851 года.

Выпущенный корнетом в гвардию, он был, как свидетельствует запись в послужном списке, «в уважение примерной нравственности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесён под № 5 в особую книгу»⁷.

С декабря 1853 года сын поэта – поручик, в марте 1858-го ему присваивается воинское звание штаб-ротмистра, с апреля следующего года он – ротмистр, с января 1861-го – полковник.

Первые четыре года А.А. Пушкин служил в лейб-гвардии конном полку, командиром которого был П.П. Ланской. В марте – июле 1854 года Александр Александрович «находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии». Затем он вернулся в полк Ланского. 11 июля 1855 года А.А. Пушкина назначают адъютантом командира гвардейского резервного кавалерийского корпуса. А в апреле следующего, 1856-го, по собственному желанию он «обращён во фронт». И вновь прибыл для прохождения службы в лейб-гвардии конный полк.

Александр Александрович Пушкин, как и другие дети поэта, искренне уважал отчима, человека умного и порядочного. «Мы любили нашу мать, чтли память отца и уважали Ланского», – вспоминал он⁸.

Даже через тринадцать лет после кончины матери, в феврале 1877 года, А.А. Пушкин с тревогой писал об опасно больном отчине брату Григорию Александровичу: «Не знаю, был ли ты в Петербурге и видел ли ты бедного Петра Петровича, который очень плох, долго вряд ли он протянет, у него рак»⁹.

Еще при жизни Николая I командир конногвардейского полка П.П. Ланской получил «высочайшее позволение» быть погребённым в полковой Благовещенской церкви. Но Ланской так любил Наталью Николаевну, так был предан ей, что завещал своим близким похоронить его рядом с женой на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Воля Петра Петровича была исполнена.

Истинно родственное, душевное расположение к себе со стороны сыновей и дочерей Пушкина П.П. Ланской заслужил своим участливым отношением к ним в пору их детства. Пётр Петрович любил не только Наталью Николаев-

ну, которая, по воспоминаниям её родственников, до конца жизни «сохранила большую доброту и незлобивость», но и детей её от Пушкина.

Советский поэт Николай Доризо посвятил ему стихи, в которых есть строки: «Он не был гением-творцом, в стихах и в бронзе не был славен. В одном он Пушкину был равен – он стал его детей отцом. Растил их нежно генерал, любовь к усопшему внушая. Как будто Пушкин, умирая, его им, детям, завещал. Он как бы был предсказан им вдове, рыдавшей безутешно: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим!»¹⁰

П.П. Ланской управлял нижегородскими пушкинскими деревнями, а когда в конце 1840-х годов Михайловское перешло в полную собственность детей Пушкина (брат и сестра поэта отказались от своих частей имения в пользу сирот), он проявил немало заботы и об этой усадьбе.

Постоянным вниманием окружали Наталью Николаевну все её дети. Но с особым обожанием относился к матери старший сын Александр.

Наталья Сергеевна Шепелёва рассказывала:

– Мой дедушка, Александр Александрович Пушкин, очень любил мать. В молодости, офицером, даже в ту пору, когда он был уже женат, сын поэта каждую субботу проводил у Натальи Николаевны. Суббота была для них днём памяти Пушкина. Вдова Александра Сергеевича делилась с сыном своими душевными невзгодами, печальными воспоминаниями о последних днях Пушкина. Она была предельно откровенна с Александром. Вот почему он знал об отце гораздо больше, чем другие дети поэта.

Об этом же писала и А.П. Арапова, дочь Н.Н. Пушкиной от второго брака: «...все как-то полагали, что сердце её особенно лежит к нему (Александр. – В.Р.). Правда, что и он, в свою очередь, проявлял к ней редкую нежность, и она часто с гордостью заявляла, что таким добрым сыном можно похвалиться»¹¹.

Александр Александрович признавался Е.Н. Бибиковой, своей племяннице по матери, что преждевременная, на пятьдесят втором году, смерть Натальи Николаевны «была самым тяжким горем в его жизни»¹².

В 1913 году, незадолго до пятидесятилетия со дня смерти Н.Н. Пушкиной-Ланской, в Москве и Петербурге распространился слух о том, что жена поэта вела дневники, о судьбе которых ничего не известно, и поэтому, дескать, надо искать их. Корреспондент «Петербургской газеты» обратился за разъяснениями по этому поводу к А.А. Пушкину. Сын поэта авторитетно заявил: «Я сомневаюсь, чтобы слух о дневниках моей матери был верен. Когда мать умирала, я был уже в чине полковника; несомненно, если бы после неё остались какие-нибудь дневники, я бы знал о них, а может быть, и сам бы их имел среди груды всяких других наших семейных реликвий...

Это, так сказать, сторона фактическая, но есть и другая – чисто «психологическая». У матери моей был не такой характер, чтобы она просиживала над дневниками и сообщала им свои сокровенные думы. Всё, что она пережи-

вала, а пережила она, как вам известно, много, она скрывала в глубине своей души»¹³.

Этот рассказ сына Пушкина свидетельствует о том, что до глубокой старости в сердце Александра Александровича сохранились горячие, благодарные чувства к матери. «Дедушка, – вспоминала Софья Павловна Вельяминова, – очень болезненно переживал нападки на мать», которая «сама никогда никому не говорила о своей жизни с Пушкиным... Она только очень страдала от травли... Главным образом травила её тогда пресса»¹⁴. Н.Н. Пушкина, продолжала С.П. Вельяминова, жила в постоянных хлопотах по хозяйству, в тревоге «за детей, которых, вот о ком заботиться, было десятеро!...»*

О сердечном отношении Натальи Николаевны к детям убедительнее всего говорят её письма. 22 мая 1838 года она писала в Опеку: «Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой... Я говорю о селе Михайловском... Оно для нас драгоценнее всего на свете». А вот отрывок из письма к П.П. Ланскому от 29 июня 1849 года: «Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными».

В этих бесхитростных строчках душа Н.Н. Пушкиной, которую Александр Сергеевич, по собственному признанию, любил больше, чем её прекрасное лицо, выражается во всей своей нравственной чистоте.

Дорожа памятью о матери, Александр Александрович пресекал, когда это было в его силах, попытки некоторых литераторов говорить о ней неуважительно. Так, 11 мая 1899 года он писал брату: «Ещё нынешней зимой мне удалось остановить представление безобразнейшей драмы в стихах какого-то Михневича, в которой наша мать представлена была в возмутительном виде, да и отец выведен каким-то грубым и даже невоспитанным человеком. Эту пьесу театральная цензура запретила для представления»¹⁵.

В том же письме старший сын поэта с тревогой писал о печатавшейся тогда в Киеве драме «Пушкин», в которой трактовка образа Пушкина была во многом неверной, тенденциозной, а для его семьи и обидной, оскорбительной.

За два с половиной года до смерти А.А. Пушкин говорил корреспонденту «Петербургской газеты»: «С грустью мне приходится констатировать, что, к великому моему огорчению, за последнее время имя отца стали в России забывать. Его отодвинули появившиеся за последнее время в таком множестве молодые поэты. Не всегда, впрочем, талантливые...»¹⁶

* Четверо детей А.С. Пушкина, три дочери от брака с П.П. Ланским – Александра (15.05.1845–01.02.1919), Софья (20.04.1846–?), Елизавета (17.03.1848–?). Кроме того, в семье воспитывались малолетние племянники Ланского Павел, Пётр и Софья.

...8 января 1858 года А.А. Пушкин женился на племяннице отчима Софье Александровне Ланской. Воспитываясь в одной семье, Александр и Софья полюбили друг друга. Узнав об этом, Наталья Николаевна была счастлива: к Соне она относилась, как к родной. В цитированных выше мемуарах А.П. Арапова писала, что «этот брак являлся для матери исполнением заветной мечты».

Но большую семейную радость на некоторое время омрачило неожиданное осложнение. Незадолго до свадьбы священник конного полка, в котором служил А.А. Пушкин, объявил, что он отказывается совершить обряд венчания «из-за родственных отношений» жениха и невесты. Оставалось одно: прибегнуть к помощи царя...

Нежные, истинно материнские чувства к невестке Н.Н. Пушкина-Ланская сохранила до конца жизни. И она всячески подчёркивала свою любовь и уважение к ней, проявляла трогательное внимание. Так, когда в октябре 1863 года в семье А.А. и С.А. Пушкиных, живших в то время в Московской губернии, родился четвёртый ребенок – сын Саша, Наталья Николаевна в день крестин внука подарила невестке золотую брошь с бриллиантом на аметисте и пару золотых же серёг, инкрустированных бриллиантками по аметисту. После смерти С.А. Пушкиной эти драгоценности перешли к её дочери Марии, а ныне они хранятся в семье одного из московских потомков Пушкина.

...Скромная, застенчивая, душевная Софья Александровна, став спутницей жизни старшего сына поэта, все свои силы отдавала семье, детям, которых было одиннадцать: Наталья, Софья, Мария, Александр, Ольга, Анна, Григорий, Пётр, Надежда, Вера и Сергей. Она даже любимым делом – живописью – занималась нерегулярно, урывками, хотя была хорошей художницей. Писала и акварелью, и маслом. Несколько её работ сохранилось. Например, в Полтавском художественном музее находится портрет Н.Н. Пушкиной-Ланской. Это вольная копия с оригинального портрета Натальи Николаевны, который, как всегда считали в семье Н.Н. Пушкиной-Ланской и продолжают считать её потомки, создан художником И.К. Макаровым.

Такой же точки зрения придерживаются научные работники Всесоюзного музея А.С. Пушкина в Петербурге, где портрет и находится¹⁷. Однако в Полтавском художественном музее и Государственном музее А.С. Пушкина в Москве полагают, что он написан художником Тимолеоном Карлом Неффом (1805–1876). Так думают и некоторые искусствоведы.

Наталья Николаевна, изображённая С.А. Пушкиной, выглядит моложе своих лет, в её облике больше мягкости и душевной доброты, чем на портрете, служившем художнице моделью. Лучше, отчётливее прорисованы глаза, выразительнее другие черты лица, детали фигуры. Этим портретом особенно дорожил А.А. Пушкин. Видимо, потому, что с ним была связана память и о матери, и о жене.

После смерти Александра Александровича семейная реликвия принадлежала его дочери Марии Александровне Быковой. Уже в советское время она передала портрет в музей.

У Н.С. Шепелёвой сохранялся акварельный портрет Натальи Федоровны Ланской (урожд. Петрово-Соловово), матери художницы. У других московских потомков Пушкина имеются ещё два произведения С.А. Пушкиной – живописное изображение её отца Александра Петровича Ланского и незаконченный портрет любимой няни её детей, которую они с нежностью называли Анисенькой.

У кого Софья Александровна училась живописи, выяснить не удалось. Зато известно, что в семье Ланских художественный талант не был редкостью. Прекрасно рисовал, например, Николай Павлович Ланской, двоюродный брат С.А. Пушкиной. Об этом можно судить по портретам детей А.С. Пушкина, выполненным Н.П. Ланским в 1851–1852 годах, и другим его работам, ставшим в последние годы широко известными благодаря воспроизведению их в ряде пушкиноведческих трудов.

Художественное дарование Софьи Александровны унаследовали её дочери Наталья и Вера: обе очень хорошо рисовали. У последней большие способности к рисованию заимствовал её младший брат (по отцу) Николай, а позднее и сын – Александр Мезенцов¹⁸.

Обременённая большой семьей, заботами о детях и муже, С.А. Пушкина рано подорвала здоровье. В начале 1874 года она прошла курс лечения в Карлсбаде (вместе с нею приезжал на курорт и А.А. Пушкин), но это уже не помогло. 8 апреля 1875 года Софья Александровна скончалась от воспаления легких, не дожив до сорока лет. Из Вильно, где стоял тогда его полк, Александр Александрович, взяв месячный отпуск, отвёз тело жены в Лопасню для погребения. Мраморные розы для памятника на её могиле А.А. Пушкин заказывал в Италии.

По семейным преданиям (в передаче Н.С. Шепелёвой), за гробом Софьи

*Софья Александровна Пушкина
(Ланская), жена А.А. Пушкина.
Фотография начала 1860-х гг.*

*Дом Васильчиковых в Лопасне (ныне город Чехов),
где жила семья А.А. Пушкина. Фотография 1973 г.*

Александровны в Вильно до самого вокзала шла огромная толпа городской бедноты. Эту добрую женщину провожали в последний путь «все, кому при жизни она оказывала свою помощь».

После смерти жены А.А. Пушкин и детей отправил в Лопасню. Там они воспитывались некоторое время у двоюродной сестры их матери – Анны Николаевны Васильчиковой (1825–1904). В Лопасне в те годы жили или бывали Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы, связанные между собой родством¹⁹.

Анна Николаевна собственной семьи не имела. Женщина властная, гордая, но в то же время умная и добрая, она заменила мать малолетним детям Александра Александровича. Они очень любили её и всегда вспоминали с благодарностью. И даже позже, когда сыновья и дочери А.А. Пушкина стали взрослыми, А.Н. Васильчикова, невзирая на слабое здоровье (у неё отнимались ноги), толково вела хозяйство, умела быть полезной для всех, кто был рядом с нею.

...Когда позволяла служба, А.А. Пушкин навещал детей в Лопасне. Старожилы города Чехова с любовью вспоминали А.А. Пушкина и его семью. Вот что сообщила, например, мне А.И. Коняева:

– Когда я ещё училась, Александр Александрович Пушкин часто приходил к нам в школу, угощал ребят арбузами, яблоками. Дарил книги, чаще всего это были сочинения его знаменитого отца. Рассказывал о походах, в которых сам участвовал.

Временами Александр Александрович увозил детей к себе – в города, где стоял его полк. Это бывало обычно тогда, когда сестра, М.А. Гартунг, приезжала к нему на длительный срок и брала на себя часть забот о его многочисленной семье. Потом дети А.А. Пушкина снова возвращались в Лопасню. Поэтому лопасненская усадьба и стала для них родным кровом. Дом, в котором они жили, сохранился до наших дней. Сохранилась и Зачатьевская церковь, построенная в конце XVII века. В ней в 1883 году А.А. Пушкин венчался со второй женой – Марией Александровной Павловой. Теперь возле церкви находятся могилы потомков Пушкина.

По свидетельству правнучек Пушкина С.П. Вельяминовой и С.Н. Данилевской, их матери Н.А. Воронцова-Вельяминова и М.А. Быкова (старшие дочери А.А. Пушкина) рассказывали, что Александр Александрович женился на М.А. Павловой «в надежде, что она заменит мать младшим его дочерям Наде и Вере, но надежда эта не оправдалась: они ходили вечно в заплатках», и что «Бог допустил ошибку, вложив все достоинства и совершенства в Софью Александровну, а все недостатки – в мачеху». О том, что вторая жена А.А. Пушкина была «неприятной женщиной», говорили мне и другие потомки Пушкина. А Е.Н. Бибикова в уже приводившихся воспоминаниях писала: «Мария Александровна... часто жаловалась на старика мужа – разогнала его детей от первого брака и не принесла ему покоя на старости лет»²⁰.

...В январе 1861 года ротмистр Александр Александрович Пушкин по семейным обстоятельствам вышел в отставку в чине полковника. А в следующем году он принял должность мирового посредника третьего участка Бронницкого уезда Московской губернии. Этот пост сын Пушкина занимал до 1866 года. Затем он пробыл год председателем уездного мирового съезда.

Позднее, 1 августа 1888 года, время работы Александра Александровича мировым посредником (с 24 июля 1862 года по 21 марта 1866 года) было официально зачтено ему в действительную государственную службу.

За плодотворную деятельность на поприще мирового посредника сын поэта был награждён специальными знаками отличия: в 1863 году – «за успешное введение в действие положения 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», в 1865 году – «за введение в действие такого же положения 1863 года». А шесть лет спустя он получил и знак отличия «за поземельное устройство бывших государственных крестьян».

В феврале 1867 года А.А. Пушкин снова поступил на военную службу и в чине подполковника²¹ был командирован в распоряжение командующего Виленским военным округом. Здесь с марта 1868 по февраль 1869 года Алек-

сандр Александрович принимал самое деятельное участие в работе комиссии по крестьянским делам при виленском генерал-губернаторе. В память об этих заслугах старшему сыну поэта в 1911 году – в связи с 50-летием отмены крепостного права – вручили орден Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

1 января 1869 года А.А. Пушкин произведён в полковники, а через месяц уволен от должности члена комиссии по крестьянским делам «вследствие объявленного желания продолжать строевую службу».

Александра Александровича прикомандировывают к 14-му драгунскому Малороссийскому полку. С 13 февраля по 13 апреля 1869 года за отсутствием командира полка он командовал этой воинской частью.

15 июля 1870 года его назначают командиром 13-го гусарского Нарвского полка. В боевую летопись полка вписано немало ратных подвигов. Сформированный ещё при Петре I, Нарвский полк в 1709 году штурмовал Выборг, Кексгольм и Гельсингфорс, участвовал в польской кампании 1733–1735 годов, а во время Семилетней войны (1756–1763) – в сражении под Грос-Егерсдорфом.

Весть о назначении командиром полка сына Пушкина была воспринята гусарами с радостью: полковник слыл человеком гуманным, справедливым.

Гусары Нарвского полка любили и уважали А.А. Пушкина, потому что сам он с неизменной любовью и уважением относился к «нижним чинам». Не случайно историк Нарвского полка А.Н. Тихановский писал: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собой идеал командира-джентльмена, стоявшего во главе старинного гусарского полка. Память о нём в полку ещё настолько свежа, что в каких-нибудь комментариях не нуждается, а поэтому мы ограничимся приведённой оценкой этого достоуважаемого командира»²².

И для большинства офицеров полка А.А. Пушкин был образцом просвещенного командира. А двое из них – Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов и Николай Владимирович Быков* (племянник Н.В. Гоголя) – породнились с Александром Александровичем, женившись на его дочерях Наталье и Марии.

В памяти русского и болгарского народов живы подвиги героев Тырнова, Плевны** и Шипки. Полк А.А. Пушкина в период русско-турецкой войны

* П.А. Воронцов-Вельяминов командовал одним из подразделений 13-го гусарского Нарвского полка, затем его назначили полковым казначеем; Н.В. Быков был адъютантом А.А. Пушкина.

** По-болгарски: Плевен.

1877–1878 годов также отличился во многих боях за освобождение Болгарии от османского ига.

Гусарам Нарвского полка доводилось встречаться с турецкими завоевателями и раньше. Например, ещё в 1739 году они отличились в сражении под крепостью Хотин.

Когда 12 апреля 1877 года царским манифестом было объявлено, что Россия вступает в войну с Турцией, полк А.А. Пушкина получил приказ выступить в поход в составе 13-й кавалерийской дивизии.

«5 мая, – говорится в письме А.А. Пушкина к брату Григорию Александровичу от 30 апреля 1877 года, – наш полк выступает и идёт прямо за границу... Теперь, любезный брат, уходя в поход, не мешает мне подумать и о будущем. Все мы под Богом ходим, и придёт ли вернуться – ещё неизвестно. Во всяком случае тебе поручаю я детей моих и в случае чего прошу тебя быть их опекуном». В том же письме Александр Александрович сообщает, что его дети «едут в Лопасню под охраной сестры Маши и там будут ожидать событий»²³.

Полк выступил в поход из города Янова Люблинской губернии. 15 июня он уже подошёл к переправе через Дунай у города Зимницы.

По преданию, сохранившемуся во многих русских и болгарских печатных источниках, полковник Пушкин, когда его полк достиг берега Дуная, остановил коня и, приподнявшись на стременах, протянул правую руку в сторону реки.

– Кавалеристы! – сказал он. – Посмотрите: это Болгария, священная славянская земля. Там гибнут наши братья и сёстры...

В начале войны численность действующих частей русской армии достигала 185 тысяч*, а у турок в Болгарии было до 220 тысяч солдат и офицеров. Русское командование планировало нанести турецкой армии решающий удар в направлении Систово**, Тырново***, Адрианополь и завершить войну выходом к Константинополю.

Успешно форсировав Дунай у Зимницы, русские войска овладели плацдармом у болгарского города Систово. Оттуда наступление шло в трёх направлениях – восточном (на Руцук), западном (на Никополь, Плевну) и южном (на Тырново).

В начале Балканской кампании 13-й гусарский Нарвский полк входил в состав передового руцукского отряда, перед которым командование действующей русской армии поставило задачу – сдерживать наступление стотысячной армии турок, не вступая, однако, в серьёзные сражения.

* Через полгода за Дунаем русская армия насчитывала 300 тысяч человек. Навечно остались лежать в болгарской земле 220 тысяч русских воинов. Благодарный народ Болгарии воздвиг около 450 памятников на могилах российских «братушек», навсегда сохранил память об их подвиге.

** По-болгарски: Свищов (читается: Свиштов).

*** С 1965 года Велико-Тырново.

Руцукский отряд (до 45 тысяч человек) продвинулся за реку Янтру, где и развернулся, скользя силы врага, сконцентрированные в Руцуке.

Нарвский полк выполнял важные разведывательные поручения. С середины июля он поддерживал связь между руцукским и осман-базарским отрядами русских войск, ведя постоянное наблюдение за противником. Полк участвовал во многих ожесточённых боях. Так, ещё в конце июня гусары полковника Пушкина активно действовали в составе осман-базарского отряда под Тырновом. Они уничтожили большой турецкий отряд, захватили много пленных и богатые трофеи под деревней Турога. Прославились и в сражениях, развернувшихся в сентябре – ноябре того же года у населённых пунктов Турна-Дере, Ново-Село, Кесарево, Тотлас. В боях против турок под командованием А.А. Пушкина сражались и две роты 43-го пехотного полка с приданными им четырьмя орудиями 11-й артиллерийской бригады.

Кровопролитными были бои при городе Елене, который турки защищали с упорством фанатиков, обречённых на гибель. В этом важном стратегическом пункте они сосредоточили большие силы. Турки надеялись овладеть переправами через Дунай и поставить тем самым русских в крайне трудное положение. Кроме того, стремились отвлечь русскую армию от Плевны, которая находилась уже в осаде. 28 ноября турецкий гарнизон Плевны капитулировал.

В начале декабря, почувствовав, что Елену удержать не удастся, турки подожгли город. Гусары Нарвского полка, рискуя жизнью, потушили пожар. Преследуя неприятеля, они освободили город Беброво, сожжённый турками ещё в августе. В декабре же полк взял с бою село Ахметли²⁴. 28 декабря до нарвцев дошла радостная весть о победе русских войск на Шипке.

В январе 1878 года штаб действующей русской армии принял решение перекрыть дорогу на город Сливно*: по ней двигались к Константинополю многочисленные турецкие отряды. Эта ответственная боевая задача была возложена на отряд генерал-майора Н.Г. Столетова, в состав которого кроме 13-го гусарского Нарвского и русского пехотного полков входили семь болгарских дружин народного ополчения, насчитывавших около пяти тысяч добровольцев. А всего в русско-турецкой войне 1877–1878 годов действовало до полутора десятков болгарских дружин, количество ополченцев в них достигало почти 10 тысяч. По свидетельству Н.Г. Столетова, «болгары могут биться и умирать, как герои».

...В операции под Сливно гусары Александра Александровича Пушкина снова проявили мужество и стойкость, а их командир – находчивость и высокое воинское искусство.

Однажды разведка доложила, что неприятель, захватив село Чатака,

* По-болгарски: Сливен.

расположенное севернее города Котела, намерен учинить там резню болгарского населения. Освободить это село поручили А.А. Пушкину. В его подчинение поступили и две дружины болгарских волонтеров. Под командованием сына поэта они бесстрашно сражались бок о бок с русскими солдатами, освобождая родную землю.

В одном из докладов высшему командованию генерал-майор Столетов писал «о полной боевой годности, отличном усердии и храбрости всех чинов Нарвского гусарского полка»²⁵.

Хлебом-солью, цветами и радостными улыбками встречали болгары русских братьев-освободителей в каждом городе, в каждом селе...

Упорные бои с турками в окрестностях города Котела в январе 1878 года были последними боевыми действиями гусарского Нарвского полка в Балканской кампании. Враждебная по отношению к России позиция западных держав и ввод английской эскадры в Мраморное море заставили русского царя воздержаться от занятия Константинополя.

19 января в Адрианополе было заключено перемирие с Турцией, а ровно месяц спустя подписан Сан-Стефанский мирный договор, по которому Болгария стала самостоятельным княжеством. В период перемирия полк А.А. Пушкина охранял демаркационную линию между селами Чатака и Черкесли, а сам Александр Александрович был начальником этой линии.

Во всех боевых операциях за освобождение братской Болгарии полковник Пушкин показал себя не только талантливым, отлично знавшим военное дело командиром, но и мужественным, бесстрашным воином, истинным героем Балканской кампании. За личные боевые заслуги сын поэта по высочайшему приказу в декабре 1878 года был награжден золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость», а в ноябре 1879-го – орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За годы военной службы Александр Александрович Пушкин стал кавалером четырех других российских орденов (св. Станислава 1-й степени, св. Анны 2-й степени, св. Анны 2-й степени с императорской короной, св. Владимира 3-й степени), получил три иностранных (австрийский – Франца Иосифа 1-й степени, большой крест ордена Итальянской короны, черногорский – князя Даниила 1-й степени). Он награжден также бронзовыми медалями: в память войны 1853–1856 годов, в память войны 1877–1878 годов, в память «священного коронования его императорского величества» Александра III.

В 1902 году в связи со 100-летием Пажеского корпуса А. А. Пушкин был приглашен на торжества, где ему вручили восьмиугольный мальтийский крест из белой эмали. Сын поэта до конца жизни носил этот знак отличия и дорожил им не меньше, чем боевыми наградами. Сейчас мальтийский крест Александра Александровича находится во Всесоюзном музее А.С. Пушкина, куда передан Н.С. Шепелёвой.

За участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов удостоились награды и солдаты полковника Пушкина. Уже после окончания боевых действий царским указом от 17 апреля 1878 года каждому гусару Нарвского полка был пожалован особый знак чести на кокарду с надписью «За отличие в турецкой войне 1877 и 1878 гг.». Эта почётная награда давалась лишь воинам, особо отличившимся в сражениях²⁶.

Когда 1 июля 1880 года А.А. Пушкина произвели в генерал-майоры и назначили командиром первой бригады 13-й кавалерийской дивизии и в свиту царя, офицеры 13-го гусарского Нарвского полка при прощании поднесли ему настольные часы, на циферблате которых вместо цифр стояли названия болгарских городов и сёл, освобождённых полком. Часы периодически играли марш 13-го Нарвского...

Этот знак уважения и признательности подчинённых тронул сердце храброго командира – в его памяти ожили картины недавних боёв на болгарской земле...

Имя старшего сына поэта и сегодня весьма популярно в Болгарии. Внуки и правнуки болгар, сражавшихся за свою свободу вместе с бесстрашными русскими воинами, знают, что одним из тех, кто вызволил болгарский народ из почти 500-летнего турецкого рабства, был Александр Александрович Пушкин.

Любопытный эпизод произошёл лет тридцать назад в Кишинёве. На митинге болгаро-советской дружбы кто-то из гостеприимных хозяев сказал: «Мы приготовили вам подарки. Вы видели их и радовались им. Но есть ли такой подарок, о котором вы мечтали, которого ждали, а мы, кишиневцы, не догадались преподнести его?» И один из гостей назвал таким желанным подарком фоторепродукцию портрета А.А. Пушкина, который находится в Кишинёвском музее А.С. Пушкина²⁷.

А вот что писали в 1973 году поэты Дора и Минко Лалевы из болгарского города Габрова: «Пушкина мы любим... Прекрасно, что он русский, что он славянин. Глубоко любим мы Пушкина и по другой причине: старший сын поэта воевал в Болгарии в 1877–1878 годах, освобождая нашу страну от турецкого ига. Он сражался совсем недалеко от Габрова, около старинного маленького города Елены²⁸.

29 января 1887 года, в день 50-летней годовщины гибели А.С. Пушкина, старший сын поэта отслужил панихиду в церкви придворного Конюшенного ведомства, где было совершено отпевание Пушкина. На этой панихиде среди других литераторов присутствовал И.А. Гончаров.

Панихиду отслужили по просьбе А.А. Пушкина и у Чёрной речки, на месте

дуэли Пушкина с Дантесом. Достоин удивления тот факт, что к 50-летию со дня смерти поэта ещё не было точно определено место этого рокового поединка. После панихиды Александру Александровичу заявили от имени земства, что «производятся самые тщательные исследования с целью точно определить место, где был смертельно ранен поэт, и тогда земство предполагает войти с ходатайством об отчуждении этого места и об открытии подписки на постановку здесь памятника»^{*29}.

В том же 1887 году, 29 января, окончилось пятидесятилетнее право собственности наследников А.С. Пушкина на издание его сочинений. По закону оно кончалось ещё в 1862 году, то есть через 25 лет со дня смерти поэта, но, уважая ходатайство Н.Н. Пушкиной-Ланской, поданное ею в 1856 году, Министерство народного просвещения продлило это право на 25 лет. В течение 1887 года появились два полных семитомных издания сочинений Пушкина (одно – под редакцией П.А. Ефремова, изд. В.В. Комарова; другое – под редакцией П.О. Морозова, изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным) и множество других изданий трудов поэта – собраний сочинений, отдельных и избранных произведений. Если в 1886 году сочинения поэта печатались всего 11 раз, то в 1887 году количество изданий увеличилось до 150 (в 14 раз!).

...30 августа 1890 года высочайшим приказом генерал-майор А.А. Пушкин «за отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с зачислением в запас армейской кавалерии». Ему, «как прослужившему на действительной службе 34½ года», из государственного казначейства назначена была пенсия в размере полного оклада, то есть 1145 рублей в год.

А через полгода, 28 февраля 1891 года, 57-летний Александр Александрович Пушкин вышел в отставку «с мундиром и с пенсией». С июня 1895 года он заведовал учебной частью императорского мужского коммерческого училища в Москве, одновременно являясь почётным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. Тогда же он был переименован в тайные советники.

Однако за три с половиной десятилетия армейской службы Александр Александрович так привык к военной форме, что, по свидетельству его внучки С.П. Вельяминовой, после выхода в отставку «быть штатским тяготился и просил вернуть ему военный мундир». И 25 марта 1898 года почётному опекуну А.А. Пушкину высочайшим приказом по военному ведомству возвратили «прежний чин генерал-лейтенанта, с зачислением по армейской кавалерии и

* Обелиск на месте дуэли А.С. Пушкина был воздвигнут только в советское время, в 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта. А в подземном вестибюле станции метро «Чёрная речка» 10 февраля 1983 года установлено бронзовое изваяние Пушкина, выполненное М.К. Аникушиным. Поэт стоит на постаменте из белоснежного мрамора, скорбно скрестив руки...

в списки 39-го драгунского Нарвского полка* и с оставлением в настоящей должности»³⁰.

Все годы, пока сын поэта находился на гражданской службе, его никогда не видели в штатском платье. И до конца своих дней он сохранил отличную выправку кадрового военного. Об этом свидетельствуют все, кто оставил воспоминания об А.А. Пушкине в его преклонном возрасте.

16 сентября 1898 года А.А. Пушкина назначили членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов. Эту должность он занимал до 1913 года. А в последние годы жизни генерал от кавалерии А.А. Пушкин (звание присвоено ему в 1908 году) был также председателем в Московском присутствии Опекунского совета.

На этих общественных постах Александр Александрович проявил себя человеком кристальной честности, неутомимым поборником женского образования в России.

Многие слушательницы Екатерининского и Александровского женских институтов до глубокой старости тепло, сердечно вспоминали А.А. Пушкина, восхищались его благородством и душевной щедростью, бережно сохраняли фотопортреты Александра Александровича с его дарственными надписями. Свои фотографии А.А. Пушкин дарил воспитанницам институтов, как правило, в день, когда они после выпускных торжеств наносили ему прощальный визит.

Жительница Кишинёва Е.Я. Данилова, окончившая институт в 1910 году, более шестидесяти лет спустя рассказывала: «В институте... я воспитывалась бесплатно, как дочь офицера русской армии, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В этой войне мой отец, Яков Николаевич Данилов, командовал отрядом разведчиков. Он умер от ран, когда я была шестимесячным ребёнком...

Александр Александрович был ко мне очень добр, дарил конфеты, хвалил за учёбу, приглашал с подругами к себе в дом. Он всегда был очень приветлив. По большим праздникам и после выпускных экзаменов он обедал в институте за общим столом с нашими наставниками и с нами, провозглашая тосты, шутил»³¹.

Подаренную ей сыном поэта фотографию Елена Яковлевна в 1967 году передала в Кишинёвский музей А.С. Пушкина³².

Видный советский учёный, доктор филологических наук Н.В. Измайлов писал автору книги: «...моя двоюродная сестра София Сергеевна Бартенева, внучка Петра Ивановича, издателя «Русского архива», воспитывавшаяся в Екатерининском институте, часто видела А.А. Пушкина, когда он, как попечитель, приезжал в институт, где теперь помещается Дом Советской Армии, а также и у своего деда, Петра Ивановича, и рассказывала мне о нём с большой теплотой».

* Так с 1882 года назывался бывший 13-й гусарский Нарвский полк. В 1907 году было восстановлено прежнее наименование полка.

М.А. Новикова-Каллаш, также учившаяся в Екатерининском институте и часто видевшая там А.А. Пушкина, вспоминала на склоне лет: «Это был среднего роста породистый старик... с характерным ртом, напоминавшим его великого отца на портретах. Его короткие, очень густые волосы, как и аккуратно подстриженная с обеих сторон борода, в это время уже были снежно белы... О своем отце, насколько помнится, А.А. Пушкин никогда не говорил, но на экзаменах по литературе, когда темой было творчество Пушкина, заметно волновался». Портрет А.А. Пушкина с его автографом она много лет назад передала в Онегинский музей в Париже³³.

Сослуживец А.А. Пушкина по Московскому присутствию Н.Г. Ураноссов, с октября 1907 года до середины декабря 1908 года находившийся в прямом служебном подчинении у старшего сына поэта, оставил обстоятельные воспоминания о нем:

«А.А. Пушкин, кроме председательствования, имел ещё другие посты, вероятно, потому, что был мягок и высшему начальству, очевидно, легко было возложить на него больше дел, чем на других...

Внешне он, конечно, имел некоторое сходство с отцом: у него были голубые глаза, горбатый нос и несколько выдающаяся нижняя губа. Он был лысый, совершенно седой и носил бороду. Роста он был среднего, но, несмотря на свой возраст, держался прямо. Носил он постоянно очки и много курил. Была у него привычка во время разговора смотреть на того, с кем он говорил, поверх очков. Голос у него был хрипловатый, должно быть, от постоянного курения.

Как настоящий аристократ и человек очень благовоспитанный, держал себя А.А. Пушкин очень просто и поэтому пользовался в училище и институте популярностью. Никакой начальственности в его отношении к подчинённым совершенно не чувствовалось... Носил он обычную серую офицерскую шинель, а зимой шинель с бобровым воротником. Форма его была хорошо знакома Москве...

Ал. Ал. запросто, иногда неожиданно, появлялся в помещении канцелярии, со всеми здоровался, следовал за глухую перегородку с окошечком, через которое производились денежные выдачи, и садился за письменный стол, стоявший у окна. За этим столом ему делались доклады и он подписывал бумаги...

Ал. Ал. было свойственно в некоторой мере чувство юмора... Я приехал к нему на квартиру с довольно толстой книгой журналов совета по личному составу (о назначении и увольнении учителей, классных дам и т.п.). Увидав, что я вынимаю её из портфеля, Ал. Ал. сказал: «Я вижу, вы тащите эту толстую книгу, придется много подписывать...», а потом, подписав ряд приказов и продолжая подписывать, сказал, улыбаясь: «Своя собственная фамилия наоест...»

*Александр Александрович Пушкин.
Фотография 1912–1913 гг.*

А.А. Пушкин был... всегда спокоен и корректен, и только один раз я видел его потерявшим равновесие на заседании совета в Александровском институте, когда начальница М.В. Весёлкина вывела его из себя своими, по-видимому, неверными утверждениями...

Когда разговор почему-то зашёл об открытии педагогических классов... она сказала: «Ал<ександр> Ал<ександрович>, это вы были против открытия педагогических классов в моем институте...» Я не знаю, было ли это верно или неверно, но только генерал Пушкин, этот мягчайший и милейший старик, сначала было сказал довольно спокойно: «Наоборот, я просил об открытии педагогических классов в институте...», а потом, когда она продолжала говорить то же самое, вдруг вспыл

лил, встал и сказал: «М<атильда> В<алерьяновна>, вы говорите совершенно неправильно... Я не могу оставаться там, где меня оскорбляют...» И Александр Александрович, по словам Ураносова, «вышел, ни с кем не простившись»³⁴.

Может быть, именно за сочетание в своем характере исключительной корректности и столь же исключительной принципиальности, верности собственным убеждениям, своему долгу и пользовался Александр Александрович всеобщим уважением и почётом. И, возможно, вовсе не случайно (так, по крайней мере, считала правнучка Пушкина С.П. Вельяминова, и это вполне согласуется с воспоминаниями других современников А.А. Пушкина) именно в годы его опекунства в Екатерининском и Александровском институтах работали многие прогрессивные педагоги. Среди них будущий видный советский государственный и партийный деятель, историк и дипломат, действительный член АН СССР В.П. Потёмкин (1874–1946), известный в дальнейшем литературовед, академик П.Н. Сакулин (1868–1930), историк литературы, критик П.С. Коган (1872–1932) и другие.

Иногда сын поэта находил хороших учителей в провинции. Так, в 1907 году он пригласил М.М. Дмитриевского, директора Пермского реального училища, занять должность заведующего учебной частью Екатерининского инс-

титута. И Михаил Михайлович, переехав в Москву, в течение семи лет, вплоть до кончины Александра Александровича, успешно работал на новом поприще в непосредственном контакте с А.А. Пушкиным.

Далекий от политики, Александр Александрович тем не менее резко осуждал царское правительство, когда оно потопило в крови мирную демонстрацию рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. Престарелая жительница Венёвского района Тульской области Аграфена Иосифовна Баранова, с десяти лет жившая в доме Пушкиных, вспоминала: «После расстрела рабочих в Питере мы ходили в церковь. Обедню по убитым заказал Александр Александрович Пушкин, и на ней были все Пушкины и вся их прислуга. Александр Александрович всё возмущался: «Не могу понять... никак не могу понять, почему стреляют в безоружных людей...»³⁵

Современники отмечали, что чем старше становился Александр Александрович Пушкин, тем больше он внешне походил на отца. Так, автор статьи «Пушкинские реликвии», напечатанной без подписи в № 41 журнала «Нива» за 1913 год, писал: «Лицо Александра Александровича поражает сходством с лицом отца – не только в общем типе, но и в отдельных чертах. Александру Александровичу теперь восемьдесят лет, а его отец скончался на тридцать восьмом году, но, несомненно, доживи поэт (а на это ему позволяло рассчитывать его прекрасное здоровье) до таких же преклонных лет, его старческий облик близко подходил бы к наружности Александра Александровича».

В детстве, на четвёртом году, Марина Цветаева, будущая поэтесса, видела А.А. Пушкина в доме своего отца в Трёхпрудном переулке в Москве. Об этом ярком эпизоде из собственного детства она вспомнила, работая над книгой «Мой Пушкин».

«– А зовут его Александр Александрович, – продолжал отец, – и он очень похож на отца. Ты ведь знаешь, кто его отец?»

– Мама сказала: Памятник – Пушкина.

– Ну, положим, не памятник Пушкина, а Александр Сергеевич Пушкин, наш великий русский поэт. Сколько, впрочем, голубка, Мусе лет?»

– Три года, четвёртый.

– Ну, значит, время ещё есть. А все-таки, Муся, запомни, что ты трёх лет от роду видела сына А.С. Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать»³⁶.

Многие, кому доводилось встречать Александра Александровича, хотели видеть в нём живую копию Пушкина. И когда не находили в сыне полного портретного сходства с отцом, разочарованно вздыхали.

По поводу таких курьёзных «требований» А.А. Пушкин полушутя-полу-

серьёзно жаловался сыновьям Л.Н. Толстого: «Плохо нам с вами. Чувствую, что от меня требуют, чтобы я был с баками, как от вас – чтобы вы непременно носили окладистую седую бороду. Иначе все обижаются: какие ж это Пушкин и Толстой!»³⁷

А дочери своей Анне Александр Александрович признавался: «В глазах встречных я читаю разочарование. Они ожидают увидеть в сыне великого поэта какую-то исключительную личность. А я – самый обыкновенный, ничем не примечательный человек. Публика и обижается: «Помилуйте, Пушкин – и не пишет!»³⁸

Подобная же «обида» чувствуется и в воспоминаниях известного советского пианиста и композитора народного артиста СССР А.Б. Гольденвейзера (1875–1961), в молодости видевшего А.А. Пушкина на музыкальных вечерах в Екатерининском институте. Он признаёт, что Александр Александрович «был необычайно похож на своего отца», но тут же добавляет: «Каких-нибудь значительных или интересных слов он при мне не произносил, да, кажется, и не представлял собой ничего особенного...»³⁹

Позволю себе не согласиться с мнением авторитетного музыканта. Вряд ли справедливо по случайным впечатлениям от мимолетных встреч с сыном поэта судить столь категорично о его личности. И разве можно немногословие А.А. Пушкина, которое, вне всякого сомнения, было одним из внешних проявлений исключительной скромности Александра Александровича, расценивать как нечто определяющее его достоинства?

В 1848 году, после кончины Сергея Львовича Пушкина, село Большое Болдино – центральное имение нижегородских владений Пушкиных – перешло к брату поэта Льву Сергеевичу, а сыновья Пушкина, Александр и Григорий, стали владельцами Кистенёвки. С 1852 года их собственностью была и Львовка. Позднее эти деревни принадлежали – по соглашению между наследниками – А.А. Пушкину. Однако формально Александр Александрович не был введён во владение Кистенёвкой и Львовкой до осени 1900 года. Когда ему понадобилось продать 34 десятины кистенёвских земель, оставшихся от надела крестьян этой деревни, старший сын Пушкина писал брату Григорию Александровичу: «...мне за них (34 десятины земли. – В.Р.) предлагают 6660 руб., но совершить купчую я не могу, так как я лично не введён во владение и данная тобой доверенность меня не уполномочивает на это»⁴⁰.

В том же письме А.А. Пушкин просит брата прислать ему постановление Псковского окружного суда, по которому их раздел утверждён⁴¹, чтобы он «мог окончательно вступить в полное владение своим имением». На всякий случай

Александр Александрович напоминает, что «Кистенёво состоит в Сергачском уезде, а Львово в Лукояновском».

Не ограничиваясь письмом, А.А. Пушкин несколько дней спустя отправляет брату телеграмму следующего содержания: «Нижегородский суд для ввода во владение требует подлинный раздельный акт или вышли или укажи где находится»⁴².

Требуемые документы Г.А. Пушкин отправил старшему брату в Москву 5 октября 1900 года. И вскоре Александр Александрович стал юридическим владельцем двух нижегородских деревень, которыми фактически распоряжался с середины XIX века.

Точно так же хозяином Михайловского несколько десятилетий был Г.А. Пушкин, хотя формально это пушкинское имение, деревни и земли, к нему относящиеся, принадлежали обоим сыновьям Пушкина.

С конца 1870-х годов и Малое Болдино числилось за старшим сыном поэта: он купил малоболдинскую «ненаселённую землю» (669 десятин) со всеми «господскими строениями» у двоюродной тетки О. М. Сонцовой (умерла в 1880 году).

В Большом Болдине до 1903 года жил племянник А.С. Пушкина Анатолий Львович Пушкин (1846–1903). После смерти Анатолия Львовича хозяином имения стал его сын Лев Анатольевич Пушкин (1870–1918). У него в разные годы бывал старший сын поэта, неоднократно приезжавший на отдых во Львовку. Болдинская усадьба была особенно дорога А.А. Пушкину. Ведь здесь его отец провел три осени – в 1830, 1833 и 1834 годах, причём первые два приезда оказались для поэта необычайно плодотворными: теперь весь мир восхищается пушкинскими произведениями, написанными на болдинской земле.

По воспоминаниям крестьянина Степана Вострышева – в записи И.В. Киреева⁴³, – Александр Александрович говаривал: «Болдино мне родное. Здесь и дед мой жил, и отец по этим улицам ходил. Во Львовке я как на квартире живу. Нет там такой широты, простора. Вот почему меня всегда влечёт в Болдино. Вижу, что здесь память отца чтут. Иду в Лучинник и думаю, что по этой дороге проезжал отец. Около лиственницы постою, и кажется мне, будто я с отцом наговорился. Как мне скучно станет во Львовке, я и еду в Болдино хоть на несколько часов»⁴⁴.

Старший сын Пушкина ещё в 50-х годах XIX века построил во Львовке двухэтажный дом на каменном фундаменте, с балконом и колоннами по фасаду; нижний этаж кирпичный, верхний – из липового леса. Дом хорошо сохранился до наших дней. До 1972 года в нем была школа.

Старейший житель Львовки Максим Иванович Куликов, до 1963 года колхозный ветфельдшер, вспоминал:

– Впервые я увидел Александра Александровича в 1904 году. Мне было тогда шестнадцать лет. И я очень ясно помню его, старого, седобородого, в

генеральском мундире. Был он всегда спокойный, приветливый. Любил прогулки по парку, подолгу сидел где-нибудь в глубине сада на скамейке. Самому мне не приходилось разговаривать с Александром Александровичем: стеснялся я. Но в доме господском бывал. А в зиму двенадцатого-тринадцатого года даже кормил двадцать лошадей в его имении. Во Львовке генерал бывал только наездами: поживёт у нас летом месяц-полтора и снова уедет в Москву, к семье. Жена и дети Александра Александровича никогда во Львовку не приезжали. Управлял же имением в те годы арендатор Иван Иванович Кундров*, из немцев. Жил он во Львовке постоянно. Строгий человек был, не то что Александр Александрович... В один из приездов Александра Александровича Пушкина во Львовку наши старики ходили к нему просить место для школы. И он разрешил построить на своей земле, рядом с усадьбой, четырёхклассную церковноприходскую школу, в которой год спустя начались занятия. А в десятом году сын поэта позволил жителям деревни построить невдалеке от барского дома деревянную церковь. Она тоже сохранилась.

– Генерал Пушкин, – продолжал Максим Иванович, – очень сердечно относился к крестьянам. Как сейчас помню, львовские старики облюбовали для церкви полянку, где стоял господский каретник, были там и другие хозяйственные постройки. Так он, верите ли, согласился перенести эти строения на другое место, лишь бы угодить людям. И никакой помощи от крестьян не потребовал...

По словам М.И. Куликова, в последний раз А.А. Пушкин приезжал во Львовку в 1912 году.

И сам Максим Иванович Куликов, и другие его односельчане в 1917–1918 годах, «зная их, Пушкиных, любовь к народу», сохранили дом А.А. Пушкина и часть имущества, находившегося в усадьбе.

В 1926 году Лукояновский уездный исполком постановил перевезти «помещичий» дом из Львовки в село Уду, чтобы построить там школу. Но львовские крестьяне рассудили иначе...

Максим Иванович так рассказывал об этом:

– Приехали в деревню на шестидесяти подводах. Вижу, дело неладно. Я и послал двух мальчишек за стариками: один побежал по одному порядку**, другой – по другому. Собрались люди. Начали стыдить приезжих мужиков. «Разве можно, – спрашивают, – исторические дома ломать?» А те только плечами пожимают: нас, мол, начальство послало. Так и отстояли мы пушкинский дом. В тридцать четвёртом году в этом доме открыли школу. В ней учились и дети мои, и внуки, и правнуки. Как видите, дом Александра Александровича

* Имеется в виду управляющий И.И. Кундрат, прослуживший у А.А. Пушкина свыше 30 лет.

** Сторона улицы (обл.).

*Дом в Малом Останкине, где жил и умер А.А. Пушкин.
Фотография 1961 г.*

и сейчас стоит целёхонек, хотя ему давно уже за сто лет перевалило. Теперь усадьбу генерала болдинскому музею Пушкина отдали. И очень правильно сделали. Значит, не зря мы тогда взяли под защиту пушкинское имение. Оно ещё долго будет служить людям, которые в наши края приезжают, чтобы болдинскими да львовскими просторами полюбоваться, в гостях у Пушкина побывать...

В 1890-х и 1900-х годах А.А. Пушкин нередко приезжал и в село Малое Останкино Каширского уезда, принадлежавшее его жене М.А. Пушкиной (Павловой)⁴⁵. Александр Александрович построил в Останкине дом, где и проводил с семьёй лето.

Там 19 июля 1914 года сына поэта застало известие о вступлении России в войну с Германией.

– В этот день, – рассказывала мне Н.С. Шепелёва, – дедушка узнал о начавшейся мобилизации, понял всё сложившееся военное положение, и это его сильно взволновало. Конечно, он понимал, что для действующей армии уже негоден и стар, и на войну идти не собирался. Предание о том, будто Александр Александрович надел мундир и сел к столу писать прошение на имя государя, чтобы ему разрешили поехать на фронт, кем-то придумано. Не верьте ему... От жившей в семье Пушкиных и очень уважавшей дедушку Груши Барановой, теперь покойной, знаю, что расстроенный Александр Александрович даже не стал обедать, раньше обычного ушёл в спальню, лег, вскоре потерял сознание и, не приходя в себя, скончался на её руках. Аграфена Иосифовна находилась в тот вечер при нём неотлучно. Вот как все было...⁴⁶

Александр Александрович хотел, чтобы его похоронили в Лопасне, рядом

с первой женой, С.А. Пушкиной, и детьми Софьей и Сергеем. Но его волю не могли исполнить из-за начавшейся войны, и он был погребён в селе Марыгино (в нескольких верстах от Малого Останкина) бывшего Венёвского уезда. Там, в церкви, в семейном склепе Павловых гроб с забальзамированным телом А.А. Пушкина и находился почти столетия.

В июне 1963 года по ходатайству потомков Пушкина Московский и Тульский облисполкомы вынесли решение о перенесении останков старшего сына поэта в город Чехов. В церемонии нового захоронения Александра Александровича участвовали сотни местных жителей...

Александр Александрович Пушкин, умевший, по словам Н.О. Лернера, «ценить превыше всяких званий и титулов завещанное ему славное имя»⁴⁷, внес значительный вклад в отечественное пушкиноведение.

В начале июня 1880 года в Москве был открыт памятник А.С. Пушкину работы скульптора А.М. Опекушина*. Незадолго до празднества Общество любителей российской словесности организовало в двух залах Благородного собрания Пушкинскую выставку. А.А. Пушкин, которому по семейному разделу имущества принадлежал архив поэта, доставил туда многочисленные рукописи отца.

Когда выставка была открыта, П.И. Бартеневу и первому хранителю отделения рукописей Румянцевского музея (позднее Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина) Алексею Егоровичу Викторову удалось убедить А.А. Пушкина в том, что эти бесценные пушкинские бумаги надо наконец поместить в надёжное государственное хранилище.

И вот 9 мая 1880 года Александр Александрович Пушкин обратился к директору Московского Публичного и Румянцевского музея В.А. Дашкову с письмом следующего содержания:

«Милостивый государь Василий Андреевич!

В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собственность сохранившиеся у меня подлинные рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением Московский Публичный и Румянцевский музей, куда эти рукописи и

*7 августа 1884 года в Петербурге также состоялось открытие памятника Пушкину, отлитого по модели А.М. Опекушина и сооружённого в небольшом сквере на Новой (в прошлом Компанейской) улице, которая с тех пор стала называться Пушкинской. Среди именитых участников этого торжественного акта был и А.А. Пушкин.

будут доставлены из Общества любителей российской словесности, которому временно я их передал, вместе с правом воспользоваться ими для особого литературного сборника.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, прошу принять уверение в моём почтении и преданности.

Ваш покорный слуга Александр Пушкин»⁴⁸.

На торжества по случаю открытия памятника в Москву приехали все дети поэта – Мария Александровна Гартунг и Александр Александрович Пушкин из города Козлова Тамбовской губернии (там с 9 апреля 1879 года⁴⁹ находился на постоянных квартирах 13-й гусарский Нарвский полк), Григорий Александрович Пушкин – из Михайловского, Наталья Александровна Меренберг – из Висбадена. Они первыми возложили венок к подножию памятника их отцу. В те дни дети и внуки Пушкина были самыми почётными гостями Москвы. На торжественных собраниях в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности и в Благородном собрании их восторженно приветствовали и ректор университета Н.С. Тихонравов, и городской голова С.М. Третьяков*, и пушкинист П.И. Бартнев...

Очевидец Д.Н. Любимов, вспоминая заседание в университете, писал: «Когда ректор, говоря речь, упомянул о том, что Пушкин где-то сказал, что его более всего трогает, когда чествуют потомков за заслуги их знаменитых предков, ввиду полного бескорыстия и искренности этих чествований, весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго не смолкавшими рукоплесканиями. Пушкины страшно смутились от внезапности и искренности всех в зале охвативших чувств»⁵⁰.

Детей поэта пригласили на парадный обед, устроенный Обществом любителей российской словесности. На нём присутствовали 223 человека. На меню, украшенном виньеткой работы художника К.А. Трутовского, были начертаны пушкинские стихи:

*Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!*

Когда Бартнев предложил тост за членов семьи Пушкина, его дружно поддержали все собравшиеся, в том числе писатели И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.С. Аксаков, А.Н. Островский, поэты А.Н. Майков и Я.П. Полонский.

* Собиратель западноевропейской живописи, младший брат П.М. Третьякова – основатель Третьяковской галереи, в которой сосредоточены произведения русского реалистического искусства. Коллекции Третьяковых переданы в дар Москве в 1892 году.

В октябре 1880 года архив Пушкина, бывший у его старшего сына, поступил почти полностью в Румянцевский музей. Здесь находились четырнадцать «рабочих тетрадей», содержащих преимущественно черновые тексты различных произведений Пушкина. Они отражают едва ли не весь его творческий путь – от лицейских стихотворений и «Руслана и Людмилы» до знаменитого стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», помеченного 21 августа 1836 года, то есть написанного поэтом за пять месяцев до гибели.

Кроме этих «рабочих тетрадей», в архив поэта, переданный А.А. Пушкиным Румянцевскому музею, входили несколько десятков самодельных тетрадок, в которые Пушкин переписывал набело такие крупные произведения, как «Медный всадник», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Маленькие трагедии». Из тетрадок были сброшюрованы авторизованные копии «Бориса Годунова», «Истории Пугачёва», материалы к ней и другие тексты.

После смерти Пушкина все рукописи поэта, черновые и беловые, были просмотрены жандармами, прошиты, пронумерованы полистно красными чернилами и припечатаны жандармской печатью на сургуче. А отдельные листки, которые трудно было шить в тетради, сложили – небрежно и безграмотно – в пакеты. Только в 1930-х годах «жандармские тетради» были расшиты и рукописям Пушкина возвращён тот порядок, какой они имели до «посмертного обыска» в квартире поэта, что значительно облегчило их изучение.

Помимо рукописей А.А. Пушкин передал в Румянцевский музей большое количество писем к поэту, входивших в его личный архив и бывших в квартире Пушкина в момент его смерти.

Через два года А.А. Пушкин принёс в дар музею письма Пушкина к жене, Н.Н. Пушкиной, находившиеся до того у их младшей дочери Н.А. Меренберг.

При передаче рукописей отца в музей А.А. Пушкин предоставил право пользоваться ими исключительно П.И. Бартеневу. Поскольку многие тетради Пушкина находились тогда ещё в городе Козлове, Петр Иванович, получив разрешение публиковать из рукописей поэта всё, «что найдёт в них нового», ездил за ними в Козлов, а затем, по мере использования тетрадей, передавал их в Румянцевский музей. Уже в 1880 году, начиная с третьего номера «Русского архива», Бартенев публиковал тексты Пушкина, не вошедшие в собрания сочинений поэта, подготовленные в свое время к изданию В.А. Жуковским и П.В. Анненковым⁵¹.

С осени 1882 года бумаги Пушкина, поступившие в Румянцевский музей, стали доступны всем, кто занимался изучением творчества поэта.

В преддверии 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина председатель Пушкинской комиссии по проведению юбилейных торжеств в Москве А.И. Кирпичников обратился к А.А. Пушкину с просьбой предоставить для временной выставки, посвящённой поэту, принадлежавшие ему вещи. Александр Александрович ответил согласием. Таких вещей, как сообщалось тогда в печати⁵²,

у него было около пятнадцати. Среди них – чернильница поэта со статуэткой негра, подаренная Александру Сергеевичу П.В. Нащокиным; серебряные туалетные принадлежности, которыми пользовался Пушкин; портрет его матери – Надежды Осиповны; грамота (диплом) на звание члена Российской академии, выданная Пушкину в 1833 году, и официальное извещение об этом избрании; портрет поэта работы О.А. Кипренского; пушкинская конторка красного дерева; картина Н.Г. Чернецова, изображающая Дарьяльское ущелье (написана художником в 1832 году и подарена Пушкину, висела в последней квартире поэта на набережной Мойки, 12)...

Выставка была открыта в Ивановском зале картинной галереи Румянцевского музея 14, 16 и 23 мая для учащихся, с 24 по 29 мая – для общего обозрения. Она состояла из двух отделов: первый (144 номера) – пожертвованные А.А. Пушкиным в 1880 году Румянцевскому музею собственноручные рукописи и рисунки поэта; второй (428 номеров) – издания его сочинений.

В «Отчёте Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год» приведены данные о количестве посетителей Пушкинской выставки. Оказывается, за три дня на ней побывали 216 (!) воспитанников и воспитанниц учебных заведений, а за шесть дней, отведённых для общего обозрения, всего 816 человек⁵³. Как мизерны, как ничтожно малы эти цифры!..

Незадолго до пушкинского юбилея 1899 года А.А. Пушкин просил брата прислать ему на время фотографии видов Михайловского для картины, «которую хочет составить учитель рисования» коммерческого училища (там Александр Александрович заведовал учебной частью), – «нечто вроде портрета отца и кругом виды Михайловского для раздачи в виде цинкографии ученикам училища»⁵⁴.

По-видимому, просьбу эту Г.А. Пушкин выполнил.

День рождения А.С. Пушкина отмечался торжественно. 26 мая в Святых Горах потомки возложили на могилу поэта венок, на лентах которого были слова: «В память столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина от семьи»⁵⁵.

Тёплыми овациями встретила публика в Святогорском монастыре сыновей поэта и его племянника Л.Н. Павлицева. Участник торжеств свидетельствует: «А.А. Пушкин, растроганный, благодарил за внимание, а публика махала платками, хлопала, и казалось, ещё момент – и всякому захочется подойти и пожать руку сыну бессмертного отца»⁵⁶. В Святых Горах Александру Александровичу был вручён диплом почётного члена Румянцевского музея «за драгоценнейшее пожертвование... в 1880 г. рукописей его отца и с целью укрепить нравственную связь просветительного учреждения Москвы с потомками великого поэта»⁵⁷. В юбилейные дни старшему сыну поэта был пожалован также орден св. Владимира 2-й степени.

При жизни А.А. Пушкин не расставался лишь с дневником отца 1833–1835

годов, с портретами отца и матери, печаткой Пушкина из дымчатого топаза и некоторыми личными вещами Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных. Дневник отца он хранил особенно ревниво, так как считал публикацию его преждевременной.

В апреле 1899 года старший сын Пушкина, давая интервью корреспонденту газеты «Сын отечества», сказал, что дневниковые записи отца он не публикует «ввиду того, что там говорится о некоторых лицах недостаточно почитительно».

«Мемуары эти, – подчеркнул А.А. Пушкин, – незадолго до смерти передала мне моя мать. Как-то раз она разбирала в столе и наткнулась на тетрадь. Она передала её мне. После знакомства с мемуарами я решил их оставить пока в тайне»⁵⁸.

Даже пушкинист П.И. Бартнев, по свидетельству его внучки Н. Яшвили, «просидел однажды несколько дней, закрытый на ключ в комнате, выписывая из дневника Пушкина нужные ему данные, так как только при этом условии сын поэта Александр Александрович позволил ему ими воспользоваться»⁵⁹.

И всё-таки, несмотря на предосторожности А.А. Пушкина, содержание дневниковых записей его отца к концу XIX столетия для многих уже не было секретом: в печати постепенно появлялись всё новые и новые страницы дневника.

Ещё П.В. Анненков, снявший копию с рукописи дневника, использовал отдельные цитаты из него в своём труде «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина» (СПб., 1855). Ссылался на дневник Пушкина и В.А. Соллогуб в «Воспоминаниях», появившихся в печати в 1866 году.

В 1880 году Александр Александрович Пушкин разрешил председателю Общества любителей российской словесности С.А. Юрьеву напечатать отрывки из дневника в «Русской мысли» (1880, № 6, с. 1–10). В том же году и почти в том же виде фрагменты из дневника были опубликованы во втором номере «Русского архива», который издавался П.И. Бартневым (с. 488–499). Год спустя Бартнев напечатал в этом журнале ещё один, правда небольшой, отрывок из дневника поэта (1881, № 2, с. 495).

Племянник Пушкина Л.Н. Павлицев в своих записках «Из семейных воспоминаний об А.С. Пушкине», опубликованных в сентябре 1890 года в журнале «Русское обозрение», поместил «Дополнение к отрывкам «Дневника» А.С. Пушкина». Несколько не обнаруженных до тех пор выдержек из дневника дал в 1899 году В.Е. Якушкин.

В 1903 году дневник напечатал П.А. Ефремов, причём он сделал это, по словам М.Н. Сперанского, «в объёме, превышающем все до сих пор бывшие его издания».

Были изданы дневниковые записи Пушкина и в шестом томе Полного собрания сочинений поэта под редакцией П.О. Морозова (книгоиздательское

т-во «Просвещение». СПб., 1904). Но самым полным дореволюционным изданием дневника был текст его в пятом томе Сочинений А.С. Пушкина под редакцией С.А. Венгерова (СПб., 1911, изд. Брокгауза и Ефрона). Из него исключили в основном те места, которые редактору казались «неудобными» для опубликования. Текст дневника не был свободен от ряда ошибок и неточностей, связанных с тем, что редактор пользовался не подлинной рукописью Пушкина, находившейся в те годы по-прежнему у старшего сына поэта, а копией со списка, сделанного П.В. Анненковым ещё в 1850-х годах. Полную же копию дневниковых записей отца А.А. Пушкин разрешил снять только в 1903 году, когда к нему с просьбой об этом обратился президент Академии наук великий князь Константин Константинович.

Хранитель Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина Г.П. Георгиевский так вспоминал об этом в беседе с Т.Г. Цявловской в 1931 году: «Когда он (А.А. Пушкин. – *В.Р.*) давал дневник читать, он говорил: «Только, чтобы Уваровы не знали, что там есть». Получает Ал. Ал. рескрипт от великого князя Константина Константиновича, что тот желает прочесть дневник Пушкина. Ал. Ал. просто не знал, что делать, был в отчаянии, за голову хватался... Рескрипт второй: «Будьте покойны, всё, что Вас смущает, останется в тайне»...

Дневник попал к Константину Константиновичу, тот дал Саитову снять копию. Мало того, в Историческом музее собрали Пушкинское заседание, где был и Ал. Ал. и где В.Е. Якушкин прочёл вслух весь дневник в копии. Когда Ал. Ал. услышал те слова, которые его так мучили, он сорвался с места и демонстративно вышел, хлопнув дверью»⁶⁰.

Копия дневника, снятая пушкинистом В.И. Саитовым, как и подлинник его, Венгеру была недоступна.

Поэтому первыми действительно полными и, главное, научными публикациями дневника считаются два издания его 1923 года по рукописи, поступившей в 1919 году в Румянцевский музей. Одно издание осуществлено под редакцией Б.Л. Модзалевского, другое – В.Ф. Саводника и М.Н. Сперанского⁶¹.

В разное время в Румянцевский музей поступили рукописи Пушкина из личных архивов С.А. Соболевского, М.П. Погодина, С.Д. Полторацкого, П.В. Анненкова и многих других лиц. Так постепенно в Румянцевском музее сосредоточилось самое большое собрание пушкинских рукописей.

Как же сложилась дальнейшая судьба рукописного наследия Пушкина?

На Всесоюзную пушкинскую выставку, открывшуюся в Москве в 1937 году, накануне 100-летия со дня смерти Пушкина, были представлены рукописи поэта не только из Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, но и из других музеев, библиотек и архивов страны, где они начали концентрироваться в середине XIX века. Особенно большое количество пушкинских бумаг было сосредоточено, помимо Государственной библиотеки СССР име-

ни В.И. Ленина, в Пушкинском Доме АН СССР, в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в бывшем Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи и в Государственном литературном музее в Москве.

В марте 1938 года советское правительство приняло постановление, по которому Пушкинская выставка была реорганизована в Государственный музей А.С. Пушкина. В нём должны были храниться рукописи поэта, документы, связанные с его жизнью и творчеством, а также изобразительные материалы о Пушкине и его эпохе, издания его сочинений, литература о поэте. Музей находился в ведении Института мировой литературы имени А.М. Горького.

После Великой Отечественной войны, накануне 150-летия со дня рождения Пушкина, все материалы музея по распоряжению президиума Академии наук СССР были переданы в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, созданный при Петербургской Академии наук ещё в 1905 году в «благотворительную память великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина». И в июле 1948 года рукописи Пушкина из Москвы поступили в город на Неве.

Некоторые автографы поэта есть ещё у частных лиц, имеются они и за границей. Но преобладающее большинство рукописей Пушкина уже почти шестьдесят лет сосредоточено в Рукописном отделе Пушкинского Дома – центра российского пушкиноведения. На 1 января 1998 года здесь находилось 1773 автографа поэта, около 12 тысяч страниц. И основную часть пушкинского фонда по-прежнему составляют рукописи, переданные А.А. Пушкиным Румянцевскому музею 125 лет назад.

...Пушкиноведы и все почитатели русского поэта благодарны Александру Александровичу Пушкину и за то, что он в конфиденциальной беседе с двоюродным братом Анатолием Львовичем Пушкиным сообщил интересные сведения о своем отце. Запись рассказов сына поэта сделана по-английски рукой Анатолия Львовича на тридцати трёх страницах шестого – последнего – тома Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, изданного в 1869–1871 годах в Петербурге Я.А. Исаковым.

Основная часть заметок – отзывы о поэте, исходившие из царской семьи и услышанные А.А. Пушкиным, вероятно, от Александра II в пору, когда Александр Александрович был флигель-адъютантом царя и некоторое время находился в его свите.

А.Л. Пушкин зафиксировал эти сведения «дословно по пунктам». Среди них встречаем, например, такие: «Пушкин и Лермонтов были неизменными противниками трона и самодержавия и в этом направлении действовали на верноподданных России». Или: «Будучи наследником престола, я имел встречи с Пушкиным, но каждая встреча отдаляла поэта от двора»; «Мы сожалеем о гибели поэтов Пушкина и Лермонтова: они могли быть украшением двора и воспеть самодержца»...

Записи племянника поэта, сделанные со слов А.А. Пушкина, содержат и воспоминания В.А. Жуковского о Пушкине, которыми он поделился с Александром Александровичем в начале 1850-х годов, то есть незадолго до собственной кончины.

Новонайденные семейные бумаги Пушкиных — ещё одно подтверждение того, как много сделал для пушкиноведения старший сын поэта⁶².

¹ Это письмо А. С. Пушкина в 1970 году обнаружили в архиве Гончаровых И.М. Ободовская и М.А. Дементьев.

² См.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. — Пг., 1924. — С. 126–130.

³ Не исключено, что из-за преступно-небрежного отношения Тарасенко-Отрешкова к своим опекунским обязанностям исчезли и другие автографы Пушкина, не найденные по сей день. Вот что писал, например, в 1878 году хорошо знавший Тарасенко-Отрешкова современник: «Я имею много оснований думать, что Отрешков отнёсся к этой обязанности не с должным пониманием важности оной. Хотя он и считался сочинителем неважных брошюр по части разных проектов, но никогда не был литератором в настоящем смысле этого слова. Скажу одно, что вслед за получением им к разбору дел и бумаг Пушкина появились в руках его знакомых толстые рукописные тетради сочинений Пушкина с его собственными, отрешковскими, крайне любопытными пометками» (*Н. М. К.* Письмо в редакцию. По поводу писем А.С. Пушкина к жене // *Вестник Европы.* — 1878. — № 3. — С. 435–436).

⁴ См.: *Русский библиофил.* — 1913. — № 6. — С. 22–23.

⁵ Как видно из свидетельства о бракосочетании Н.Н. Пушкиной и П.П. Ланского, их венчание состоялось в Благовещенской церкви лейб-гвардии конного полка. — ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, ед. хр. 516, л. 8.

Подробнее о П.П. Ланском см.: *Формулярный список о службе и достоинстве командира лейб-гвардии конного полка генерал-адъютанта Ланского за 1851 год.* Составлен 26 августа 1852 года. — ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, ед. хр. 516, л. 4–7; *Русский биографический словарь.* Лабзина — Ляшенко. — СПб., 1914. — С. 69–70; *Петербургский некрополь.* — СПб., 1912. — Т. 2. — С. 607.

⁶ *Б.М. Александр Александрович Пушкин* // *Московские ведомости.* — 1914. — 23 июля.

⁷ *Послужной список состоящего в запасе армейской кавалерии генерал-лейтенанта Пушкина.* Составлен 30 сентября 1890 года. — ЦГВИА, ф. 400, оп. 174, д. 36, л. 26. В дальнейшем сведения о прохождении военной службы А.А. Пушкина приводятся в основном по послужному списку.

⁸ Из письма правнучки Пушкина С.П. Вельяминовой.

⁹ *ИРЛИ, ф. 246, № 72.*

¹⁰ *Николай Доризо.* Указ. соч. — С. 271–272.

¹¹ *Арапова А.П.* — 1908. — № 11446.

¹² *ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.*

¹³ *Пушкин в описаниях своей жены. Беседа с сыном поэта А.А. Пушкиным* // *Петербургская газета.* — 1913. — 24 окт.

¹⁴ Рассказ С.П. Вельяминовой записан на магнитофонную ленту её племянником С.Е. Клименко в начале 1960-х годов.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

¹⁶ Беседа с генерал-адъютантом Александром Александровичем Пушкиным // Петербургская газета. – 1912. – 29 янв.

¹⁷ См.: Февчук Л.П. Семья Пушкина в портретах и документальных фотографиях // Белые ночи. – Л., 1975. – С. 395.

¹⁸ Сведения о художественных работах С.А. Пушкиной (Ланской) автору сообщили правнучки Пушкина С.Н. Данилевская, Т.Н. Галина и Н.С. Шелелёва, а также старший научный сотрудник Полтавского художественного музея Г.И. Брагилевская.

¹⁹ Сестра П.П. Ланского, Мария Петровна, была замужем за генералом Н.И. Васильчиковым (умер в 1855 году). Ему и принадлежало когда-то имение Лопасня, которым Васильчиковы владели с XVI века. Вторая жена А.А. Пушкина, Мария Александровна Павлова, приходилась двоюродной племянницей его первой жене. На одной из дочерей Н.И. Васильчикова и М.П. Ланской, Екатерине Николаевне Васильчиковой, был женат (с 1860 года, второй брак) Иван Николаевич Гончаров – брат Н.Н. Пушкиной. Супруги жили в имении Ярополец, ранее принадлежавшем Н.И. Гончаровой (урожд. Загряжской) – теще А.С. Пушкина. Их сына Николая крестили А.А. Пушкин и М.П. Васильчикова. Позднее Александр Александрович взял его к себе в полк, стоявший в городе Козлове, и всячески заботился о нём. После смерти отца (в 1881 году) Н.И. Гончаров стал владельцем Яропольца, а его сёстры Екатерина, Наталья и Надежда Ивановны Гончаровы, двоюродные сёстры детей Пушкина, переехали из этого поместья в Лопасню. Когда скончался последний из владевших имением Васильчиковых, Николай Николаевич (1822–1905), Лопасня перешла к его племянницам – сёстрам Гончаровым. С того времени усадьба в быту называлась «дом Гончаровых».

Наталья Ивановна и Надежда Ивановна Гончаровы жили в Лопасне постоянно, а их старшая сестра Екатерина Ивановна ведала художественно-ремесленной школой, богадельней и подсобным хозяйством в Троице-Сергиевой лавре. Осенью 1918 года Наталья Ивановна и Надежда Ивановна ещё находились в Лопасне. Когда Московский губернский Совет поднял вопрос «о выселении Н.И. Гончаровой из имения в Лопасне», президиум коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения 15 октября 1918 года постановил: «...сделать исключение для помещиков, живущих в означенном музее, как для внуков Пушкина (в действительности племянницы жены Пушкина. – В.Р.)» // За коммунистический труд (г. Чехов). – 1969. – 21 янв.

До середины 1920-х годов Наталья Ивановна и Надежда Ивановна Гончаровы жили в Москве, потом переехали в город Сергиев. Позднее они жили в Малоярославце. Обе скончались в первой половине 1930-х годов. По другим данным, Надежда Ивановна умерла в Сергиеве в 1920-х годах, а где и когда скончалась Наталья Ивановна – неизвестно.

²⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

²¹ Согласно «Своду военных постановлений» (СПб., 1859), штаб- и обер-офицеры, прослужившие в этом чине не менее года и увольняющиеся от службы по собственному прошению, награждаются следующим чином. В войсках старой гвардии, в состав которой входил лейб-гвардии конный полк, воинских званий майор и подполковник не существовало: после ротмистра шёл чин полковника. Поэтому в 1861 году А.А. Пушкин вышел в отставку полковником.

Если бы Александр Александрович вновь поступил на военную службу в гвардейские части, то в соответствии с тем же «Сводом...» его определили бы не полковником, а ротмистром, то есть прежним, до увольнения, чином. Но А.А. Пушкин при возвращении на службу в 1867 году переводился в армейские части. В таком случае учитывалось, что «чины войск, пользующиеся правами старой гвардии, от прапорщика или корнета до капитана или ротмистра включительно, имеют преимущество противу чинов армейских двумя чинами выше...»

Поскольку в армейских частях после капитана (в кавалерии – ротмистра) следовали зва-

ния майор и подполковник, А. А. Пушкин был зачислен на службу в ранге подполковника и дальнейшее повышение в чинах проходило в установленном порядке.

Этой справкой автор обязан генерал-лейтенанту Г.Г. Семёнову, заместителю начальника 4-го отдела Института военной истории Министерства обороны СССР полковнику Н.Ф. Азяскому, научному сотруднику того же института Ю.Ф. Соколову.

²² См.: *Тихановский <А. Н.>* Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. – СПб., 1897. – С. 49–50.

²³ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

²⁴ На месте сожжённого летом 1877 года турецкого села Ахметли (в некоторых болгарских источниках: Ахметлии) было основано новое болгарское село Константин – по имени русского поручика, уроженца Черниговщины Константина Рудановского, храбро воевавшего под командованием А.А. Пушкина. Подробнее об этом см.: *Куманова А.* Русское село в Болгарии // *Болгария.* – 1976. – № 3.

²⁵ *Манько А.В.* Сын Пушкина – участник освободительной войны 1877–1878 гг. // *Ставрополье.* – 1972. – № 4. – С. 78.

²⁶ Об участии 13-го гусарского Нарвского полка в освобождении Болгарии от турецкого ига см. также: *Медникаров Х.* Полковник Пушкин на болгарской земле // *Болгария.* – 1976. – № 3; *Манько А.В.* (без заглавия) // *Военно-исторический журнал.* – 1967. – № 5. – С. 110; *Он же.* Сын А.С. Пушкина в боях за освобождение Болгарии // *Вопросы и ответы.* – 1967. – № 3. – С. 55–59; *Герои Шипки: Сборник.* – М., 1979; *Сын Пушкина // Смена.* – 1979. – № 8. – С. 22.

²⁷ Из письма И.Л. Попелюхера, учителя 29-й одесской школы, руководителя школьного музея А.С. Пушкина.

²⁸ Пушкинский край (Пушкинские Горы). – 1973. – 17 нояб.

²⁹ *Прок-ев.* Память Пушкина // *Новое время.* – 1887. – 31 янв.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 637, оп. 1, ед. хр. 84, л. 187.

³¹ *Субботин В.* Портрет сына А.С. Пушкина // *Сов. Молдавия.* – 1967. – 1 июля.

³² Фотопортреты А.А. Пушкина с его автографами хранили москвичка О.Е. Куртнер, трагически погибшая в 1920 году в Перми Т.М. Дмитриевская (она окончила Екатерининский институт с золотой медалью в 1912 году), бывшая актриса Московского театра имени Вахтангова В.А. Полова. В 1961 году в Алушке была обнаружена фотография А.А. Пушкина с его дарственной надписью Е.И. Голубятниковой. Сведениями об этом автор обязан С.М. Дмитриевскому (Москва), П.С. Филатову (Бузулук), а также газете «Советский Крым» от 4 июня 1978 года.

³³ Воспоминания М.А. Новиковой-Каллаш опубликованы в одной из парижских газет в июне 1951 года.

³⁴ *Ураноссов Н.Г.* Мои воспоминания. – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 178.

³⁵ Воспоминания А.И. Барановой приводятся в записи М.Г. Бороздинского, заместителя редактора венёвской районной газеты «Знамя» Тульской области (март 1970 года).

³⁶ *Цветаева М.* Мой Пушкин. – М., 1967. Этот отрывок, не вошедший в окончательную редакцию книги, приведен в комментарии к ней на с. 244.

³⁷ См.: *Гард Э.* Потомки Пушкина // *Тридцать дней.* – 1936. – № 6. – С. 92–96.

³⁸ *Гард <Э>.* Пушкины – наши современники // *Красная газета* (веч. вып.). 1933. – 25 авг.

³⁹ *Гольденвейзер А.Б.* Из личных воспоминаний о С.В. Рахманинове // *Воспоминания о Рахманинове.* – М., 1957. – Т. 2. – С. 12.

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

⁴¹ Фактически раздел имущества между детьми А.С. Пушкина был произведён по полюбовному соглашению ещё при жизни их матери, Н.Н. Пушкиной-Ланской, в 1856 году. Официальный же отдельный акт совершён 5 февраля 1870 года в Ковенской гражданской палате, а утверждён Псковским окружным судом 9 сентября 1888 года (исполнительный лист «для ввода во владение» № 2933).

⁴² ИРЛИ, ф. 246, № 73.

⁴³ Иван Васильевич Киреев (1882–1976) – житель Б. Болдина, внук болдинского конторского писаря пушкинской поры П.А. Киреева (1806–1843), к которому поэт относился с большим уважением. И.В. Киреев всю жизнь собирал документальные материалы и предания об А.С. Пушкине и его семье. Частично они опубликованы в книге «Предания и песни болдинской старины».

⁴⁴ Предания и песни болдинской старины. – Горький, 1972. – С. 49.

⁴⁵ По сведениям Т.Н. Галиной, Малое Останкино перешло к М.А. Павловой по наследству от отца, гвардии полковника А.И. Павлова. Соседнее село Марыгино Венёвского уезда досталось её брату штаб-ротмистру Александру Александровичу Павлову, а сестра Софья Александровна получила усадьбу в другом месте.

⁴⁶ Н.С. Шелелёва через несколько месяцев после нашей беседы, состоявшейся весной 1987 года, письменно подтвердила своё сообщение. О смерти А.А. Пушкина сообщали читателям: Новое время. – 1914. – 22 июля; Русское слово. – 1914. – 22 июля; Московские ведомости. – 1914. – 23 июля; Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 19–20. – Пг., 1914. – С. VII–VIII; Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. – 1914. – № 8–9. – Стб. 150; Наша старина. – 1914. – № 9–10. – С. 896; Искры. – 1914. – № 29. – С. 231 и другие издания.

⁴⁷ Лернер Н. А.А. Пушкин // Одесские новости. – 1914. – 23 июля.

⁴⁸ Цит. по кн.: Отчет императорского Московского и Румянцевского музея за 1914 год. – М., 1916. – С. 62.

⁴⁹ Во всех известных мне печатных источниках годом возвращения полка А.А. Пушкина в Россию ошибочно считается 1878-й, тогда как в послужном списке Александра Александровича (л. 36, ч. II) указано, что 13-й гусарский Нарвский полк «перешёл Балканы 12 октября 1878 года, выступил из-за Балкан в Россию 8 февраля 1879 года, посажен на пароход в городе Русчук 7 марта 1879 года, высадился в городе Рени 11 марта 1879 года».

⁵⁰ Любимов Д. Из воспоминаний // Вопросы литературы. – 1961. – № 7. – С. 157.

⁵¹ Подробнее о судьбе рукописного наследия Пушкина см.: Якушкин В.Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. – 1884. – Т. 41–44. – Февр. – дек.; Цявловский М.А. Судьба рукописного наследия Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. – М., 1962. – С. 260–275; Цявловский М.А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Там же. – С. 276–334; Соловьёва О.С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. – М.; Л., 1964; Тербенкина Р.Е. Фонд А.С. Пушкина в Пушкинском Доме // Нева. – 1974. – № 6. – С. 187–192.

⁵² См., напр.: Пушкинские реликвии // Нива. – 1913. – № 41; Дети Пушкина и предстоящие торжества // Новости и Биржевая газета. – 1899. – 11 апр.

⁵³ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год. – М., 1900. – С. 16.

⁵⁴ ИРЛИ, ф. 246, № 72.

⁵⁵ Как видно из недатированного письма (указан только май 1899 года) А.А. Пушкина к брату, вначале Григорий Александрович Пушкин предложил вырезать на венке имена всего пушкинского потомства. Обем дочерям и старшему сыну поэта эта мысль показалась «очень симпатичной». Но из-за чисто технических трудностей, связанных с исполнением венка, от первоначального намерения отказались.

⁵⁶ Онегин А.Ф. Puchkiniana, IV. – 1899. – С. 89. (ИРЛИ, Пушкинский кабинет.) Вырезка из газеты без указания даты и названия издания.

⁵⁷ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1899 год. – М., 1900. – С. 6.

⁵⁸ У А.А. Пушкина в Москве // Сын отечества. – 1899. – 13 апр.

⁵⁹ Яшвили Н. Мой дедушка, Пётр Иванович Бартенев // Прометей. – М., 1969. – Т. 7. – С. 288.

⁶⁰ Цявловский М.А., Цявловская Т.Г. Вокруг Пушкина // Наука и жизнь. – 1971. – № 6. – С. 69.

⁶¹ Более подробно об истории обнаружения дневника А.С. Пушкина см.: Сперанский

М.Н. Предисловие // Дневник А.С. Пушкина (1833–1835 гг.). – Труды Гос. Румянц. музея. Вып. 1. – М.; Пг., 1923. – С. 3–23; *Модзалевский Б. Предисловие // Дневник Пушкина. 1833–1835*. – М.; Пг., 1923. – С. I—XI.

⁶² Ранее неизвестные воспоминания об А.С. Пушкине обнаружил подполковник в отставке Н.И. Мацкевич (г. Самара). Первым владельцем тома сочинений Пушкина, в котором сделаны записи А.Л. Пушкиным, был, бесспорно, Александр Александрович Пушкин, о чем свидетельствует отпечаток его экслибриса на пустом обороте титульного листа: «Библиотека А.А. Пушкина. Флигель-адъютант его императорского величества». Выше книжного знака почерком автора заметок написано также по-английски: «А.А. Пушкин отверг этот экслибрис из-за отсутствия в нём изображения родового герба Пушкиных. Настоящий отпечаток экслибриса находится только на нескольких книгах». Подробнее о находке см.: *Мацкевич Н.И. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника // Временник Пушкинской комиссии. 1974. – Л., 1977. – С. 20–42.*

В ТИШИНЕ ДЕРЕВЕНСКОГО УЕДИНЕНИЯ

В семье Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных 14 мая 1835 года родился сын Григорий. Через два дня поэт сообщал Н.И. Гончаровой в Яропolec: «Милостивая государыня матушка Наталья Ивановна. Имею счастье поздравить Вас со внуком Григорьем и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного – и теперь не совсем в хорошем положении – хотя, слава Богу, опасности нет никакой. Она родила в моё отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню и возвратился на другой день её родов. Приезд мой её встревожил, и вчера она прострадала; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному».

Вскоре Наталья Ивановна прислала внуку подарок. Ему были рады и Пушкин, и Наталья Николаевна. 14 июля Александр Сергеевич писал теще: «Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришёл очень кстати. Мы ждали Дмитрия Николаевича на крестины, но не дождались. Он пишет, что дела задержали его...»

При крещении Гриши, состоявшемся 22 мая в Предтеченской церкви на Каменном острове, восприемниками его были друг Пушкина Василий Андреевич Жуковский и Екатерина Ивановна Загряжская.

Имя сыну поэт дал не случайно – в память о своем непокорном предке Григории Пушкине. Вот что писала об этом А.П. Арапова: «Мать рассказывала, что, когда родился второй сын, она хотела назвать его Николаем, но он пожелал почтить память одного из своих предков, казненных в Смутное время, и предоставил ей выбор между двумя именами: Гавриила и Григория. Она предпочла последнее»¹.

По свидетельству Надежды Осиповны Пушкиной, после рождения младшего сына Наталья Николаевна «стала красива, как никогда»².

В день, когда Грише исполнился год, Александр Сергеевич писал жене из Москвы: «...сегодня день рождения Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? * Погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе».

Строки эти датированы 14 мая 1836 года. А через восемь с половиной месяцев случилось непоправимое: Россия потеряла Пушкина. Младшему сыну поэта шёл тогда второй год, отца он не помнил и знал его только по рассказам матери да по воспоминаниям других родственников.

В три года мальчик серьёзно заболел, чем доставил Наталье Никола-

* В мае 1836 года Пушкины ждали четвёртого ребенка. 23 мая Наталья Николаевна родила дочь Наташу.

*Дом В.А. и Г.А. Пушкиных в Маркучае (Вильнюс),
теперь литературный музей А.С. Пушкина. Фотография 1980 г.*

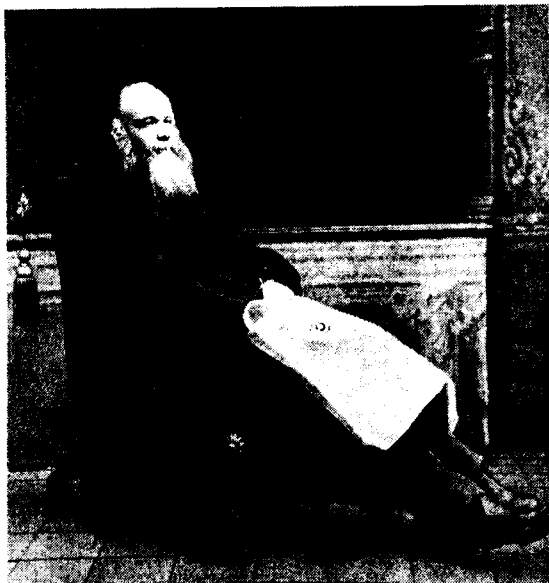
евне много беспокойства и переживаний. 15 мая 1838 года она писала брату Д.Н. Гончарову: «Ты будешь удивлён, увидев на моём письме московский штемпель, – я здесь уже несколько дней из-за здоровья Гриши, и как только консультации закончатся, снова вернусь в Ярополец... я здесь только для того, чтобы посоветоваться с врачами, никого не вижу, кроме них, и нахожусь в постоянной тревоге. Надеюсь, однако, что болезнь Гриши не будет иметь серьёзных последствий, как я опасалась вначале».

...В 1848 году тринадцатилетнего Гришу по ходатайству Н.Н. Пушкиной зачислили пансионером во 2-ю Петербургскую гимназию. К тому времени его брат Саша, проучившись в гимназии три года, был переведён для продолжения образования в Пажеский корпус. Через год и Гришу приняли в это привилегированное закрытое военно-учебное заведение.

Судя по письму Натальи Николаевны к П.П. Ланскому от 29 сентября 1849 года, «Гриша находится под влиянием брата, хочет ему подражать, и им все довольны». А в других её письмах того же года читаем: «Там (в Пажеском корпусе. – В.Р.) я имела счастье узнать, что мой Гага* отличается: по-французски получил 10**, без ошибки написал диктант... Саша тоже имеет хорошие отметки» (10 сентября), «...в корпусе все находят, что Гриша очень красивый

* Так Н.Н. Пушкина-Ланская называла иногда Гришу.

** В то время успеваемость оценивалась по 10-балльной системе.

*Григорий Александрович Пушкин,
сын А.С. Пушкина. Фотография
конца 1890-х – начала 1900-х гг.*

мальчик, гораздо красивее своего брата, и по этой причине он записан в дворцовую стражу, честь, которой Саша никогда не мог достигнуть, потому что он числился в некрасивых. Когда Гриша появился в корпусе, все товарищи пришли сказать Саше, что брат на тебя ужасно похож, но сравненья нет лучше тебя» (2 сентября).

Н.Н. Пушкину радовали не только успехи детей в учении. Ей доставляли ни с чем не сравнимое удовольствие их живость, озорство, шалости, например, когда «Гриша и Паша (племянник П.П. Ланского.

– В.Р.) переоделись женщинами и разыгрывали разные комические сценки, очень хорошо, особенно Гриша, у которого в этом отношении замечательный талант».

В 1853 году восемнадцатилетний Григорий Пушкин окончил Пажеский корпус с чином корнета. Началась его служба в лейб-гвардии конном полку, которым командовал отчим П.П. Ланской и где служил уже старший брат Александр.

В 1860 году ротмистра Г.А. Пушкина назначили адъютантом командира отдельного гвардейского корпуса. А два года спустя его перевели в распоряжение министра внутренних дел «с зачислением по армейской кавалерии подполковником».

Оставив службу в 1866 году, сын поэта, переименованный в надворные советники, «будучи беден, но горд, предпочёл не тягаться со знатью»³ в Петербурге и переселился в Псковскую губернию, где в своё время отец «провёл изгнанником два года незаметных».

В Михайловском сыновья и дочери Пушкина бывали ещё в детстве. Впервые приехали туда 19 мая 1841 года. В память об отце они в то лето собирали травы и цветы в окрестностях усадьбы (альбом с их михайловским гербарием

сохранился). Сопровождаемые матерью, посетили могилу Пушкина в Святогорском монастыре...

Четверть века спустя Г.А. Пушкин без сожаления променял суетный Петербург «на мирный шум дубров, на тишину полей» Михайловского. Чванливому великосветскому обществу он предпочёл дорогой для него уголок псковской земли – на века прославленный отцом-поэтом «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Согласно семейным преданиям, в Петербурге Г.А. Пушкина не только «тяготила роль бедного офицера», но и обошло личное счастье. «Сделав предложение какой-то петербургской красавице и получив отказ, – пишет Е.Н. Бибикова, – он вышел в отставку и уехал навсегда* из столицы. Но отправился в деревню не один. «За ним, – продолжает мемуаристка, – поехала его любовница француженка, скромная девушка, и посвятила ему всю жизнь... Моя мать** венчалась с моим отцом в Михайловском, и её собирала под венец его подруга (француженка. – В.Р.)»⁴.

О том, что «Гриша смущал» мать «продолжительной связью с одной француженкой», упоминает А.П. Арапова в своих воспоминаниях о Н.Н. Пушкиной-Ланской⁵.

По словам правнучки Пушкина С.П. Вельяминовой, Григорий Александрович почти двадцать лет состоял в неофициальном браке с француженкой, у которой родились от него три дочери***. Г.А. Пушкин и его подруга, писала

* В дальнейшем Г.А. Пушкин жил временами в Петербурге, посещал Париж и Вену, но родным домом для него всегда было Михайловское.

** Е.П. Бибикова (урожд. Ланская), дочь П.П. и Н.Н. Ланских.

*** Согласно данным Т.Н. Галиной (их подтвердила и Н.С. Шепелёва), старшая из них, Полина Георгиевна (!) Генар, была замужем за Михаилом Сергеевичем Шереметевым (р. 1861), у них дочь Наталья; вторая, Нина (Анна?) Георгиевна Генар, – за Александровским. Имени третьей дочери француженки Татьяна Николаевна не знала, как не знала и фамилии её мужа. И вообще она считала, что «три дочери француженки неизвестно от кого». Иначе относилась к этому С.П. Вельяминова. В 1963 году она писала, а семь лет спустя рассказывала мне, что «дочери Г.А. Пушкина от первого брака были замужем за аристократами – Шереметевым, Безобразовым... фамилию третьего забыла». Таким образом, Т.Н. Галина не помнила фамилии Безобразова, С.П. Вельяминова – Александровского. Несколько лет назад, просматривая (совсем с иной целью!) «Сборник биографий кавалергардов», составленный под редакцией С. Панчулидзева и изданный в Петербурге в 1908 году, на с. 345–346 я неожиданно встретил биографические сведения о Сергее Васильевиче Александровском (1863–1907), дворянине Пензенской губернии (1 июля 1906 года назначен губернатором в Пензу, через шесть месяцев погиб от руки убийцы), который «был женат на французской гражданке Евлалии Генар. У них сын Сергей». Эта запись существенно уточняет данные, которыми располагали С.П. Вельяминова, Т.Н. Галина и Н.С. Шепелёва. Во-первых, теперь известны имена всех трёх дочерей француженки. Во-вторых, Нина (Анна?) Генар была замужем не за Александровским, как полагала Т.Н. Галина, а за Безобразовым (если довериться памяти С.П. Вельяминовой). К сожалению, выяснить что-нибудь о судьбе внебрачных детей Г.А. Пушкина мне так и не удалось. Может быть, кто-то из читателей поможет?!

**Варвара Алексеевна Пушкина
(Мельникова), жена Г.А. Пушкина.
Фотография 1930-х гг.**

Софья Павловна, «разошлись похорошему, так как она была неизлечимо больна», и сын поэта «горестно оплакивал» её.

В октябре 1883 года сорокавосьмилетний Г.А. Пушкин женился на Варваре Алексеевне Мельниковой, в первом замужестве Мошковой, с которой познакомился на балу в Петербурге в начале 1880-х годов. Венчание их состоялось в Вильно (старое название Вильнюса) – городе, где в сохранившейся до наших дней православной Пятницкой церкви Петр I в 1705 году крестил Абрама Ганнибала, прадеда Пушкина...

Вскоре после свадьбы Григорий Александрович и Варвара Алексеевна Пушкины уехали на Псковщину. В Михайловском они жили почти безвыездно до лета 1899 года.

Еще в 1867 году Григорий Александрович был произведён в коллежские советники. В декабре 1875-го его утвердили почётным мировым судьёй по Опочечкому уезду. Эти общественные обязанности он исполнял в течение многих лет. Был также присяжным заседателем Петербургского окружного суда. В феврале 1896 года сын поэта получил чин статского советника.

В середине 1860-х годов, когда Г.А. Пушкин переехал в Михайловское, старый ганнибаловский дом, в котором жил А.С. Пушкин, стал совсем ветхим, и сын поэта продал его на своз, а себе построил на старом фундаменте новый, сильно отличавшийся от прежнего – пушкинского. Зато Григорий Александрович неустанно заботился о сбережении «домика няни»: его он считал «единственной постройкой, сохранившейся со времени отца в Михайловском»⁶.

Г.А. Пушкин бережно хранил многие вещи отца. Среди них были турецкая сабля, подаренная поэту генералом И.Ф. Паскевичем в память об арзрумском походе 1829 года (на юбилейной Пушкинской выставке 1899 года она экспонировалась в специально изготовленном для неё футляре, была сделана и серебряная дощечка к ней с гравированной надписью); карандашный портрет Пушкина, выполненный жившим в России французским художником Жаном

Вивьеном⁷ в 1826 году (точнее говоря, авторское повторение портрета, которое поэт подарил М.И. Осиповой, а от неё это изображение Пушкина перешло впоследствии к его младшему сыну); другие портреты поэта; жестяная масляная лампа, при свете которой Пушкин работал в Михайловском...

По свидетельству К.Я. Грота, 19 октября 1880 года – в очередную годовщину открытия Царскоесельского лицея (в 1843 году переведен в Петербург и переименован в Александровский) – бывшие лицеисты первых семи выпусков устроили торжественный обед. Они пригласили и Г.А. Пушкина⁸. Григорий Александрович с благодарностью принял приглашение на обед, потому что всё, связанное с памятью об отце, для него было священо.

Близко знавший Григория Александровича Ю.М. Шокальский*, внук А.П. Керн, писал о нём: «В тишине своего деревенского уединения он интересовался многим и, между прочим, постоянно следил за всем, что появлялось в литературе об его отце. У него имелась полная коллекция разных изданий сочинений А.С. Пушкина, а в последние годы жизни он несколько раз высказывал мне своё удовольствие по поводу появления хороших новых изданий трудов его отца. Видно было, что он с ними знаком обстоятельно»⁹.

Однако публикация пушкинских сочинений приносила детям поэта, в том числе и Григорию Александровичу, не только радость и удовлетворение. Нередко издатели, руководствуясь самыми благими намерениями – представить на суд читателей новые страницы великого наследия Пушкина, – действовали слишком бесцеремонно, чем глубоко огорчали его ближайших родственников.

Так, ещё в начале 1858 года двадцатидвухлетний Григорий Пушкин вынужден был обратиться с жалобой к А.С. Норову – министру народного просвещения, возглавлявшему цензурное ведомство. Поводом для недовольства послужило обнародование в первом номере «Библиографических записок» за 1858 год ранее не публиковавшихся писем А.С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу, переданных в журнал С.А. Соболевским.

От имени всех наследников поэта Григорий Александрович добивался, чтобы «цензура, как здесь, так и в других городах России, не одобряла к печати записок, писем и других литературных и семейных бумаг отца моего без ведома и согласия нашего семейства»¹⁰.

В феврале министр сделал надлежащее замечание издателю журнала и московскому цензору за публикацию писем Александра Сергеевича, «в коих многое не должно было являться в печать, как оскорбляющее чувство приличия и самое чувство уважения к памяти великого поэта... и за оказавшиеся там же неуместные шутки и отзывы об отце и родственниках Пушкина, личности, неблагопристойности и многие другие неуместности»¹¹.

*Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) – в будущем знаменитый советский океанограф и картограф, почетный член АН СССР, профессор Военно-морской академии и Ленинградского государственного университета, президент Географического общества СССР.

Но принятые А.С. Норовым «меры» не принесли успокоения Г.А. Пушкину и его близким: во втором номере «Библиографических записок» публикация писем поэта к брату была продолжена, а в четвёртом – завершена*, и по-прежнему без необходимых купюр.

В 1880-х годах Г.А. Пушкин писал псковскому губернатору и в духовную консисторию о том, что необходимо наконец привести в порядок могильный холм в Святогорском монастыре; в противном случае он вынужден будет перевезти прах отца в Михайловское.

Дело в том, что, хотя Григорий Александрович каждый год ремонтировал могилу Пушкина, небольшая площадка у стены Успенского собора, на которой покоились останки поэта, а также его родителей, деда и бабки, постоянно оползала: в зимнюю стужу земля давала глубокие трещины, осенью и весной её размывало дождями. Нужно было основательно укрепить скаты Синичьего холма, чтобы предотвратить полное разрушение фамильного кладбища Пушкиных. Это требовало значительных средств, которыми Г.А. Пушкин не располагал.

В Михайловском, где сейчас всё дышит памятью о Пушкине, многое напоминает и о его младшем сыне. Ещё в 1890-х годах перед домом в центре зелёного газона Г.А. Пушкин посадил вяз, гармонично вписавшийся в михайловский пейзаж. Сохранился и построенный Григорием Александровичем в 1870-х годах каменный амбар для хранения льна.

Когда буря сломала последнюю из трёх сосен, росших «на границе владений дедовских», Григорий Александрович приказал срубить её, так как, по его словам, она стала опасной для людей. Но предварительно пригласил фотографа, и тот сделал снимок покалеченного дерева.

Из ствола сосны сын поэта нарезал около десятка брусочков, к которым прикрепил серебряные пластинки с памятной надписью. Эти сувениры Г.А. Пушкин послал брату Александру, сестре Наталье, свояченице М.А. Философовой, Ю.М. Шокальскому, Александровскому лицу, Академии наук, поэту К.К. Случевскому...

Через несколько лет, переезжая в Вильно, сын поэта взял с собой и часть ствола сосны, до того хранившуюся в его кабинете. Правда, большой кусок сосны он оставил Псковскому пушкинскому комитету, в ведение которого Михайловское перешло в 1899 году. Эту пушкинскую реликвию и сейчас можно видеть в доме-музее поэта в Михайловском. Там же находится экземпляр сувенира, принадлежавший М.А. Философовой.

Памятный брусок исторической сосны, который был у А.А. Пушкина, в настоящее время хранится в семье брюссельских потомков поэта. К этому экземпляру пластины-пресса, как свидетельствует писатель М.Л. Поляновский,

* В третьем номере журнала печатались письма А.С. Пушкина к Н.В. Гоголю.

прикреплены две металлические дощечки разного формата. На большей из них выгравированы строки из стихотворения Пушкина «...Вновь я посетил»:

*...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...*

На меньшей дощечке пояснительная надпись: «Часть последней сосны, сломанной бурей 5 июля 1895 года. Село Михайловское»¹².

К брусочку, подаренному Случевскому, Григорий Александрович прикрепил свою визитную карточку, поставил на ней дату «28 мая 1899 г.», ниже которой приписал: «...просит многоуважаемого Константина Константиновича принять на память кусок последней сосны, воспетой его отцом».

Теперь эта реликвия, как и брусок, подаренный сыном поэта Ю.М. Шокальскому, хранится в фондах Всесоюзного музея А.С. Пушкина.

В воспоминаниях Ю.М. Шокальского подчёркивается благотворное нравственное влияние младшего сына Пушкина на окружавших его людей. По словам автора, все, кто общался с Григорием Александровичем, «невольно подтягивались в его обществе». «Влияние это, – пишет Шокальский, – сказывалось даже в мелочах: достаточно ему было раз сказать мне на привале: «Никогда не пейте водки», чтобы я отказался от неё и – уже навсегда».

О дружеском расположении сына поэта к Юлию Шокальскому писала последнему мать – Екатерина Ермолаевна Шокальская (урожд. Керн): «...меня посетил Григорий Александрович, который очень нежно о тебе справлялся, ждёт тебя с нетерпением и велит тебе сказать, что к твоему приезду будет дома»¹³.

Люди простого звания, помнившие младшего сына Пушкина и его жену, рассказывали об их душевной щедрости, добром, сердечном отношении к каждому, кто нуждался в помощи и поддержке.

Например, бывший слуга Г.А. Пушкина Фёдор Иванович Иванов (жил в деревне Бустыги, в нескольких километрах от Михайловского, умер девяносто шести лет от роду в 1967 году) в глубокой старости вспоминал о давно минувшем: «Если кто-либо из крестьян не мог возратить долг в течение года-двух, Григорий Александрович говорил: «Иван*, нужно простить человеку долг, раз он не может его вернуть»¹⁴.

Ценные сведения о взаимоотношениях Г.А. Пушкина с крестьянами со-
держатся в очерке журналиста С. Яблоновского, побывавшего в Михайлов-

* Иван Поликарпович – отец Ф.И. Иванова, повар в селе Михайловском, через которого крестьяне обращались к Г.А. Пушкину во всех затруднительных для них случаях.

ском незадолго до 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина: «...крестьяне арендуют землю очень дешево... по мнению местных купцов, они платят в пять раз меньше того, что можно было бы с них взять...»¹⁵ По словам Яблоновского, Григорий Александрович опасался того, что в связи с его отъездом в Вильно «арендная плата будет повышена» и положение окрестных крестьян резко ухудшится.

Любопытен и рассказ жительницы Севастополя Раисы Сергеевны Копыловой (урожд. Фёдоровой), детство и юность которой прошли на Псковщине: в предвоенные годы (1936–1941) семья жила в городе Опочке. Её бабушка, Анна Евстигнеевна* Романова, 1867 года рождения, длительное время служила горничной у жены Г.А. Пушкина – вначале в Михайловском, позднее в Маркучае. По семейным воспоминаниям, у Пушкиных она была единственной из прислуг, «кто допускался в господские покои».

А.Е. Романова неоднократно говорила внучке о том, что, хотя Варвара Алексеевна и отличалась капризным, своенравным характером, она и Григорий Александрович «были люди честные и добрые. Всех кормили, поили и всем помогали». Единственного её сына Серёжу (будущего отца Р.С. Фёдоровой) они послали учиться на свой счёт в военно-медицинское училище¹⁶.

Многие современники Г.А. Пушкина отмечали в своих воспоминаниях гостеприимство, любезность, радушие последнего владельца Михайловского, называли его талантливым рассказчиком-импровизатором, остроумным собеседником, тонким ценителем природы. У Ю.М. Шокальского читаем: «Он искренно любил природу и всегда любовался ею; как настоящий художник в душе – он умел находить красоту во всех проявлениях её, чувствовать и оценивать её». Н.Л. Павлицев рассказывал: «Григорий Александрович не был чужд поэзии; он... написал несколько юмористических стихотворений, но произведений своих никогда не печатал, находя их неподходящими для печати»¹⁷.

Писали и о портретном сходстве сына с отцом. Так, С. Яблоновский сообщал: «...я невольно поразился огромным сходством Григория Александровича с отцовскими портретами: такой же нос, такой же лоб, тот же склад лица, только волосы не вьются да длинная седая борода».

Яблоновский подчеркивал, что вопреки всяким небылицам и сплетням, распространявшимся корреспондентами газет о младшем сыне Пушкина, о его нелюдимости и равнодушии в отношении памяти отца, Григорий Александрович оказался «изысканным джентльменом и утончённым европейцем», хлебосольным хозяином Михайловского, достойным наследником знаменитого отца.

* Так по сохранившимся документам, но Р.С. Копылова писала мне, что отчество бабушки было – Естимиевна.

«Вылитым отцом» называли Г.А. Пушкина многие его современники. «Африканские черты» лица Григория Александровича, «поразительно похожего на Александра Сергеевича», отмечали и его двоюродный брат Л.Н. Павлицев, и известный антрополог, профессор Д.Н. Анучин¹⁸.

Другие без труда находили в сыне поэта черты личности его матери. Например, С.П. Вельяминова в беседе с автором говорила:

– Григория Александровича я никогда не видела, хотя, когда он умер, мне было уже двадцать лет. Но, по рассказам моей матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, и её сестры, Анны Александровны Пушкиной, знаю, что он, человек мягкий, очень спокойный, характером был в Гончаровых.

О том, что Григорий Александрович «в молодости был красавцем и лицом, как и характером, напоминал свою мать», писала мне и Наталья Сергеевна Шепелёва. Она же рассказывала, что Г.А. Пушкина очень любили его племянницы Анна Александровна и Вера Александровна. Они подчёркивали, что дядя Гриша был человек славный, умный и чуткий и что после петербургского «надлома» он жил «скромно, незаметно, не на виду», нисколько не заботясь о карьере, памятью отца дорожил, но никогда не афишировал этого.

Познакомившийся с Г.А. Пушкиным в 1880-х годах Г.М. Ладыженский, внук Е.Н. Вревской, детство и молодость которого прошли в имении Голубово, находившемся неподалеку от Михайловского, отмечал в своих записках «Знакомство с Григорием Александровичем Пушкиным» (1926), что «младший сын поэта не только внешностью, но и характером был очень похож на отца. Те же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность»¹⁹. На охоте же, по словам Ладыженского, «живость его характера сказывалась ещё больше». «Яростным охотником» называл Григория Александровича Д.В. Философов, относивший к самым светлым воспоминаниям своего детства «длинные вечера в селе Богдановском», в 60-ти верстах от Михайловского, куда «приезжали, конечно, с ночёвкой, приятели и родственники отца» и где сын поэта также «принимал иногда участие» в интересных беседах²⁰.

Говоря о Г.А. Пушкине – страстном и умелом охотнике, хочется ещё раз сослаться на воспоминания Ю.М. Шокальского. «К своему любимому развлечению – охоте, – писал Юлий Михайлович, – он относился, как и ко всему, – серьёзно... Охоту он любил и знал её в совершенстве».

Предметом особой гордости Григория Александровича была его псарня. Она славилась на всю округу. Не менее, чем собак, любил он и лошадей.

В уже цитированном очерке С. Яблоновского говорится: «Григорий Александрович большой садовод, и стараниями его в Михайловском заведены превосходные парники, оранжереи и насажен фруктовый сад из самых дорогих и редких пород. Сад содержится по-европейски, в образцовом порядке...»

Передовые русские люди понимали, что «счастливый домик» Пушкина в

Михайловском, его «малый сад, и берег сонных вод, и сей укромный огород» нужно непременно сохранить для будущих поколений, сделать их заповедным пушкинским уголком. Вот почему перед 100-летием со дня рождения Пушкина сын поэта внял настоятельным просьбам писателей, учёных, общественности о продаже Михайловской усадьбы в казну.

В Михайловском решено было устроить богадельню для престарелых литераторов, а в Святых Горах – библиотеку-читальню.

За десять месяцев до 100-летия поэта, 12 июля 1898 года, предводитель дворянства Опочецкого уезда Г.Ф. Карпов обратился к Г.А. Пушкину (как, вероятно, и к другим детям поэта) с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мною получен утверждённый... устав богадельни и читальни в Святых Горах в память Александра Сергеевича Пушкина, по которому Вы, супруга Ваша Варвара Алексеевна, Александр Александрович Пушкин, графиня Наталья Александровна Меренберг и Мария Александровна Гартунг считаются почётными членами попечительства с правом решающего голоса по всем вопросам, могущим возникнуть как по содержанию богадельни и читальни, так и другим, касающимся памяти А.С. Пушкина, на что необходимо Ваше согласие...»²¹

Незадолго до юбилейных торжеств Григорий Александрович снова возвращается к остро волновавшей его мысли: надо перенести останки Пушкина в Михайловское. «Раз здесь будет учреждение имени моего отца, – говорил он С. Яблоновскому, – раз из Михайловского хотят создать, так сказать, вечный памятник отцу, то само собой очевидно, что и прах его должен покоиться здесь же, а не в Святых Горах... Сверх того, и присмотр за могилой здесь будет совершенно иной».

Трудно сказать, как решился бы вопрос о новом месте погребения Пушкина, если бы Григорий Александрович и после пушкинского юбилея продолжал оставаться владельцем родового имени...

В дни праздника Г.А. Пушкин пожертвовал 1000 рублей на богадельню имени отца, дал денег и на обед бедным. Вместе с братом А.А. Пушкиным и другими родственниками Григорий Александрович участвовал в возложении серебряного венка на могилу отца. Сыновья поэта оставили свои автографы в книге «В память Александра Сергеевича Пушкина», учреждённой в 1897 году в Михайловском.

А вскоре после пушкинского юбилея Г.А. Пушкин уехал с женой в её имение Маркучай под Вильно, где и провёл последние шесть лет своей жизни.

По словам очевидца, Григорий Александрович, навсегда покидая Михайловское, «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился, поклонился до земли дедовской усадьбе, рощам и саду и сказал: «Прощайте, милые мои, навсегда!»²²

Маркучай, упоминаемый в архивных документах уже в XIV веке, – окраина нынешнего Вильнюса. Усадьба отделена от старых районов города причуд-

ливо извивающейся речкой Вильняле. Места здесь красивые, живописные. На высоком холме раскинулся старый парк, по-домашнему уютный, светлый. Уже издали видна центральная часть окружённого вековыми липами и клёнами одноэтажного, с антресолями и верандой, дома. Справа, чуть в стороне от него, небольшая часовня, построенная в 1902–1903 годах. Возле неё, на семейном кладбище Мельниковых, в августе 1905 года похоронили Григория Александровича Пушкина. Многие газеты извещали читателей о кончине младшего сына поэта²³.

Имение Маркучай В.А. Пушкина (Мельникова) получила в наследство от отца – Алексея Петровича Мельникова. Он и его брат Павел Петрович окончили Петербургский институт инженеров путей сообщения. Профессор П.П. Мельников (1804–1880) был видным учёным, основоположником науки об изыскании и проектировании железных дорог, автором проекта и строителем железнодорожной линии Петербург – Москва²⁴. А инженер-полковник (позднее инженер-генерал) Алексей Петрович Мельников занимался строительством железной дороги Петербург – Вильно. В 1867 году он купил у некоего доктора Годлевского дачный участок Маркучай, в течение короткого времени построил там дом и благоустроил всю усадьбу...

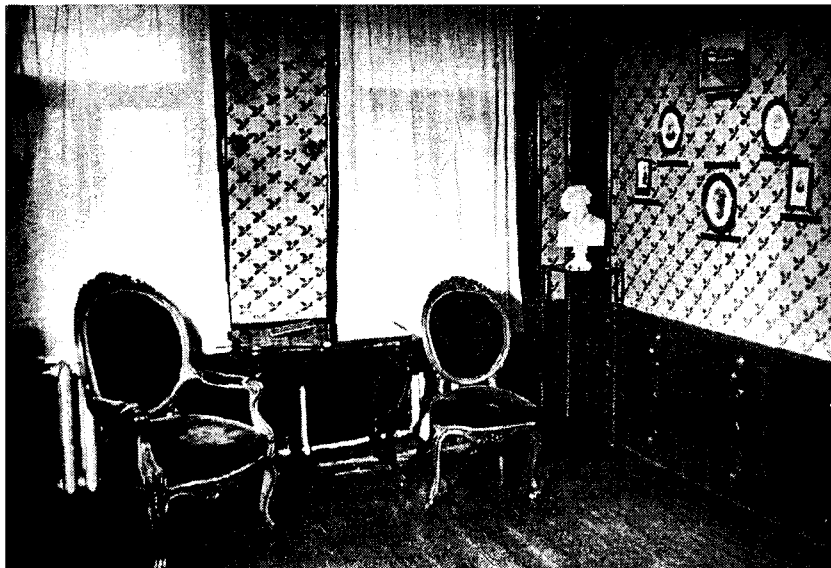
Варвара Алексеевна, человек разносторонних интересов, проявляла трогательное внимание ко всему, что было связано с Пушкиным. В Виленской русской гимназии, носившей имя великого поэта, она нередко присутствовала на экзаменах, приезжала и на гимназические вечера, ко всем делам этого учебного заведения относилась с живейшим участием. А сам Григорий Александрович был членом судебной палаты.

По преданию, В.А. Пушкина уже в почтенном возрасте часто повторяла: «Я – счастливейшая из женщин России, мне выпала редкостная судьба быть невесткой Пушкина»²⁵.

И даже много лет спустя после смерти мужа она ежегодно в начале июня устраивала в своём доме традиционный бал в память Пушкина. Бал совпадал с днём рождения Александра Сергеевича. И на нём нередко бывали литераторы Литвы и Польши, поклонники двух великих поэтов – Пушкина и Мицкевича, страстно мечтавших «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Осенью 1935 года Варвара Алексеевна предлагала полномочному послу СССР в Литве приобрести хранившиеся у неё пушкинские реликвии, в том числе четыре кресла, две книжные полки и акварельный портрет Н.Н. Пушкиной. Однако вещи эти куплены не были из-за скорой кончины В.А. Пушкиной.

Сохранились они не все. Так, из двух книжных полок красного дерева, о которых упоминала вдова сына поэта, уцелела лишь одна. После Великой Отечественной войны научные работники Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Михайловском обнаружили её в Маркучае на чер-

*«Уголок А.С. Пушкина» в литературном музее его имени (Маркучай).
Фотография 1980 г.*

даке дома-музея. Отреставрированную полку вернули в кабинет Пушкина в Михайловском.

В завещании В.А. Пушкиной говорилось: «Дом в Маркучай не может отдаваться внаймы или в аренду, а всегда должен быть в таком состоянии, в каком находится теперь, при моей жизни, дабы в имении Маркучай сохранялась и была в попечении память отца св<етлой> п<амяти> моего мужа, великого поэта А.С. Пушкина, и дабы равно центр им<ения> Маркучай, как и находящийся в нем жилой дом, в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели»²⁶.

Учитывая волю Варвары Алексеевны, Совет Министров Литовской ССР в середине августа 1940 года принял решение, по которому «усадьба и инвентарь имения Маркучай в предместье Вильно» передавались Государственному музею А.С. Пушкина в Москве²⁷. Однако из-за вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года Маркучай так и не стал тогда филиалом музея А.С. Пушкина.

Вильнюсский музей поэта был открыт через три года после победы над фашистской Германией, а год спустя, в 1949-м, у дома-музея был установлен бюст Пушкина (работы скульптора Бронюса Вишняускаса).

Шесть нижних комнат особняка – мемориальная часть музея. Обстановка дома уцелела едва ли не полностью²⁸. Здесь всё напоминает о бывших

владельцах усадьбы. Драпировка кабинета сохранилась со времен Григория Александровича Пушкина. Находящиеся в кабинете письменный стол, книжный шкаф, два карниза, полочки с гербом рода Пушкиных и инициалами Варвары Алексеевны Пушкиной сделаны виленскими мастерами в 1884 году из дубов маркучайских окрестностей. На стене висят два охотничьих рожка – остатки богатой коллекции охотничьих принадлежностей Григория Александровича.

В библиотеке, обитой обоями, изготовленными по старым образцам, – свыше 600 книг и других изданий, принадлежавших сыну поэта. Среди них многочисленные комплекты журналов «Природа и охота», «Новое слово», «Русская старина», «Научное обозрение», судебные руководства, сочинения Шекспира, Шиллера, Карамзина...

Есть здесь и первые издания произведений Пушкина: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила» и другие.

В «Уголке Пушкина» (так называется одна из комнат дома-музея) стены и потолок задрапированы полотном, вытканым и вышитым михайловскими крепостными рукодельницами пушкинской поры. У окон стоят два кресла орехового дерева, которыми поэт пользовался в Михайловском. Между ними, во всю ширину простенка, – его же ломберный столик. В этой же комнате находятся фотокопия картины Н.Н. Ге «Пушкин в гостях у Пушкина в Михайловском» с автографом художника «Григорию Александровичу Пушкину от Николая Ге. 1875» и два рисунка с посмертной маски Пушкина (работы профессора скульптуры Академии художеств С.И. Гальберга), выполненные бывшей хозяйкой усадьбы. До 1939 года в «Уголке Пушкина» были и другие памятные вещи: ещё два кресла, кушетка, двухметровый ствол сосны из Михайловского, три вышитые дверные портьеры оттуда же... Потом они исчезли и по сей день не обнаружены²⁹.

На стене гостиной – художественные вышивки, искусно сделанные ру-

*Бюст А.С. Пушкина в Маркучье
(скульптор Бронюс Вишняускас).
1949 г.*

ками В.А. Пушкиной. В фондах музея хранятся десятки рисунков и портретов её работы.

...Сам А.С. Пушкин никогда в Вильно не был. Но в столице Литвы скрестились две тропинки к Пушкину. По одной из них в начале XVIII века прошёл его знаменитый прадед Абрам Ганнибал, по другой – через двести лет – младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин.

¹ Арапова А.П. – 1908. – № 11425.

² См.: Яевкович Я. По неизвестным письмам // Звезда. – 1974. – № 6. – С. 189.

³ Из письма праправнука А.С. Пушкина С.Е. Клименко школьникам от 26 марта 1964 года.

⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁵ Арапова А.П. – 1908. – № 11449.

⁶ Гейченко С.С. «Домик няни» в Михайловском. – Псков, 1958. – С. 3.

⁷ Портрет приписывался Жюлю Верне. Авторство Жана Вивьена установлено В.Я. Адарюковым в 1921 году.

⁸ См.: Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. – Л., 1976. – С. 179.

⁹ Здесь и далее воспоминания Ю.М. Шокальского цит. по кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 4. – СПб., 1906. – С. 187–195.

¹⁰ Цит. по ст.: Житомирская С.В. К истории писем Н.Н. Пушкиной // Прометей. – М., 1971. – Т. 8. – С. 152.

¹¹ Цит. по ст.: Порудоминский В.И. «Я полюбил Пушкина ещё больше...» // Прометей. – М., 1974. – Т. 10. – С. 209.

¹² Поляновский М. Остановись, мгновение... 36 фотоновелл. – М., 1968. – С. 80–81.

¹³ Цит. по ст.: Вересова Т. Шокальский – внук А.П. Керн // Псковская правда. – 1977. – 22 мая.

¹⁴ Леонидов Ф. Рассказ Фёдора Ивановича // Пушкинский праздник (спец. вып.). – 1973. – 30 мая – 6 июня; 1976. – 4–9 июня.

¹⁵ Первая часть очерка С. Яблоновского «Поездка в Михайловское» – «У Григория Александровича Пушкина» – опубликована в газете «Сын отечества», 1899, 9, 10, 11 февраля. Перепечатана в газете «Бессарабец» 13 и 16 февраля того же года. Отклики на очерк появились в 19 газетах.

¹⁶ Рассказ Р.С. Копыловой записан для автора книги И.В. Зайцевым в декабре 1975 года. Он же прислал три свидетельства (подлинник и две ксерокопии), которые в 1903, 1907 и 1910 годах В.А. Пушкина выдала А.Е. Романовой. В них удостоверяется, что горничная добросовестно относилась к своим обязанностям. Эти документы переданы в ИРЛИ (фонд В.М. Русакова).

¹⁷ Павлицев Н. По поводу кончины Г.А. Пушкина // Виленский вестник. – 1905. – 25 авг.

¹⁸ Л.Н. Павлицев – Д.Н. Анучину, 8 февраля 1899 года; Из дневника Д.Н. Анучина // Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина. Труды. – М., 1939. – Сб. 4. – С. 165, 158.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 207.

²⁰ См.: Философов Д. Соседи Пушкина по с. Михайловскому // Речь. – 1911. – 26 мая.

²¹ ИРЛИ, ф. 246, № 58.

²² *Гейченко С.С.* У лукоморья. – 3-е изд., доп. – Л., 1977. – С. 192.

²³ Виленский вестник. – 1905. – 17, 18, 19, 23 авг.; Русь. – 1905. – 21 авг.; Новое время. – 1905. – 24 авг.; St. Petersburger Zeitung. – 1905. – № 236 и др.

²⁴ Сведения о П.П. Мельникове сообщил автору доктор технических наук, профессор М.И. Воронин (С.-Петербург).

²⁵ См.: *Храброва Н.* Сокровища усадьбы Маркучай // Огонек. – 1978. – № 23. – С. 19.

²⁶ Выписка из § 2 духовного завещания В.А. Пушкиной, совершённого 31 октября 1935 года. Пер. с польского. Хранится в музее А.С. Пушкина в Маркучае.

²⁷ Об этом см.: Известия. – 1940. – 15 авг.

²⁸ После смерти В.А. Пушкиной о сохранности дома в Маркучае продолжал неустанно заботиться управляющий имением Владимир Леонидович Назимов, в прошлом предводитель дворянства в Пскове. Умер в 1939 году, незадолго до прихода Красной Армии в Вильно.

²⁹ Эти вещи пропали, кажется, не бесследно. В ноябре 1939 года в прессе промелькнуло известие о том, что из западной Белоруссии привезены в Минск «старинный столик, два кресла и кушетка, которые, как предполагают, также относятся к вещам великого поэта». Предположение, что упомянутые предметы обстановки попали в Минск из Маркучая и что они из числа тех вещей, о которых в своё время писала В.А. Пушкина, косвенно подкрепляется упоминанием в том же сообщении, что в составе минского приобретения были «снимки сына Пушкина – Григория, изображённого уже в глубокой старости». См.: Редкое приобретение // Сов. Белоруссия. – 1939. – 23 нояб.

«ПРЕКРАСНАЯ ДОЧЬ ПРЕКРАСНОЙ МАТЕРИ...»

...Наступил 1836 год. Пушкины ждали прибавления семейства. В середине января А.С. Пушкин писал П.В. Нащокину: «Моё семейство умножается, растёт, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились».

Наташа родилась в Петербурге на Каменном острове 23 мая. Через четыре дня Александр Сергеевич сообщил Павлу Воиновичу: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я её поздравил и отдал вместо червонца твоё ожерелье, от которого она в восхищении. Дай Бог не сплзисть, всё идет хорошо».

После рождения Таши (так звали девочку в семье) жена Пушкина долго болела, да и новорождённая чувствовала себя неважно. Поэтому крестины пришлось отложить на целый месяц. Они состоялись в Предтеченской церкви только 27 июня. Крестными младшей дочери Пушкина были друг поэта композитор Михаил Юрьевич Виельгорский и Екатерина Ивановна Загряжская.

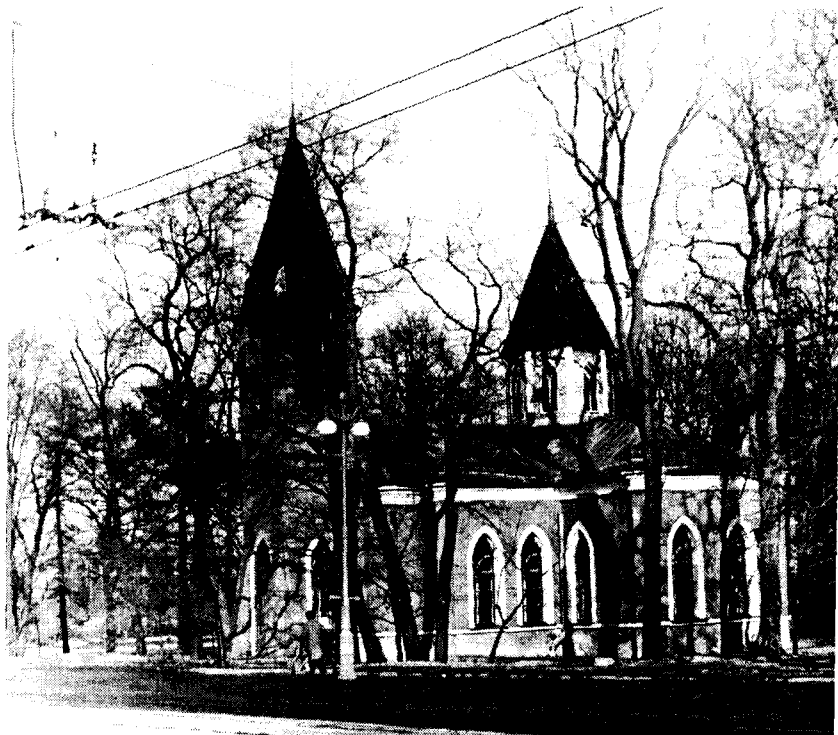
От Пушкина Наталья Александровна унаследовала порывистость движений, страстность. Иван Сергеевич Тургенев, познакомившийся с дочерью поэта, когда ей было уже более сорока лет, писал старшему брату Николаю о том, что она, «как две капли воды»¹, похожа на отца.

Младшая дочь Пушкина поражала современников своей необыкновенной привлекательностью. Её называли «прекрасной дочерью прекрасной матери», «очень красивой, эффектной брюнеткой», «экзотически красивой женщиной», «вылитой матерью»...

Современники утверждали, что «красота Натальи Александровны... ещё обаятельнее красоты её матери», что дочь Пушкина «в свои молодые годы яркой звёздочкой сияла в столичном свете»².

Сын известного романиста С.М. Загоскин рассказывал в 1856 году: «В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип её знаменитого отца, она могла назваться совершенною красавицей, и если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как *Наталья Александровна* была окружена на великосветских балах и как около неё увивалась вся щегольская молодёжь в Петербурге»³.

Пожалуй, восторженнее всех отзывалась о Наталье Александровне её близкая знакомая Е.А. Регекамф: «Про красоту её скажу лишь одно: она

*Церковь Иоанна Предтечи на Каменном острове в Санкт-Петербурге.
Построена архитектором Ю.М. Фельтеном в 1776–1778 гг.
Здесь крестили троих детей А.С. Пушкина. Фотография 1981 г.*

была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлее, когда она входила, осанка у неё была царственная, плечи и руки очертаний богини... К тому же она была до того моложава, что когда вывозила старшую дочь, мою приятельницу, то на каком-то общественном балу к ней стал приставать молодой офицер, приглашая её на вальс... «Танцуйте с моей дочерью». – «Как, неужели у вас дочь?» – воскликнул он, удивлённый. Все мы засмеялись⁴.

Французский писатель Луи Леже, встречавшийся с младшей дочерью поэта в 1880 году в Москве на открытии памятника Пушкину, писал, что она, «элегантная и величественная... напоминала свою мать, Наталью Гончарову, красота которой была гордостью и бедой поэта»⁵.

В характере Натальи Александровны, добром и в то же время непреклонном, гордом, было много пушкинского. Отца она не помнила, но дорожила всем, что было связано с ним. «Всё, что знаю об отце, это уже по рассказам

моей матери... Квартира, где он умер, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые... и я в ней часто бывала», – говорила редактору «Русской старины» М.И. Семевскому дочь Пушкина, «высокая, видная дама, с каштановыми волосами, синими глазами и с громким голосом».

«Она очень приветлива в своём обращении», – подчеркивал Михаил Иванович в «Заметках о виденном и слышанном дома и за границей», рассказывая об этой встрече с Натальей Александровной, которая состоялась в Висбадене в самом конце 1886 года или в начале января 1887-го. А через полгода Семевский ещё раз побывал в семье дочери поэта, и опять в Висбадене.

И снова долго разговаривали о Пушкине, о том, какое благотворное влияние на умы и сердца людей оказывает его поэзия, пробуждающая «души прекрасные порывы». Наталья Александровна, охваченная живыми воспоминаниями о бесконечно дорогом отце, в состоянии глубокой печали (совсем недавно исполнилось 50 лет со времени гибели Александра Сергеевича) вписала в альбом М.И. Семевского первые две строфы грустного стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моём?» (впервые напечатано в «Литературной газете» 6 апреля 1830 года):

*Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.*

Выше восьми стихотворных строчек Пушкина его дочь расписалась, поставила дату – 17 июня 1887 года...⁶

...В ранней молодости, по свидетельству С.М. Загоскина, Н.А. Пушкина была влюблена в князя Николая Алексеевича Орлова (1827–1885), в будущем посланника в Брюсселе, Вене и Париже, а с 1884 года посла в Берлине. Он также полюбил Наташу и хотел жениться на ней. Однако отец его, князь А.Ф. Орлов, в те годы шеф жандармов, не допустил этого, заявив, что брак сына с Пушкиной был бы мезальянсом для княжеской семьи.

В феврале 1853 года шестнадцатилетняя Наталья Пушкина становится женой подполковника Михаила Леонтьевича Дубельта, сына того самого начальника штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельта, которого продажный Фаддей Булгарин льстиво называл «отцом командиром» и который 29 января 1837 года опечатал по высочайшему повелению кабинет умершего поэта и разобрал потом его бумаги.

Об истории замужества дочери поэта А.П. Арапова вспоминала: «Отец

мой недолюбливал Дубельта. Его сдержанный, рассудительный характер не мирился с необузданным нравом, с страстным темпераментом игрока, который жених и не пытался скрыть. Будь Наташа родная дочь, отец никогда не дал бы своего согласия, ясно предвидя горькие последствия; но тут он мог только ограничиться советом и предостережениями⁷.

Н.Н. Пушкина-Ланская благосклонно, с симпатией относилась к будущему зятю. Ей импонировали его ум и красноречие. Сообщая о предстоящей свадьбе Наташи и Михаила Дубельта С.А. Соболевскому, Наталья Николаевна 23 декабря 1852 года писала: «Партия подходящая во всех отношениях, она дает мне уверенность в счастье моей дочери, так как я знаю в течение многих лет этого молодого человека, принятого в моей семье как родной сын, любимого и уважаемого всеми нами»⁸.

Однако и Наталья Николаевна — так гласят семейные предания, подтвержденные документально, — длительное время противилась браку дочери с Дубельтом. От согласия на замужество Наташи её удерживало, вероятно, то, что и у Михаила Леонтьевича, и у юной дочери нрав был одинаково крутой, неуступчивый. Но Наташа настояла: «Одну* замариновала. И меня хочешь замариновать?»⁹

«Быстро перешла бесёнок Таша из детства в зрелой возраст, — говорится в письме Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.А. Вяземскому от 6 января 1853 года, — но делать нечего — судьбу не обойдешь. Вот уже год борюсь с ней, наконец, покорилась воле Божьей и нетерпению Дубельта. Один мой страх — её молодость, иначе сказать — ребячество».

Вскоре после свадьбы М.Л. Дубельт был произведён в полковники. С

*Наталья Александровна Дубельт
(Пушкина), дочь А.С. Пушкина.
Фотография середины 1860-х гг.*

* Речь идет о Марии Александровне Пушкиной, которой шел тогда двадцать первый год (она вышла замуж только в 1860 году, двадцати восьми лет).

декабря 1854 года по май 1857-го он – начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса. 26 августа 1856 года пожалован флигель-адъютантом. С середины 1857 года Дубельт состоял при Министерстве внутренних деп. 23 апреля 1861 года получил чин генерал-майора и был назначен в свиту царя. В июне того же года снова возглавил штаб Сводного кавалерийского корпуса. 16 июля 1862 года Михаил Леонтьевич отчислен от этой должности, а в декабре уволен в бессрочный отпуск. В июне 1886 года он назначен комендантом в Александрополь. С 21 апреля 1897 года генерал-лейтенант. Умер в 1900 году в Петербурге¹⁰.

Замужество дочери Пушкина оказалось неудачным, несчастливым. С первых же дней между супругами наметился разлад, который «загубил навеки душевный покой матери»¹¹. Наталья Николаевна лишилась того «нравственно-го затишья», которое с таким трудом обрела в последние годы.

Заядлый карточный игрок, Михаил Дубельт промотал всё состояние, даже приданое Натальи Александровны (28 тысяч серебром). Он бешено ревновал жену, всячески издевался над ней, даже бил её. В цитированных выше воспоминаниях Е.А. Регекампф говорится: «По её (Н.А. Дубельт. – В.Р.) собственным словам, у неё на теле остались следы его шпор, когда он спяну, в ярости топтал её ногами. Он хватал её за волосы и, толкая об стену лицом, говорил: «Вот для меня цена твоей красоты». Совместная жизнь супругов стала невыносимой, и в 1862 году они разъехались.

Объективности ради следует ещё раз отметить, что и у Натальи Александровны характер был далеко не ангельский. Покладистостью она не отличалась. С.П. Вельяминова считала, что дочь Пушкина и замуж за Дубельта вышла «по своенравию», и конфликт между ними «произошёл во многом из-за её трудного характера». Изученные автором архивные документы, касающиеся бракоразводного процесса Н.А. и М.Л. Дубельтов, также показывают, что в этой горестной семейной истории не так-то просто назвать виновного...

В ожидании окончания дела о разводе (а оно затянулось надолго) Наталья Александровна со старшими детьми уехала в Венгрию, к тётке баронессе Александре Николаевне Фризенгоф (урожд. Гончаровой), где находилась тогда и Н.Н. Пушкина-Ланская с дочерьми от второго брака.

Тяжело больная Наталья Николаевна уже второй год жила за границей. Лето 1861 года она провела на немецких курортах Швальбах и Висбаден, осень – в Женеве, затем всю зиму лечилась в Ницце. Весной 1862 года П.П. Ланской, у которого кончался одиннадцатимесячный отпуск, предоставленный ему в связи с болезнью жены, отвез Наталью Николаевну и детей к свояченице Александре Николаевне в Бродзяны и, устроив их там, уехал на несколько месяцев в Россию, чтобы затем снова вернуться к семье. Там, в Бродзянах, и застала Н.Н. Ланскую её дочь, Наталья Александровна.

Михаил Леонтьевич Дубельт, согласившийся было на развод, неожидан-

но переменял своё решение. Вслед за женой он приехал в Венгрию, как свидетельствует А.П. Арапова, «с повинной, а когда она оказалась безуспешной, то он дал полную волю своему необузданному, бешеному характеру». В конце концов барон Густав Фризенгоф попросил Дубельта покинуть имение.

Осенью возвратился из Петербурга Пётр Петрович. И Ланские всей семьей отправились в Ниццу. Вместе с ними поехала туда и Наталья Александровна Дубельт. «Сестра (Наталья Александровна. – В.Р.), – писала впоследствии Александра Петровна Арапова, – не унывала; её поддерживала необычайная твердость духа и сила воли, но зато мать мучилась за двоих».

А.П. Арапова считала, что тяжкая семейная драма Наташи «много способствовала... преждевременной кончине» матери, которая «стала таять как свеча». «Образ далёкой Таши... с тремя крошками на руках грустным видением склонялся над её смертным одром»¹². Последнюю в своей жизни зиму и почти всю весну Наталья Николаевна провела на курортах Ниццы. В мае 1863 года, несмотря на запреты врачей, она «категорически объявила, что пора вернуться домой». И через полгода Н.Н. Пушкиной-Ланской не стало.

...Только в мае 1864 года Н.А. Дубельт получила наконец свидетельство – вид – на право проживания отдельно от мужа (без развода). Этот документ в 1967 году передала в Пушкинский Дом через И.Л. Андроникова праправнучка А.С. Пушкина Клотильда фон Ринтелен, проживающая в Висбадене.

Свидетельство хорошо сохранилось. Оно написано на гербовой бумаге, скреплено тремя подписями и печатью на красном сургуче:

«Дано сие из второго департамента С.-Петербургской управы благочиния жене генерал-майора Наталье Александровне Дубельт, вследствие предложения С.-Петербургского военного генерал-губернатора от 21 сего мая за № 9181, основанного на высочайшем повелении, о том, чтобы не принуждать её, г-жу Дубельт, с детьми к совместной жизни с мужем, – в том, что дозволяется г-же Дубельт с детьми её – сыном Леонтием, родившимся 5 октября 1855 года,

Наталья Александровна Меренберг (Пушкина). Фотография конца 1860-х гг.

*Наталья Александровна Меренберг.
Фотография конца 1870-х гг.*

и дочь Натальею, родившеюся 23 августа 1854 года, проживать во всех городах Российской империи, а в случае смерти настоящее свидетельство должно быть возвращено в сей департамент. С.-Петербург. Мая 29 дня 1864 года»¹⁹.

Брак Дубельтов был расторгнут лишь четыре года спустя, 18 мая 1868 года. Задолго до этого Наталья Александровна покинула Россию, оставив старших детей на попечение отчима П.П. Ланского (младшую дочь её Анну согласилась воспитывать родственница Дубельта).

Из писем А.Н. и Г. Фризенгофов к Ивану Николаевичу Гончарову видно, что Наталья Александровна Дубельт весной 1866 года жила у них в Бродзянах. Так, 29 мая того же года Густав Фризенгоф

пишет шурину: «У нас две недели гостила Таша Дубельт со своей младшей дочерью, сегодня она уезжает, чтобы вернуться в Висбаден. Она не падает духом, молода, прекрасна, оживлённа, как всегда. Однако её положение далеко не розовое».

К этому письму рукой Александры Николаевны сделано добавление: «Вчера Таша Дубельт покинула нас... её малютка <Анна> приехала тремя неделями раньше, пока мать путешествовала по Швейцарии. Планы Натали меняются каждый день, так что в будущем нет ничего твёрдого... Вчера она получила письмо из Петербурга, в котором её извещают, что её муж отплывает в Америку и соглашается оставить малютку (которую он всегда таскал с собой за границу) только кн. Суворовой, сестре его невестки Дубельт, если Натали даст письменное обязательство не забирать у неё ребенка».

По-видимому, пятилетняя дочь, которую Н.А. Дубельт выписала из Петербурга в Бродзяны, чтобы повидаться с нею, была причиной многих разногласий и ссор родителей.

В том же 1866 году дочь Пушкина вернулась в Россию (очевидно, вместе с малолетней Анной), но ненадолго.

К последним месяцам её пребывания в Петербурге относятся воспоминания генерала К.П. Колзакова. Увидев Наталью Александровну на балет-

ном спектакле в Большом театре (на месте его сейчас находится здание консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова), он 12 февраля 1867 года сделал в дневнике такую запись: «В бельэтаже заметил я прелестную М^{адам} Дубельт, дочь нашего поэта Пушкина... Сидя в ложе, принимала она самые грациозные позы и часто улыбалась и кланялась со знакомыми в партере и ложах, посылая им самые умильные взгляды и улыбки»¹⁴.

1 июля 1867 года, почти за год до окончания бракоразводного процесса, дочь Пушкина обвенчалась в Лондоне с немецким принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, состоявшим в родстве с царским домом Романовых (его

старший брат, принц Адольф Вильгельм, с 1844 года был женат на великой княжне Елизавете Михайловне). Познакомились они ещё в 1856 году в России на одном из раутов, когда Николай Вильгельм Нассауский, офицер прусской службы, как представитель своего двора приезжал на коронационные празднества по случаю восшествия на престол Александра II. Тогда и завязался их роман, который, возможно, явился одной из причин разрыва супружеских отношений Натальи Александровны с Дубельтом.

Поскольку дочь Пушкина, как морганатическая* жена принца, не могла носить фамилию особы королевской крови, зять Николая Вильгельма Насса-

Наталья Александровна Меренберг с мужем принцем Николаем Вильгельмом Нассауским, дочерьми Александрой (сидит), Софией и зятем – великим князем Михаилом Михайловичем Романовым. Фотография 1895 г.

* Морганатическим называется брак члена царствующего (королевского) дома с лицом, не принадлежащим к владетельному роду.

уского – Георг Виктор, владетельный принц Вальдека и Пирмонта, пожаловал ей 17 июля 1867 года титул графини Меренберг.

Ни сам Николай Вильгельм, ни его брат Адольф не могли дать Наталье Александровне этот титул, потому что незадолго до женитьбы принца на дочери знаменитого русского поэта герцогство Нассауское было присоединено к Пруссии («Нассауская провинция»), и Нассауские, лишившись своих прежних прерогатив власти, стали временно обыкновенной знатной фамилией. Свои державные привилегии нассауский дом получил вновь почти четверть века спустя. Когда в 1890 году умер старший в роде по мужской линии принцев Нассауских – Вильгельм III, король Нидерландов и великий герцог Люксембургский, не имевший мужского потомства, принц Адольф стал великим герцогом Люксембургским.

К слову сказать, к браку своего младшего брата принц Адольф относился одобрительно. Заняв великогерцогский трон, он по-прежнему принимал у себя графиню Меренберг и её детей, питал к ним сердечные родственные чувства, бывал у них¹⁵.

Более сорока лет своей жизни Наталья Александровна провела в основном в Висбадене, в России бывала редко. Но она до последних дней сохранила любовь к Родине, ко всему русскому. И, разумеется, к Пушкину.

Люди, знавшие дочь поэта в зрелые годы, отмечали её острый ум и душевную щедрость.

Доктор В.Б. Бертенсон, неоднократно встречавшийся с Натальей Александровной за границей, часто бывавший у неё в доме и в течение многих лет переписывавшийся с нею, вспоминал, что она «осталась все такую же хорошею, милою, доброю, простою русской женщиною». Он с удовлетворением отмечал, что десятки лет постоянного проживания вне России «не сделали из дочери А.С. Пушкина иностранку»¹⁶.

Видная деятельница российского и международного женского движения А.П. Философова (урожд. Дягилева), которую правительство Александра II выслало за пределы России как политически неблагонадёжную, познакомилась за границей с Н.А. Меренберг. В письме к Ф.М. Достоевскому от 19 января 1880 года она писала: «Так странно видеть детище нашего полубога замужем за немцем. Она до сих пор красива... очень обходительна, а муж немец – добряк, чрезвычайно добродушный господин...»¹⁷

А вскоре и сам Достоевский встретился с Натальей Александровной, приехавшей в Москву на открытие памятника А.С. Пушкину¹⁸. Федор Михайлович познакомился с графиней Н.А. Меренберг на приеме депутации в городской думе. 5 июня того же 1880 года он сообщал жене Анне Григорьевне Достоевской в Старую Руссу: «Видел... и даже говорил... с дочерью Пушкина (Нассауской)»¹⁹.

В 1890 году Наталья Александровна подарила В.Б. Бертенсону одно

письмо Пушкина и собственный портрет с автографом. В сопроводительном письме она грустно шутила: «Свой портрет я Вам посылаю *par dessus marche**. Примите поэтому благосклонно изображение бранных остатков прежнего величия... Дети играют в лаун-теннис, а мы, старики, сидим да смотрим. На зиму собираемся опять в Cannes... Надеюсь, мы с вами в жизни ещё свидимся и не раз сыграем в рулетку»²⁰.

Спустя более чем 20 лет, 14 марта 1913 года, этот фотопортрет был воспроизведён в «Биржевых ведомостях» в связи с официальным известием о кончине Н.А. Меренберг.

Умерла Наталья Александровна во французском городе Канне, в доме дочери – графини Софии Торби. В печати широко сообщалось о смерти младшей дочери поэта²¹.

Как писала Е.Н. Бибикова, Н.А. Меренберг уже после смерти мужа узнала о том, что «царствующий герцог Нассауский... не дозволит похоронить мorganатическую жену <Николая Вильгельма Нассауского> в их родовом склепе. Властная Наталья Александровна возмутилась и взяла обещание с зятя Михаила Михайловича, чтобы её сожгли и пепел высыпали в склеп над гробом мужа. Он так и сделал»²².

Жившая в России дочь покойной Анна Михайловна Кондырева, узнав из телеграмм о предстоящей кремации в городе Майнце тела Натальи Александровны, обратилась через дипломатические каналы к германскому правительству с просьбой дать ей и членам её семьи возможность похоронить мать по православному обряду.

Однако германские власти отклонили просьбу русских родственников графини Меренберг на том основании, что «воля покойной, выраженная в завещании, должна быть исполнена»²³.

20 марта состоялась кремация, урна с прахом дочери Пушкина была доставлена в Висбаден на могилу её мужа Николая Вильгельма Нассауского...

От второго брака у Натальи Александровны было трое детей – София, Александра, Георг Николай. Потомки Пушкина по этой линии и сейчас живут за рубежом.

Благодаря младшей дочери поэта были опубликованы письма А.С. Пушкина к жене. Эти письма Наталья Николаевна бережно хранила до конца жизни. Она предполагала подарить их старшей дочери Марии, о чём не раз говорила ей. Но Мария Александровна, приехавшая к умиравшей матери за сутки до её кончины, по просьбе последней уступила письма младшей

* В придачу (фр.) <к автографу А.С. Пушкина>.

сестре, которой они могли послужить материальной поддержкой в её трудном положении в связи с неудавшейся в первом браке семейной жизнью.

Наталья Александровна «вследствие стеснённых обстоятельств» не раз пыталась продать письма отца. Так, в 1866–1869 годах она предлагала их поочередно редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову, П.В. Анненкову, В.А. Соллогубу, другим лицам, но торговая сделка не состоялась. Видимо, потому, что дочь Пушкина, по словам И.С. Тургенева, требовала за эти письма «цену ни с чем не сообразную»*.

Только в 1876 году Н.А. Меренберг передала 75 писем А.С. Пушкина (12 – к невесте, 62** – к жене, одно – к тётце, Н.И. Гончаровой) Ивану Сергеевичу Тургеневу, который договорился о публикации их в журнале «Вестник Европы», издававшемся М.М. Стасюлевичем, сам написал предисловие к ним, исключил из писем «то, что не годится для печати», просмотрел перевод 12 писем, написанных поэтом по-французски (11 – к невесте, одно – к тётце).

Графиня Меренберг согласилась на невыгодные для неё условия, предложенные Стасюлевичем. За обнародование писем Пушкина в этом журнале она получила всего 1000 рублей и десять экземпляров издания, в том числе четыре на голландской бумаге.

К сожалению, М.М. Стасюлевич без должного такта отнесся к такому ответственному делу, как публикация личной переписки всемирно известного поэта. Он не только не сделал дополнительных купюр, о чем просил его И.С. Тургенев, но во многих случаях даже восстановил то, что писатель вычеркнул из этических соображений.

Такая небрежность в издании стала одной из причин острого недовольства сыновей А.С. Пушкина появлением писем отца в первом и третьем номерах «Вестника Европы» за 1878 год.

В письме к М.М. Стасюлевичу от 25 марта 1878 года И.С. Тургенев сообщал: «...меня какой-то А.В.*** письменно предупредил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание? Впрочем, я полагаю: это просто сплетня, если не мистификация»²⁴.

О собственной роли в публикации писем Пушкина И.С. Тургенев писал в предисловии «От издателя»: «...я считаю избрание меня дочерью Пушкина в издателя этих писем одним из почётнейших фактов моей литературной карьеры».

* В 1892 году Н.А. Меренберг через своего зятя А.П. Кондырева ещё раз пыталась продать хранившиеся у неё письма Пушкина за «хорошую цену» антиквару Шибанову, и снова безуспешно.

** В действительности их было 63: публикация письма А.С. Пушкина к Н.Н. Пушкиной от 10 мая 1836 года, И.С. Тургенев дал его как приписку к письму от 16 мая 1836 года.

***О ком идёт речь, не установлено.

еры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения.

Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью её родителя, учеником которого я считал себя «с молодых ногтей» и считаю до сих пор...»

И дальше: «Сама дочь поэта, решившись поделиться с отечественной публикою корреспонденцией своего родителя, адресованной к его жене – её матери, – освятила, так сказать, наше право перенести весь вопрос в более возвышенную и безучастную – как бы документальную сферу.

Нам остается искренне поблагодарить графиню Н.А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания, – и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение»²⁵.

Когда письма Пушкина были изданы, возник вопрос о судьбе их автографов. М.М. Стасюлевич хотел удержать подлинники у себя, чтобы передать их затем в Пушкинский лицейский музей. Однако Н.А. Меренберг не согласилась с этим. 8 января 1879 года она писала М.М. Стасюлевичу: «Милостивый государь Михаил Матвеевич, Иван Сергеевич передал мне Ваше предложение насчёт писем отца моего. Признаюсь откровенно, что я не в силах принести ту жертву, которую Вы от меня ожидаете. Я так дорожу письмами отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними. И потому я покорно прошу Вас передать их зятю моему Ивану Андреевичу Арапову, которого я буду просить явиться к Вам по этому поводу»²⁶.

Вскоре письма поэта были возвращены Наталье Александровне. Но через два года после открытия памятника Пушкину в Москве она уступила Румянцевскому музею автографы 63* писем её отца к Н.Н. Пушкиной. Сделала это Наталья Александровна Меренберг через своего брата, Александра Александровича, и по его настоянию.

Письма были переданы в музей в запечатанном конверте. На нём рукой Н.А. Меренберг написано: «Его превосходительству Александру Александровичу Пушкину».

В письме А.А. Пушкина к великому князю Константину Константиновичу от 6 марта 1905 года так говорится об этом: «Когда же сестра моя, в 1882 году, поручила мне передать в Румянцевский музей эти письма, я, наученный горьким опытом, по соглашению с братом и сёстрами, признал необходимым обусловить этот дар запрещением пользоваться им в течение 50 лет»²⁷.

Запрет, наложенный А.А. Пушкиным на письма отца, опубликован

* По позднейшей нумерации писем в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина – 64, так как одно письмо, от 11 июня 1834 года, оказалось разбитым на два.

ные Тургеневым без разрешения сыновей поэта, действовал до середины 1920-х годов. Таким образом, все дореволюционные издания сочинений Пушкина воспроизводили письма поэта к Наталье Николаевне не по подлинникам, хранившимся в Румянцевском музее, а по текстам, отредактированным Тургеневым. Только в 1926 году Н.В. Измайлов, помогавший Б.Л. Модзалевскому сверять тексты писем Пушкина для будущего издания, получил возможность прочитать их автографы, которые хранились в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина.

Десять написанных по-французски писем А.С. Пушкина к невесте, Н.Н. Гончаровой, и одно к теще, Н.И. Гончаровой, Наталья Александровна Меренберг оставила у себя. Впоследствии, до конца 1986 года, они являлись собственностью балетмейстера и коллекционера С.М. Лифаря, жившего в Париже, а в последнее время в Лозанне. Через два года после смерти Сергея Михайловича эти письма за миллион долларов были приобретены нашей страной у наследников Лифаря.

Одно письмо Пушкина к невесте (подлинник по-русски, в «Вестнике Европы» напечатано под № 8) графиня Меренберг подарила своей дочери от первого брака А.М. Кондыревой, ещё одно, уже упоминавшееся, – доктору В.Б. Бертенсону²⁸ (в «Вестнике Европы» опубликовано с пометой «к № 11»). Оба письма впоследствии поступили в Пушкинский Дом²⁹.

В начале 1900-х годов Петербургская Академия наук приступила к подготовке нового собрания сочинений Пушкина, в которое предполагалось включить и все известные письма поэта. Для этого издания нужно было тщательно сличить печатные тексты писем с оригиналами, хранившимися у наследников Пушкина и у других частных лиц.

Президент Академии наук обратился к Н.А. Меренберг с просьбой предоставить для издания принадлежавшие ей одиннадцать писем отца. Графиня категорически отказалась сделать это. О причине можно лишь строить догадки. Не исключено, например, что Наталья Александровна не могла забыть давней обиды: её не пригласили в Россию на юбилейные – 1899 года – пушкинские торжества...

На письмо великого князя Константина Константиновича рассерженная дочь Пушкина отвечать не стала. Зато она отправила довольно резкое письмо, написанное по-французски, брату А.А. Пушкину, к которому президент Академии наук обращался по тому же поводу. Хотя письмо Н.А. Меренберг не сохранилось, его содержание мы знаем: историк и библиофил И.А. Шляпкин (1858–1918), в руках которого письмо находилось непродолжительное время, переписал его в свой дневник, ныне хранящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

О чем писала графиня Меренберг Александру Александровичу?

«Просьба, с которой ты обращаешься ко мне по поводу писем моего

Отца, меня не удивила. С подобными прошениями ко мне обращались не менее двенадцати раз. Безумный принц Гамлет (так язвительно называет Наталья Александровна великого князя Константина Константиновича. – В.Р.) даже сам написал ко мне, что ещё более обостряет ситуацию. Письмо мне не понравилось – он пишет, как своей подданной, и заключает его такими словами: «Примите уверения в моей благосклонности». Я в ней не нуждаюсь. Известно ли тебе или нет, что я считаю себя оскорбленной Комитетом, <учреждённым для проведения> столетнего юбилея моего Отца? Они игнорировали мое существование, не посчитав меня за дочь Пушкина, и мне хочется, чтобы так продолжалось и далее. В любом случае можешь им сообщить, что я ничего не предпринимаю в надежде на их будущие благодеяния и что они должны осыпать своими благодеяниями тебя, прежде чем я соблаговолу вступить с ними в какие бы то ни было переговоры. Полно!..

Твоя всем сердцем Н<аталья> де М<еренберг>»³⁰.

Академическое издание произведений и писем Пушкина тогда не состоялось: помешала вскоре начавшаяся первая мировая война. Приведённое же письмо дочери великого поэта любопытно не только как факт, имеющий отношение к истории публикации литературного наследия Пушкина, но и как важный эпизод из жизни самой Натальи Александровны, подтверждающий, что она до старости сохранила волевой, а подчас строптивый, бескомпромиссный характер.

¹ И.С. Тургенев – Н.С. Тургеневу, 12 января 1878 года // *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 12. – М.; Л., 1966. – С.265.

² Петербургская газета. – 1912. – 29 янв.; Столица и усадьба. – 1916. – № 67. – С. 18. В «Дневнике» цензора и литературного критика А.В. Никитенко за январь 1865 года также отмечается, что на новогоднем балу в Зимнем дворце среди самых красивых женщин столицы «звездой первой величины сияла» и младшая дочь Пушкина. – См.: *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). – СПб., 1893. – Т. 3. – С. 1–2.

³ Исторический вестник. – 1900. – № 7. – С. 50–51.

⁴ *Режекамф Е.А.* (урожд. Новосильцова). Из мира теней. 1927. – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

⁵ *Леже Л.* У памятника Пушкину // Москва. – 1965. – № 8. – С. 206.

⁶ См.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б.Л. Модзалевского, Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. – Пг., 1924. – С. 126–130; *Семевский М.И.* Знакомые. Книга автографов. 1886–1890. Т. 3 – С. 111. – ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 397.

⁷ *Арапова А.П.* – 1908. – № 11442.

⁸ Цит. по ст.: *Энгель С.* «Душу твою люблю...» // Пушкинский край (Пушкинские Горы). – 1976. – 3 июня.

⁹ Из писем С.П. Вельяминовой. (Ср. воспоминания Е.Н. Бибиковой: «У нас уже <есть> одна старая дева, хочешь и меня просолить!» – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.)

¹⁰ Подробнее см. в кн.: Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. Составлен под редакцией С. Панчулидзева. – СПб., 1908. – С. 137–138.

¹¹ Арапова А.П. – 1908. – № 11442.

¹² Арапова А.П. – 1908. – № 11442, 11446, 11449.

¹³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 205.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 484, № 36 (условно).

¹⁵ Подробнее см.: *Лернер Н.* Зарубежное потомство Пушкина // Столица и усадьба. – 1916. – № 67. – С. 18–19.

¹⁶ См.: *Бертенсон В.Б.* За 30 лет (Листки из воспоминаний). – СПб., 1914. – С. 237–240.

¹⁷ Цит. по ст.: *Рабкина Н.* Дочь Пушкина // Неделя. – 1973. – 5–11 февр.

¹⁸ В ряде позднейших работ пушкиноведов упоминается о том, что младшая дочь Пушкина была в России и на юбилейных торжествах, связанных со 100-летием со дня рождения поэта. В газетах же 1899 года, насколько мне известно, об этом не сообщалось. Более того, в Пушкинском кабинете ИРЛИ хранится газетная вырезка без даты (*Онегин А.Ф.* Puchkiniana, IV. – 1899. – С. 46), в которой говорится: «Висбаден, 26 мая (7 июня). Сегодня здесь отслужена была заупокойная литургия по А.С. Пушкину. Русская церковь... была полна молящихся, среди которых находилась дочь Пушкина, гр. Н.А. Меренберг, и две внучки поэта».

¹⁹ Ф.М. Достоевский, А.Г. Достоевская. Переписка. – Л., 1976. – С. 343.

²⁰ См. цит. выше воспоминания В.Б. Бертенсона. Наталья Александровна в этом письме явно преувеличивает, причисляя себя к «старикам». М.П. Арапова, правнучка Н.Н. и П.П. Ланских, вспоминала, что когда она, шестилетняя девочка, в 1906 году с родителями и бабушкой, М.Ф. Байо, ездила в Германию, то видела Н.А. Меренберг. Хотя Наталья Александровна носила в то время траур по мужу, она была «по-прежнему голубоглазая, стройная и красивая».

²¹ См.: Московские ведомости. – 1913. – 12, 14, 22 марта; Русское слово. – 1913. – 14 марта; Биржевые ведомости (веч. вып.) – 1913. – 14, 15, 21 марта; Новое время. – 1913. – 15 марта; Речь. – 1913. – 13 марта; Утро России. – 1913. – 16 марта; Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. – 1913. – № 4. – Стб. 63; Исторический вестник. – 1913. – № 4. – С. 381–382 и др.

²² ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

²³ Сожжение тела дочери Пушкина // Биржевые ведомости (веч. вып.). – 1913. – 21 марта.

²⁴ Цит. по кн.: *Тургенев И.С.* Собр. соч. – Т. 12. – С. 302. Подробнее о публикации писем Пушкина Тургеневым см.: *Измайлов Н.В.* Тургенев – издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. – Л., 1969. – Т. 5. – С. 399–416.

²⁵ Вестник Европы. – 1878. – № 1. – С. 7–8.

²⁶ Цит. по кн.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 654.

²⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, № 36.

²⁸ В письме из Швальбаха в 1890 году Наталья Александровна Меренберг писала В.Б. Бертенсону: «Мой дорогой доктор, я Вас не забыла... обещание моё также помню и потому честь имею поднести Вам желанный автограф отца моего». См. цит. выше воспоминания В.Б. Бертенсона.

²⁹ Одно письмо Пушкина к жене – от 24 апреля 1834 года – попало в Пушкинский Дом другим путем. И.С. Тургеневым оно напечатано не было. Уточнением сведений о судьбе писем А.С. Пушкина к Н.Н. Пушкиной (Гончаровой) автор обязан Р.Е. Тереминной.

³⁰ Цит. по ст.: *Филин Михаил.* Забытый эпизод // Лит. Россия. – 1987. – 6 февр.

Часть третья

«...И ОБО МНЕ ВСПОМЯНЕТ»

С ДУМОЙ О СЧАСТЬЕ НАРОДА

В стихотворении «...Вновь я посетил» А.С. Пушкин с надеждой писал о будущем:

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.*

Внуки поэта не только с неизменной благодарностью вспоминали знаменитого деда, но и всегда считали его главой своей семьи, своего дома. Многие из них оставили добрый след в памяти современников, потому что жили с душой о процветании России, о счастье народа.

Старшая из тринадцати детей А.А. Пушкина, Наталья Александровна, в замужестве Воронцова-Вельяминова, отличалась, по воспоминаниям её родственников, большой силой воли, необыкновенной живостью характера и ума, унаследованными от деда – А.С. Пушкина. Любила поэзию, особенно русскую, и сама писала стихи.

Отец, А.А. Пушкин, не только не радовался стихотворческим занятиям собственных детей, но и всячески препятствовал им, внушал не делать этого.

Однажды, гласит семейное предание, Александр Александрович «собрал своих чад и домочадцев и обратился к ним с речью», смысл которой заключался в том, что никому из его семьи писать стихи не стоит («что можно написать после Пушкина?!»). «Славы себе не создашь. Можно лишь попасть в неловкое положение. Свои силы, свои таланты, у кого они есть, – говорил он, – применяйте на каком-нибудь другом поприще»¹.

Помня непререкаемое мнение отца и боясь прослыть дилетанткой в поэзии («внучка Пушкина пишет плохие стихи!»), Наталья Александровна сочиняла только для себя – в альбомы. Этого «требовал», казалось ей, и сам Пушкин (его портрет постоянно стоял на рабочем столе Н.А. Воронцовой-Вельяминовой), творчество которого всегда было для неё, как и для других потомков поэта, недостижимым образцом, а сам он являлся строгим, молчаливым семейным судьёй.

Альбомы со стихами внучки Пушкина давно исчезли, и судить о достоинствах её поэтических опытов теперь трудно, так как стихи Натальи Александровны нигде не печатались.

Можно сослаться лишь на авторитетный отзыв радиожурналиста Сергея Евгеньевича Клименко – внука Н.А. Воронцовой-Вельяминовой, в руках которого свыше пятидесяти лет назад оказался автограф одного из её произведений. Листок передала Сергею Евгеньевичу его двоюродная тётя Т.Н. Галина. Это – сатирическое стихотворение, написанное Натальей Александровной в городе Козлове, где в ту пору стоял полк её отца. К сожалению, и оно, «довольно метко передающее картину жизни пыльного мещанского городка»², потом затерялось.

Наталья Александровна отлично рисовала. Об этом можно судить по двум сохранившимся альбомам с её пейзажными рисунками и портретами*. Жаль, что и этому своему дарованию внучка поэта не придавала большого значения. Размышляя о художественных достоинствах рисунков бабушки, об уровне её одаренности, С.Е. Клименко заметил, что «это было профессиональное мастерство, но не профессия»³.

«Человек живого ума, большого сердца и, по-видимому, незаурядных способностей...» – такой помнила Наталью Александровну её внучка И.Е. Гибшман. По словам Ирины Евгеньевны, Н.А. Воронцова-Вельяминова была «подвижная, весёлая, интересная собеседница, отзывчивый человек. Даже уже в немолодом возрасте любила играть с детьми. Пользовалась большой любовью и уважением... Дочерей воспитывала в духе служения людям, в труде. Бабушка не любила праздную жизнь, пустые развлечения. Она держалась всегда просто, как все умные люди».

Когда Наталья Александровна скончалась, её внуку Георгию Михайловичу Воронцову-Вельяминову шел всего восьмой месяц. Бабушку он, естественно, не помнил, но через многие десятилетия признался в письме к автору книги, что неизменно «любил её любовью детей и всех её знавших».

Правнучка Пушкина Софья Николаевна Данилевская была убеждена в том, что её тетю, Н.А. Воронцову-Вельяминову, «уважали потому, что, во-первых, она была человеком не только справедливым, но и прямым: когда нужно было, вступала в споры, невзирая на лица; во-вторых, она помогала всем».

Софья Николаевна с радостью вспоминала то счастливое лето, когда она, ещё девочка-подросток, полтора месяца провела в Бобруйске у Воронцовых-Вельяминовых: «Наталья Александровна кормила меня удивительно вкусными булками, хлебом и земляникой... домой я вернулась толстушкой».

* Альбомы в настоящее время являются собственностью А.А. Кологривова, к которому перешли от его бабушки С.П. Вельяминовой. Два рисунка Н.А. Воронцовой-Вельяминовой находились у И.Е. Гибшман, по столько же у праправнучки Пушкина Г.С. Усовой и у близких покойного праправнука Г.М. Воронцова-Вельяминова.

Внуки А.С. Пушкина (слева направо): Ольга, Александр, Анна, Наталья, Григорий, Мария Пушкины. Фотография середины 1870-х гг.

Сообщая о памятных подробностях своего детства и отрочества, С.П. Вельяминова приводила запомнившиеся ей рассказы матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, о Н.Н. Пушкиной-Ланской. Оказывается, Наталья Николаевна «хорошо играла в шахматы, но по-детски огорчалась, когда проигрывала». Она была «кстроумна и рассудительна... и вовсе не наряды Натальи Николаевны запутали денежные дела» Пушкиных в Петербурге. «А наряды, – продолжала Софья Павловна, – не так уж тогда дороги были: делался шёлковый чехол, а на чехол нашивался тарлатан – лёгкая прозрачная материя оборочками, складочками, буфочками... Через некоторое время этот верх меняли, и новый нашивали на шёлковый чехол. Я ещё застала в сундуке матери тарлатан, который пригодился в «живых картинах»... в Натальин день – 26 августа».

С.П. Вельяминова особо подчёркивала, что «Наталья Николаевна вместе с П.П. Ланским хлопотала об освобождении М.Е. Салтыкова-Щедрина из ссылки в Вятке». Эти сведения, идущие по семейным каналам, подтверждаются и документальными источниками. Вкратце суть заступничества супругов Ланских за Салтыкова такова.

В разгар Крымской войны генерал-адъютант Пётр Петрович Ланской

был командирован в Вятку, чтобы, как писала, опираясь на воспоминания своих родителей, Л.Н. Спасская (дочь вятского врача Н.В. Ионина – друга М.Е. Салтыкова), «лично наблюдать за формированием вятского ополчения, начальником которого он был назначен»⁴. Вместе с ним приехала туда и Наталья Николаевна. Три дочери Ланских (старшей, Александре, в ту пору было десять лет, а младшей, Елизавете, всего семь) были отправлены под опекой двадцатитрёхлетней сестры Маши Пушкиной, гувернантки и няни к другой их сестре – Таше Дубельт в Житомирскую губернию.

Ланские пробыли в Вятке с конца сентября 1855 года по январь 1856-го. Они близко сошлись с вновь назначенным управляющим Вятской палатой государственных имуществ К.Л. Пащенко, состоявшим также членом губернского комитета по созыву ополчения, и его женой Марией Дмитриевной (урожд. Новицкой), которую Наталья Николаевна знала по Петербургу, – до замужества Мария Дмитриевна была талантливой примой-балериной Большого театра (с 1834 года). Позднее, в 1840 году, Новицкая стала драматической актрисой и долгие годы блистательно выступала на сцене Александринского театра.

М.Е. Салтыков был коротко знаком с семейством Пащенко с осени 1854 года. В их доме его и представили Наталье Николаевне. Вскоре молодой литератор стал бывать у Ланских. Наталья Николаевна относилась к нему с неизменным уважением. Она постоянно оказывала Михаилу Евграфовичу радушный прием, поддерживала его морально, о чём писатель тепло вспоминал до старости.

М.Е. Салтыков уже более семи лет жил в Вятке под надзором полиции. Он не раз пытался добиться освобождения. Весьма активно оказывал ему содействие и губернатор Н.Н. Семёнов. Однако все их хлопоты не приносили желаемого результата.

Узнав об этом от М.Д. Пащенко, Наталья Николаевна энергично взялась за дело: она настоятельно просила мужа (его двоюродный брат С.С. Ланской незадолго до того занял пост министра внутренних дел) посодействовать освобождению писателя из ссылки и добилась быстрого успеха – 13 ноября 1855 года министр внутренних дел известил вятского губернатора о том, что Александр II «высочайше повелеть соизволил: дозволить Салтыкову проживать и служить где пожелает»⁵.

О хлопотах П.П. Ланского М.Е. Салтыков писал в октябре 1855 года брату Дмитрию: «Он принял живейшее участие в моём положении и с нынешнею почтою послал к министру официальное письмо, в котором, отзываясь обо мне с лучшей стороны, просит исходатайствовать мне всемилостивейшее прощение. Кроме этого... ещё частным письмом просит министра о том же». А 28 ноября, узнав о «прощении», писатель делился с братом радостью: «К 15-му января надеюсь быть в Петербурге... Всем этим я обязан генералу Ланскому, который так добр, что даже даёт мне письмо к нашему министру»⁶.

**Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова, внучка А.С. Пушкина.
Фотография 1912 г.**

Михаил Евграфович выехал из Вятки 24 декабря 1855 года. 13 или 14 января 1856 года он был уже в Петербурге. Вскоре вернулись в столицу и Ланские.

Небезынтересно отметить, что П.П. Ланской и в период формирования ополчения в Вятке рекомендовал себя, в отличие от многих других царских чиновников, человеком бескорыстным и честным. К нему поступили 100 тысяч рублей – итог частных пожертвований жителей губернии. Эти деньги он передал по возвращении в Петербург военному министру Н.О. Сухозанету, сообщил о них и царю.

Проявленное Н.Н. Пушкиной-Ланской участие к судьбе М.Е. Салтыкова и некоторые другие факты свидетельствуют о её сочувственном отношении к отечественным литераторам.

Здесь уместно привести воспоминания Александры Петровны Араповой о встрече Н.Н. Пушкиной с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, которая произошла в доме Карамзиных в апреле 1841 года, накануне отъезда поэта на Кавказ.

«В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал:

– ...Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть её обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаёшь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать когда-нибудь вам другом...

– Прощать мне вам нечего, – ответила Наталья Николаевна, – но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении».

Лермонтову не суждено было вернуться в Петербург. И когда через не-

сколько месяцев Н.Н. Пушкина узнала о его трагической смерти, «сердце её болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в её памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого».

Вспоминая последнюю встречу с Лермонтовым, вдова Пушкина уже в последние годы жизни признавалась: «Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унёс с собою в могилу»⁷.

Приведённые эпизоды из жизни Н.Н. Пушкиной-Ланской лишний раз свидетельствуют о том, как несправедливы были к ней многие современники, считавшие её повинной в гибели поэта. Да и только ли они?! К сожалению, с рецидивами необъективности, а порой и предвзятости в оценке личности Натальи Николаевны приходится сталкиваться по сей день, хотя теперь – благодаря трудам советских учёных-пушкинистов (в первую очередь И.М. Ободовской и М.А. Деметьева) – документально доказана несостоятельность всякого рода измышлений, касающихся жены Пушкина.

Посильную лепту в благородное дело – вернуть Н.Н. Пушкиной доброе имя – внесла и её внучка Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова. Она всегда щедро делилась семейными воспоминаниями о бабушке с родственниками и знакомыми.

Как бесценную реликвию, хранящую тепло её рук и нежного сердца, берегли в семье И.Е. Гишман гарусное детское одеяло, связанное Натальей Николаевной. Это её подарок внучке Наташе, которая родилась в Петербурге, в конногвардейских казармах, где была квартира А.А. Пушкина. Тогда же Наталья Николаевна подарила девочке и кроватку красного дерева с кисейным пологом. С.П. Вельяминова, ссылаясь на семейные предания, рассказывала мне, что этой кроваткой, возможно, пользовались дети Пушкина, когда были маленькими. Впоследствии, в 1880–1890-х годах, в ней спали дети Н.А. Воронцовой-Вельяминовой, а ещё позднее, уже в XX веке, и её внуки – дочери и сын Марии Павловны Клименко.

Внучка поэта Наталья Пушкина получила в детстве хорошее домашнее образование, затем окончила гимназию. До замужества она некоторое время жила в Москве – в доме родни выдающегося драматурга Александра Васильевича Сухова-Кобылина (1817–1903). Сухово-Кобылины и ей приходились родственниками⁸. В ту пору Наталья Александровна познакомилась со многими московскими литераторами, среди которых были и сам Сухово-Кобылин, автор комедии «Свадьба Кречинского», с 1855 года шедшей с большим успехом на русской сцене*; и его сестра Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (1815–1892), выступавшая в печати под псевдонимом Евгения Тур (первые

* В течение нескольких десятилетий царская цензура запрещала постановку драматических произведений А.В. Сухова-Кобылина «Дело» и «Смерть Тарелкина». Полностью же – без цензурных искажений и купюр – эти пьесы появились на театральной сцене только при советской власти.

её произведения – повесть «Ошибка» и роман «Племянница» – сочувственно отметил И.С. Тургенев)*; и её сын Евгений Андреевич Салиас де Турнемир (1840–1908, печатался под фамилией Салиас), автор повести «Тьма», положительно оценённой А.И. Герценом.

Может быть, общение юной внучки поэта с популярными тогда литераторами укрепило в ней воспитанную семейными – пушкинскими – традициями активную гражданскую позицию, помогло чётко определить своё место в жизни...

Сын поэта Григорий Александрович Пушкин в январе 1881 года получил от Натальи Александровны следующее письмо: «Вы, вероятно, уже знаете через других: я выхожу замуж... Милый дядя, приезжайте, пожалуйста, на мою свадьбу... Вы знаете, что Вы из всех дядей мой любимый, и я даже себе представить не могу, как бы я без Вас стала венчаться. Свадьба наша 25-го в Рязани, и после на эту зиму я переселяюсь в Козлов...

Искренне Вас любящая племянница Таша Пушкина»⁹.

Мужем внучки Пушкина стал Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов, офицер 13-го гусарского Нарвского полка, которым командовал её отец. Из офицеров своего полка А.А. Пушкин особенно любил Павла Аркадьевича – за его мужество, честный и прямой характер. Герой русско-турецкой войны штаб-ротмистр Воронцов-Вельяминов в сражениях на болгарской земле проявил недюжинную храбрость, за что был удостоен высокой награды – именной серебряной сабли.

Внук П.А. Воронцова-Вельяминова Александр Всеволодович Кологривов с гордостью писал, что у него «сохранился... турецкий изогнутый кинжал из дамасской стали, взятый Павлом Аркадьевичем в качестве трофея на поле боя»**¹⁰.

У другого его внука, Сергея Евгеньевича Клименко, в детские годы была красная турецкая феска с чёрной кисточкой, привезённая дедом с Балкан. К сожалению, эта реликвия не сохранилась. Сергей Евгеньевич с улыбкой вспоминал, как его сестре Ольге, в ту пору ещё подростку, сшили пальто из трофейной бурки деда и как он, Серёжа, «настаивал, чтобы мохнатая сторона была наверху»¹¹, однако его советам не вняли...

Об интересе Павла Аркадьевича к Болгарии и русско-турецкой войне, в которой он участвовал сам, напоминали и хранившиеся долгие годы в семье

* В 1880-х годах Е.В. Салиас де Турнемир писала популярные романы и повести для юношества («Катакомбы», «Мученики Колизея», «Княжна Дубровина» и др.), с 1861 года издавала журнал «Русская речь».

** Сейчас этот трофейный кинжал, а также медаль П.А. Воронцова-Вельяминова за участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, визитные карточки Н.А. и П.А. Воронцовых-Вельяминовых и их детей, некоторые другие фамильные ценности, в том числе несколько книг, находятся у А.А. Кологривова.

две огромные книги в синих переплётках: в них, как рассказывал С.Е. Клименко, наряду с описанием боевых действий встречались рисунки, портреты военачальников обеих сторон, сцены из солдатской жизни, пейзажи...

Родная сестра П.А. Воронцова-Вельяминова, Наталья Аркадьевна, была женой Василия Васильевича Тютчева – дальнего родственника поэта Ф.И. Тютчева. Их дочь Наталья Васильевна Тютчева (1887–1974) до самой смерти жила вместе с праправнучкой Пушкина Мариной Евгеньевной Клименко. Лицом она была удивительно похожа на Фёдора Ивановича Тютчева в старости.

Другая сестра П.А. Воронцова-Вельяминова, Ольга Аркадьевна, вышла замуж за Михаила Александровича Жемчужникова (ок. 1860 – 1914) – сына Александра Михайловича Жемчужникова, среднего из известных братьев-литераторов. В их имении Красный Рог Черниговской губернии (теперь Брянской области) находился фамильный склеп, в котором похоронен прежний владелец Красного Рога Алексей Константинович Толстой (1817–1875) – знаменитый русский поэт, драматург и беллетрист. Он приходился двоюродным братом Алексею (1821–1908), Александру (1826–1896) и Владимиру (1830–1884) Михайловичам Жемчужниковым, был их приятелем и соавтором многих литературных трудов. После смерти Алексея Михайловича Жемчужникова (его братья скончались раньше) имение-майорат Красный Рог получил по наследству его племянник М.А. Жемчужников.

Таким образом, Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова состояла в родстве с... Козьмой Петровичем Прутковым (правда, уже после его «кончины»)*.

Воронцовы-Вельяминовы и Жемчужниковы породнились семьями уже в конце XIX века. По имеющимся у меня данным, Ольга Аркадьевна стала женой М.А. Жемчужникова в 1898 году, когда из трёх братьев-стихотворцев был жив лишь один – Алексей Михайлович. Зато Михаил Жемчужников, в молодости морской офицер, как бы продолжая литературную традицию отца и дядей, тоже писал неплохие стихи в «прутковской» манере. Ещё до свадьбы он сочинил большое стихотворение, сохранившееся в семейном архиве. Вот отрывок из него, записанный Г.М. Воронцовым-Вельяминовым со слов Ольги Аркадьевны Жемчужниковой (Воронцовой-Вельяминовой)**, которой посвящено это стихотворение.

* Козьма Прутков – общий литературный псевдоним А.К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

** Г.М. Воронцов-Вельяминов несколько раз навещал О.А. Жемчужникову в Мюнхене, где она жила длительное время и скончалась в 1978 году в возрасте 104 лет.

*Серебром и перламутром
Отблеск месяца играет.
В небе ярче и заметней
Цель созвездий выплывает,
И в безмолвьи ночи летней
Ум усталый отдыхает.
Посмотрев на звёзды снова,
Вижу в ясной их толпе я,
Что над домом Воронцова
Поднялась Кассиопея.
Я люблю, когда сияет
В небесах созвездье это.
Два латинских V читает
В нём фантазия поэта.
Этот вензель Иегова
Начертал на небе даже.
Этот вензель – Воронцова,
Вельяминова она же.*

Между Н.А. Воронцовой-Вельяминовой и семейством Жемчужниковых сложились тёплые родственные отношения. Даже в конце 1900-х годов, когда дети Натальи Александровны были уже взрослыми, она и её близкие поддерживали самую тесную дружбу с домом Жемчужниковых. Самый факт родства с ними и А.К. Толстым для внучки Пушкина, жадно впитывавшей знания, особенно в области литературы, по-видимому, не прошёл бесследно. Так, сохранившийся у А.А. Кологривова сборник стихов А.К. Толстого, изданный М.М. Стасюлевичем в Петербурге в 1877 году, испещрён пометами Натальи Александровны. Например, на с. 71, где идет текст поэмы «Дон-Жуан», сделана запись: «Как это верно (см. Демон, Татьяна)». А многие строки и отдельные слова произведений Алексея Константиновича многозначительно подчёркнуты её рукой.

...Через несколько лет после женитьбы П.А. Воронцов-Вельяминов вышел в отставку, и супруги обосновались в его имени Вавуличи¹² под Бобруйском. Там Наталья Александровна и жила многие годы. Умерла она в Бобруйске, похоронена в селе Телуша, в двух километрах от Вавуличей. Могила, окружённая вековыми деревьями, находится в центре села.

А в Бобруйске, на Социалистической (бывшей Муравьёвской) улице, до недавнего времени находился небольшой деревянный домик, купленный Н.А. Воронцовой-Вельяминовой на собственные деньги в приданое для дочери Марии. Это здание, как и стоявший во дворе дом, в котором жили Воронцовы-Вельяминовы с дочерьми Софьей и Верой, не сохранилось. Дом, прина-

длевавший М.П. Клименко, сгорел во время Великой Отечественной войны, а дом её родителей (в нём уже в советское время жила С.П. Кологривова с сыновьями-подростками Сашей и Олегом) и дом Михаила Павловича Воронцова-Вельяминова на той же улице снесены в конце 1960-х годов. Не уцелела и расположенная по соседству школа (до войны № 3), в которой в 1920-х годах учились праправнуки Пушкина.

Старожилы Бобруйска и теперь вспоминают доброту, деликатность внучки Пушкина и её мужа. Оба «очень ценили чувство собственного достоинства у простого человека» и всячески развивали эту черту характера. Местный житель, человек весьма почтенных лет, сказал Софье Павловне Вельяминовой, приехавшей в 1952 году в Телушу, чтобы установить на могиле матери надгробную доску от Литературного фонда СССР: «Павловна, моя Павловна, народ, как один, говорит: Павлом Аркадьевичем мы обижены не были».

«На редкость гармонично сочетавшая ум, волю и чувства», Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова имела, по словам Софьи Павловны, «широкий кругозор, тяготилась своей оторванностью от общественной жизни», причиной чему в первые годы супружества была кочевая военная жизнь мужа, а позже и большая семья – у Воронцовых-Вельяминовых было шестеро детей: Григорий, Мария, Софья, Михаил, Феодосий и Вера.

И все-таки внучка Пушкина находила возможность, особенно когда подросли дети, оказывать постоянную помощь крестьянам своей округи. Больным давала лекарства, а если они нуждались в серьёзном лечении или операции, отправляла к врачам в Вильно и Гомель.

Многое делала Наталья Александровна для того, чтобы крестьянские дети могли учиться грамоте, а наиболее способные из них получить образование. Некоторым даже назначала стипендию.

Москвич Е.М. Калиновский, детство и юность которого прошли в селе Телуша и городе Бобруйске (ему было около восьми лет, когда скончалась Н.А. Воронцова-Вельяминова), писал мне:

«Мой отец с 1896 по 1924 год работал заведующим начальными училищами в Телуше, а затем в Бобруйске... Полный шестилетний курс обучения в двухклассном училище давал право поступать в средние специальные учебные заведения...

Уезжая в города Несвиж и Поневеж* для поступления в учительские семинарии, отдельные ученики, по просьбе отца, получали от Натальи Александровны по 12–15 рублей на дорогу.

В селе Телуша была весьма тесная застройка крестьянских дворов... Поэтому при частых пожарах Телуша всегда выгорала почти наполовину. Как правило, лес на постройку новых изб давал Павел Аркадьевич, по настоянию

* Ныне город Паневежис.

жены – Натальи Александровны, безвозмездно. Оказывалась помощь крестьянам иногда молодняком скота».

Евгений Матвеевич помнил также, что в Вавуличах были выведены «воронцовские» сорта яблок и картофеля, которые давали хорошие урожаи и на земельных участках крестьян, и что семенной картофель предоставлялся жителям округа бесплатно.

Н.А. Воронцова-Вельяминова долгие годы была председателем Бобруйского благотворительного общества, на средства которого строили ясли и приюты для детей вдов и одиночек, покупали многодетным семьям швейные машины, ремонтировали избы бедняков. Общество заботилось о дровах и хлебе для нуждающихся. Крестьянским ребятишкам внучка Пушкина давала книги для чтения, знакомила их с творчеством своего деда, которое сама знала очень хорошо. А в 1899 году, к 100-летию со дня рождения поэта, в Бобруйске – опять-таки при самом деятельном участии Натальи Александровны – была открыта первая в городе библиотека, названная именем Пушкина. Она существует и поныне.

Чтобы облегчить положение работающих женщин, Н.А. Воронцова-Вельяминова организовала в Бобруйске ясли – первое дошкольное учреждение на Бобруйщине.

Поборница равноправия мужчин и женщин в общественной жизни, Наталья Александровна придерживалась мнения, что и в семье жена не должна мириться с унижительным положением. Она постоянно подчёркивала мысль Пушкина о том, что женитьба должна повышать нравственность мужчины, делать его общественно зрелым человеком.

Благодаря сильному характеру и передовым по тем временам убеждениям Н.А. Воронцова-Вельяминова занимала в семье главенствующее положение. Софья Павловна Вельяминова называла это «культом матери». Этот «культ» объяснялся и тем, что Павел Аркадьевич был мировым судьёй и земским начальником – хлопотливые должности требовали уйму времени и сил, поэтому в воспитание детей он почти не вмешивался.

Незадолго до смерти Г.М. Воронцов-Вельяминов прислал мне копию хранившегося у него письма Натальи Александровны к дочери Софье. В нём она пишет о работе мужа на посту земского деятеля, старается объективно оценить настоящие и мнимые заслуги Бобруйского уездного земства. Сообщая о некоем Петрове, который лицемерно называл себя «либералом и поклонником мировых судов», а Павла Аркадьевича – консерватором, Наталья Александровна со злой иронией пишет, что тот же Петров «с презрением смотрит на перемену, а между тем на деле придирается к пустякам», что у него и ему подобных «слово с делом расходится» и они безответственно относятся к своему долгу, «когда не в их дудку играют». И дальше: «А какие беспорядки и какое безобразие мой муж получил от непременных членов в наследство, но

всё это «ничего, потому что наше!»; по Петрову, вероятно, наше плохое лучше вашего хорошего...»

Поглощённая каждодневными заботами обо всех, кто оказывался в сфере её общественной деятельности, Н.А. Воронцова-Вельяминова нередко упрекала своих близких в недостаточном, как ей казалось, внимании к людям, к их нуждам и потребностям. Даже отцу, А.А. Пушкину, и «тете Маше Гартунг», иногда – вечерами – игравшим в винт, она с болью говорила: «Всюду карты... и это вместо того, чтобы думать о судьбах России».

Эти слова достаточно ярко характеризуют отношение Натальи Александровны к жизни, к высокому назначению человека...

Благотворительную деятельность Н.А. Воронцова-Вельяминова считала недостаточной. Ей, женщине с нежной, чуткой к людскому горю душой, казалось порой, что это просто подачки богатым бедным, оскорбительные для тех и других. Внучка Пушкина видела смысл жизни в бескорыстном, самоотверженном служении людям, была убеждена, что можно и нужно сделать для родного народа больше, чем делает она. Огорчалась, что не всё задуманное ею осуществлялось, и теплом искреннего человеческого участия, щедростью своего большого сердца согревала каждого, кто нуждался в помощи и поддержке.

¹ Кологривов А.В. Белоруссия – детство моё. – ИРЛИ (фонд В.М. Русакова). Опубликовано в сокращении: Беларусь. – 1974. – № 5. – С. 23–24.

² Из письма С.Е. Клименко Т.Б. Лиокумовичу от 4 марта 1968 года (цит. по черновику).

³ Из цит. выше письма С.Е. Клименко Т.Б. Лиокумовичу.

⁴ Спасская Л.Н. <М.Е. Салтыков и его вятские друзья Ионины> // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – М., 1975. – Т. 1. – С. 75.

⁵ Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вып. 5–6. – 1906. – С. 238–239.

⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1975. – Т. 18. – Кн. 1. – С. 161–162, 167.

⁷ Арапова А.П. – 1908. – № 11432.

⁸ Н.С. Шепелёва, С.Е. Клименко и некоторые другие потомки А.С. Пушкина ошибочно полагали, что Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина (ум. 1893) была женой Фёдора Николаевича Петрово-Соловова и, следовательно, матерью Натальи Фёдоровны Петрово-Соловова, в замужестве Ланской, – бабушки Н.А. Воронцовой-Вельяминовой. Эту неточность допустил и я в первом издании книги. На самом деле женой Ф.Н. Петрово-Соловова была княжна Анна Григорьевна Щербатова, а на Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной был женат его сын – Михаил Фёдорович Петрово-Соловова. Таким образом, Е.В. Сухово-Кобылина приходилась невесткой Н.Ф. Петрово-Соловова. Об этом см.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. –

2-е изд. – СПб., 1895. – Т. 2. – С. 87; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. – Т. 1. – Князья Черниговские. – Ч. 3. – М., 1907. – С. 276. – № 43. Уточнением сведений о родстве потомков Пушкина с Сухово-Кобылиными автор обязан А.А. Кологривову.

Род Пушкиных ещё раз скрестился с родом Сухово-Кобылиных в 1930 году, когда правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Мезенцова (в первом браке Геринг) вышла замуж за Андрея Михайловича Шепелёва – внука Николая Александровича Шепелёва, тетья которого, Мария Ивановна Шепелёва (в замужестве Сухово-Кобылина), была матерью писателей А.В. Сухово-Кобылина и Е.В. Салиас де Турнемир.

⁹ ИРЛИ, ф. 246, №75.

¹⁰ *Кологривов А.В.* Белоруссия – детство моё. – ИРЛИ (фонд В.М. Русакова).

¹¹ Из цит. выше письма С.Е. Клименко Т.Б. Лиокумовичу.

¹² До 1903 года имение Вавуличи принадлежало Аркадию Павловичу Воронцову-Вельяминову (1822–1903), которому досталось в качестве приданого за женой. После его смерти Вавуличи перешли к его сыну – Павлу Аркадьевичу.

КАК ПОТОМКИ ПУШКИНА ПОРОДНИЛИСЬ С СЕМЬЕЙ ГОГОЛЯ

В мае 1831 года исполнилось заветное желание Николая Васильевича Гоголя – на вечере у П.А. Плетнёва, в Петербурге, его познакомили с А.С. Пушкиным. Они часто встречались: в то лето Пушкин жил в Царском Селе, Гоголь – в Павловске. Знакомство вскоре переросло в сердечную дружбу.

Пушкин сыграл решающую роль в творческой судьбе Гоголя, в становлении его как литератора. Он был первым судьёй многих гоголевских произведений ещё до появления их в печати. Александр Сергеевич подсказал молодому писателю темы и сюжеты «Ревизора» и «Мёртвых душ». Когда в январе 1836 года Пушкин начал издавать «Современник», он не замедлил привлечь к сотрудничеству в журнале и Гоголя. На страницах «Современника» увидели свет некоторые литературные труды Николая Васильевича.

Творческая дружба Пушкина и Гоголя, которую питала общая забота великих писателей о судьбе Отечества, о дальнейшем развитии российской словесности, – поистине счастливейшая страница в истории литературы. По счастливому же стечению обстоятельств Пушкин и Гоголь через полвека (уже после их смерти) породнились семьями – в конце лета 1881 года девятнадцатилетняя внучка поэта Мария Пушкина стала женой племянника Гоголя Н.В. Быкова.

Николай Владимирович был сыном полковника Владимира Ивановича Быкова и Елизаветы Васильевны (урожд. Гоголь), родной сестры писателя. Он служил в 13-м гусарском Нарвском полку, командиром которого был А.А. Пушкин, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов и за проявленную в боях храбрость был награждён золотым оружием.

Венчались молодые в попасенской Зачатьевской церкви¹.

Вскоре после свадьбы Николай Владимирович Быков подал в отставку, и супруги поселились – правда, ненадолго – в Полтаве, в доме Анны Васильевны Гоголь, а затем переехали в имение Васильевка (Яновщина)* Полтавской же губернии. Когда-то это имение было собственностью В.А. Гоголя-Яновского (1777–1825) – отца будущего писателя. Отсюда и двойное название его: официальное – по имени владельца, местное – по второй части его фамилии. Потом, после смерти Василия Афанасьевича, там жила мать писателя – Мария Ивановна Гоголь-Яновская (урожд. Косяровская, 1791–1868), немало пережившая не только мужа, но и своего знаменитого сына².

Опираясь на семейные предания о них, С.Н. Данилевская писала мне:

* Прежнее название – хутор Купчанский (Купчинский?). Ныне село Гоголево Шишацкого района Полтавской области. Переименовано в 1952 году – к 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя.

«Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский был человек слабого здоровья. Он часто обращался к врачам... Однажды с этой целью он поехал через Миргород... в Лубны и остановился передохнуть в Кибинцах... Там он почувствовал себя плохо и дня через два-три скончался. Марии Ивановне дали знать верховым из Кибиноц. Её так поразило это известие, что она слегла, как без сознания. У нее были восемь дней так стиснуты зубы, что ей не могли разжать рот, чтобы дать хоть глоточек молока... М.И. Гоголь-Яновская была большая хлебосолка, умная и добрая женщина. Оставшись вдовой, дождавшись внуков... она много времени отдавала им... Николай Васильевич Гоголь очень любил свою мать, часто писал ей письма».

После кончины Н.В. Гоголя Васильевка принадлежала сестрам писателя – Анне (1821–1893), Елизавете (1822–1866) и Ольге (1825–1907)³.

Анна и Елизавета учились в Петербурге, куда их отвёз осенью 1832 года Н.В. Гоголь. Он определил сестёр в Патриотический институт, где сам был преподавателем. Поскольку в это учебное заведение принимали лишь дочерей военных, Николаю Васильевичу пришлось хлопотать через начальницу института о зачислении девочек в институт «в виде исключения». Правда, в связи с этим Гоголю пришлось отказаться от жалованья – 1200 рублей в год⁴. Окончив женский институт, Анна и Елизавета вернулись в Малороссию к своей матери, жившей в Васильевке. Позже сёстры обосновались в Полтаве. Здесь, на Первомайском проспекте*, напротив городского парка культуры и отдыха имени Победы, до 1969 года стоял дом из красного кирпича, окружённый садом. Построен он был в начале 1880-х годов Анной Васильевной Гоголь. Прежде она жила в небольшом деревянном домике, находившемся рядом. Он был куплен ею вместе с участком земли, считавшимся тогда загородным.

Анна Васильевна замужем не была и своих детей не имела, но после безвременной кончины – 25 мая 1866 года – Елизаветы Васильевны воспитала её пятерых детей, оставшихся сиротами, до их совершеннолетия. Муж сестры, В.И. Быков, ещё в апреле 1862 года скончался от тифа в Варшаве, куда незадолго до того был переведён по службе из Тифлиса.

Старшая из детей Елизаветы Васильевны, Мария Владимировна (р. 7 июля 1852), в замужестве Рахубовская, многие годы жила в полтавской «гоголевской» усадьбе. Анна Васильевна выделила племяннице часть сада

* До начала 1900-х годов он назывался Институтским (в конце его находился институт благородных девиц); с 1909 года до советского времени – Келинским. Переименован к 200-летию Полтавской битвы в память доблестного коменданта города полковника Алексея Степановича Келина (? – 1715), за боевые заслуги получившего звание генерал-майора. Позднее, в 1711 году, Пётр I назначил его комендантом Азова. В 1909 году в Полтаве был сооружён памятник А.С. Келину и другим мужественным защитникам города, героизм которых воспел А.С. Пушкин в поэме «Полтава».

и участок земли, на котором М.В. Рахубовская и её муж Пётр Иванович построили себе новый дом. После смерти А.В. Гоголь Рахубовская владела всей полтавской усадьбой сестры писателя. В августе 1917 года она трагически погибла. Впоследствии, с 1920-х годов, в доме Марии Владимировны жили внучка Пушкина Мария Александровна Быкова и её многодетная дочь Софья Николаевна Данилевская.

Вторым в семье Быковых был Николай Владимирович. Он родился в Тифлисе 19 января 1856 года. Сёстры-близнецы Варвара и Анна (р. 5 июня 1857) замужем не были. Варвара Владимировна жила в Полтаве и почти каждый день приходила в семью старшего брата, где её очень любили. Скончалась она в марте 1921 года. Анна Владимировна жила в Харькове, заведовала историческим музеем. Умерла в конце 1916 или в начале 1917 года. Младшим в семье Быковых был Георгий Владимирович (р. 9 ноября 1860)*. Он работал воспитателем в Полтавском кадетском корпусе, который окончили его брат и он сам. Г.В. Быков был женат на Марии Андреевне Аладыной. Супруги умерли в 1918 или 1920 году; детей у них не было.

После смерти матери Николай Владимирович Быков наследовал две трети имения Васильевка: Анна Васильевна уступила ему свою долю, третья же часть, включая усадьбу, осталась по-прежнему за Ольгой Васильевной Гоголь (в замужестве Головня).

Собственный дом – по другую сторону пруда, на своей части сада, распланированного когда-то Н.В. Гоголем, – Н.В. Быков построил уже после женитьбы, то есть в начале 1880-х годов. Его усадьба не сохранилась.

Усадьба же О.В. Головни недавно восстановлена, и в доме, где жили близкие Гоголя и где он сам провел многие годы, 1 апреля 1984 года, в день рождения писателя, открылся музей-заповедник.

В Васильевке Н.В. Быкову принадлежало 50 десятин пахотной земли и 75 десятин леса. Вначале хозяйство велось образцово. Позднее, когда нужно было обучать детей, Быковы переехали в Полтаву, и Николай Владимирович, «поглощённый службой и... земской деятельностью, которой он очень увлекался», делами имения почти не занимался, а «землю сдал в аренду крестьянам по льготной цене»⁵. Однако и в те годы семья Быковых каждое лето проводила в Васильевке.

Н.В. Быков служил в административных учреждениях Полтавы. С 1899 года он состоял непременно членом губернского присутствия и председателем правления дворянской кассы. Последние десять лет, вплоть до смерти, был членом правления земельного банка. С 1909 года – статский советник.

Супружество внучки Пушкина и племянника Гоголя оказалось исклю-

* У Е.В. и В.И. Быковых был ещё сын Владимир, умерший младенцем (12 июня 1859 – 30 августа 1860).

*Мария Александровна Быкова, внучка
А.С. Пушкина, с мужем Николаем
Владимировичем Быковым,
племянником Н.В. Гоголя.
Фотография 1881 г.*

чительно счастливым – у Марии Александровны и Николая Владимировича было десять детей. О матери и отце своих с любовью рассказывала мне Софья Николаевна Данилевская:

– Когда я в 1907 году выходила замуж за Сергея Дмитриевича Данилевского*, няня моих младших сестёр говорила: «Желаю вам такой же хорошей жизни, какой живут Мария Александровна и Николай Владимирович». Действительно, отец и мать образцово прожили вместе 37 лет. Между ними никогда не было ссор, хотя отец был строгий. Мои родители проявляли исключительную заботу о детях и друг о друге. Для своих сыновей и дочерей они были примером буквально во всём. Отец любил общество и выезды. Но он всегда знал пределы веселья и никогда не пил. Николай Владимирович был человеком передовых убеждений, ратовал за хорошую жизнь для крестьян, в земстве входил в «левое» крыло, возмущался столыпинской аграрной реформой.

Крестьяне часто обращались к нему за советами, с различными просьбами. И он никому не отказывал. Необыкновенно доброй, чуткой была и мать. Живя в Васильевке, она оказывала бесплатную медицинскую помощь крестьянам, когда они страдали малярией и желудочными заболеваниями. Помогала и при увечьях, так как врач жил в двадцати верстах от Васильевки. В комнате матери стоял «аптекарский шкаф», так говорили в семье, в нём хранились градусники, медицинские весы, разновески, разные лекарства. В больших количествах были и дезинфицирующие средства. К тяжелобольным мать всегда ходила сама. Для крестьянских детей, которые не могли учиться в земской школе,

* С.Д. Данилевский – родственник русского и украинского писателя Г.П. Данилевского (1829–1890), автора исторических романов «Княжна Тараканова», «Сожжённая Москва» и других произведений.

Мария Александровна организовала воскресную школу, где обучала их азбуке и арифметике. Наиболее старательных учеников она награждала книгами, в том числе сочинениями Пушкина и Гоголя. Сама мать очень хорошо знала творчество обоих писателей, особенно любила пушкинское стихотворение «Зимнее утро», проникновенно пела русские песни и романсы. Она и детям крестьян прививала любовь к произведениям Пушкина и Гоголя, к литературе вообще. В воскресной школе мать устраивала с помощью отца новогодние ёлки, ребята ставили одноактные пьесы, например водевиль «Простак», написанный Василием Афанасьевичем Гоголем... Мария Александровна нередко приглашала деревенских ребят в гоголевский парк, там придумывала для них весёлые игры. В этих играх принимали участие и я, и мои сёстры, и старший брат Саша... В детстве мы, ребяташки, зимой не имели права выходить на улицу после четырёх часов. Опаздывать домой боялись: отец строго следил за тем, чтобы никто из нас не нарушал заведённого им порядка. И вообще родители требовали от нас безусловного повиновения старшим...

Продолжая свои воспоминания об отце, Софья Николаевна в июне 1975 года писала мне: «Помню один случай, когда под Новый год я была приглашена к соседям и там познакомилась с известным в Полтаве хорошим хирургом. И вот он во время ужина встал... и, обратившись ко мне, сказал: «Поднимаю бокал в память отца вашего Николая Владимировича Быкова, благодаря которому я достиг таких хороших знаний. Я хотел учиться в Швейцарии, закончить медицинское образование в Москве. Меня, как «политически неблагонадежного», непустили. По ходатайству вашего отца я получил разрешение».

«Так всякие несправедливости в отношении кого бы то ни было, – добавляла правнучка Пушкина в том же письме, – отец всегда старался исправить».

По словам С.Н. Данилевской, вечерами в кабинете отца собиралась вся семья. Н.В. Быков садился за письменный стол: он занимался не законченными на службе делами. Мария Александровна и дети располагались здесь же в комнате, но так, чтобы не мешать Николаю Владимировичу, – у каждого в руках была книжка или рукоделие. Эти памятные вечера Софья Николаевна называла «неповторимыми часами семейного уюта».

Несмотря на строгость Н.В. Быкова (это была строгость главы дома!), в семье его все любили, «льнули к нему». В молодые годы у Софьи Николаевны был даже «порыв написать книгу о том, как трудно и как необходимо хорошо прожить семейную жизнь, сколько нужно для этого дипломатии и душевного добра», показать это на примере жизни отца и матери.

Николай Владимирович Быков прекрасно играл в любительских спектаклях. Он обладал хорошим голосом. Сочинял стихи, романсы, шуточные пьесы, но нигде не печатал их, так как никогда не собирался стать профессиональным писателем.

Племянник Гоголя был близко знаком с Антоном Павловичем Чеховым, Григорием Петровичем Данилевским, Владимиром Галактионовичем Короленко*, Константином Константиновичем Случевским и другими литераторами, а также с выдающимся юристом и судебным оратором Анатолием Фёдоровичем Кони. Многие из них бывали в Васильевке. Там их тепло принимали и сам Николай Владимирович, и его жена Мария Александровна. Покидая дружную семью Быковых, гости оставляли свои подписи на... скатерти, и эти автографы потом бережно сохранялись: хозяйка дома и её дочери вышивали фамилии стебельчатым швом или гладью.

В начале 1983 года памятная скатерть находилась в Москве, у Т.Н. и Г.А. Галиных – дочери и внука первых её владельцев. Среди уцелевших на ней автографов – подписи сыновей и дочерей Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых, внучки Пушкина О.А. Павловой, некоторых других потомков поэта и родственников Гоголя, внучки Н.Н. и П.П. Ланских – Е.Н. Бибиковой, С.Д. Данилевского, а также троих детей поэта К.К. Случевского.

Георгий Александрович Галин помнит, что на скатерти были автографы и самого Случевского, и А.Ф. Кони, и В.А. Гиляровского. Их автографов, как и подписей внучки поэта А.А. Пушкиной, его правнучек М.П. и С.П. Воронцовых-Вельяминовых, теперь на скатерти нет, когда и кем они спороты – неизвестно. Зато сохранилась дата «3. VIII. 1908», вышитая, очевидно, в память о каком-то семейном торжестве.

По поводу этой семейной реликвии Г.А. Галин писал мне: «Мы предполагаем передать её, как и некоторые другие вещи, в организуемый сейчас в Васильевке музей-заповедник Н.В. Гоголя»**.

Читая письмо праправнука Пушкина и правнучатого племянника Гоголя, я подумал: как хорошо, что эти исторически ценные предметы обихода, проделав немалый жизненный круг, возвращаются к своему истоку и ещё долго будут служить людям, воспитывая их нравственно. Вернемся и мы, дорогой читатель, к рассказу о гоголевской Васильевке.

...Однажды на родину Гоголя приехал начинающий литератор Иван Алексеевич Бунин, служивший в то время статистиком в Полтавской губернской земской управе. Побродив по саду, осмотрев усадьбу гениального писателя, он, однако, в дом Быковых не зашёл: видимо, постеснялся беспокоить хозяев.

С Н.В. Быковым был дружен на редкость колоритный человек, интересный писатель и талантливый журналист Владимир Алексеевич Гиляровский

* Когда в годы гражданской войны В.Г. Короленко организовал «Лигу защиты детей», он привлёк к работе в ней и Марию Александровну Быкову.

** Через несколько месяцев Георгий Александрович действительно передал эти фамильные предметы домашнего обихода в Государственный музей-заповедник Н.В. Гоголя.

(1853–1935). Он два раза приезжал к Быкову в Васильевку, а Николай Владимирович, бывая в Москве, останавливался в семье Гиляровского.

О первом – в 1899 году – посещении гоголевской Васильевки и о состоявшейся там встрече с супружеской четой Быковых Владимир Алексеевич рассказал в очерке «По следам Гоголя». Он писал, что с первых же минут знакомства «пошёл разговор такой, будто встретились друзья после долгой разлуки».

«Оказалось, – продолжал Гиляровский, – что Н.В. Быков сам интересовался до мелочи всем, что касалось его гениального дяди, и сам владел ещё многими интересными реликвиями, кроме тех, которые им уже ранее были пожертвованы в Румянцевский музей.

Передо мной раскрылся целый музей реликвий, рассмотрению которых я посвятил день и почти всю ночь. На другой день я посетил сестру писателя, Ольгу Васильевну Головню, и застал её в то время, когда она только что вернулась с пасеки из Яворщины, верстах в трёх, в степи, где когда-то любил бывать и Гоголь.

...Ольга Васильевна была ещё бодрой старушкой, интересующейся хозяйством и деревенской жизнью. Она плохо слышала, но любила поговорить о прошлом...»⁶

Гиляровский близко сошёлся с Николаем Владимировичем, подружился и с Марией Александровной, которую отличал редкостный дар непринуждённого общения с людьми. Младшие дети Быковых, жившие тогда ещё с родителями в Васильевке, очень любили Гиляровского и по его желанию называли гостя «дядя Гиляй».

В гоголевском имении с Владимиром Алексеевичем произошёл такой случай. Шёл он по двору, а навстречу – разъяренный бык. Другой бы растерялся, Гиляровский – ничуть: он схватил быка за рога с такой силой, что тот «не смог шевельнуть головой». Даже через семьдесят с лишним лет после этого

*Мария Александровна Быкова.
Фотография 1914 г.*

происшествия полтавские потомки Пушкина с восхищением рассказывали о поразивших их семью необычайной физической силе и мужестве дяди Гиляя.

Вспоминая приезды В.А. Гиляровского в Васильевку, Татьяна Николаевна Галина отмечала, что там, в отцовской усадьбе, в годы её детства и юности было «оживлённо, много пели, всегда слышалась музыка, играли в теннис – в общем, каникулы проводили весело».

...Наталье Сергеевне Савельевой было шесть лет, когда умер её дедушка, Н.В. Быков. Помнила она его плохо и знала о нём в основном по рассказам матери, С.Н. Данилевской. Зато охотно, с удовольствием делилась воспоминаниями о бабушке, пережившей мужа более чем на двадцать лет:

– Мария Александровна в совершенстве владела французским языком. Кроме того, она хорошо знала немецкий и английский. Помню, как бабушка, пробегая глазами французский текст, тут же переводила его вслух на русский язык. Даже в последние годы жизни она читала газеты, книги, была всегда в курсе всех важных мировых событий. Мария Александровна до глубокой старости сохранила прекрасное зрение – очки никогда не носила. Она была необычайно подвижна. Очень любила порядок в доме. Именно от бабушки я больше всего узнала об истории нашей семьи, о Пушкине и Гоголе...

После смерти мужа внучка Пушкина жила в основном в семье дочери Софьи, умело, с любовью воспитывала её детей. Позднее, когда внуки подросли, на зиму она обычно уезжала к другой дочери, Татьяне, – вначале в Ростов-на-Дону, затем в Москву. В Москве нередко гостила у своей сестры Анны.

К памяти Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных М.А. Быкова относилась с глубокой любовью, почтительно. Когда в начале 1930-х годов она просмотрела кинофильм «Поэт и царь», домой пришла расстроенная. Её возмутило то, как изображена в фильме Н.Н. Пушкина. «Бабушку можно было, – говорила Мария Александровна близким, – обвинить в некотором легкомыслии, которое было свойственно тогда всем светским женщинам. Но как жена и мать Наталья Николаевна была человеком порядочным...»

Так же дорого было ей всё, связанное с Гоголем. Она бережно хранила некоторые личные вещи обоих писателей – своих родственников.

Среди самых дорогих семейных реликвий, поступивших в Полтавский краеведческий музей от Николая Владимировича Быкова (в 1918 году) и от его вдовы Марии Александровны (в 1919–1921 годах), были портрет Гоголя, написанный в Италии Ф.А. Моллером для матери писателя; золотые карманные часы Пушкина, которые после его смерти перешли к В.А. Жуковскому, а от него в 1838 году – в качестве подарка – Гоголю; портрет Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, написанный Софьей Александровной Пушкиной (урожд. Ланской).

В тот же музей Быковы безвозмездно передали шкаф с книгами

Н.В. Гоголя, его конторку, стулья, чемодан с личными вещами писателя. Это мемориальное имущество хранилось в специально оборудованной Гоголевской комнате и почти полностью погибло во время Великой Отечественной войны, когда фашисты, покидая Полтаву, подожгли музей.

...На Полтавщине прошли многие годы жизни внучки Пушкина и племянника Гоголя – Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых. В Полтаве, на Монастырском кладбище, покоится их прах. Светлая память о них, связавших родственными узами семьи двух гениальных писателей России, будет жить вечно⁷.

¹ «Брачный обыск» поручика Н.В. Быкова и М.А. Пушкиной, составленный 30 августа 1881 года, передала в ИРЛИ А.И. Коняева (ф. 244, оп. 20, № 160).

² Родители Н.В. Гоголя похоронены в Васильевке (Яновщине) рядом с их усадьбой. Могилы сохранились.

³ У В.А. и М.И. Гоголей-Яновских были также дети Иван (умер подростком в 1819 году), Мария, в замужестве Трушковская (1811–1844), Татьяна (скончалась ребёнком). Годы рождения и смерти В.А. Гоголя-Яновского, его жены и детей сообщили М.С. Данилевская и Т.Н. Галина.

⁴ См.: *Машинский С.* Художественный мир Гоголя. – М., 1979. – С. 75.

⁵ Из воспоминаний Т.Н. Галиной.

⁶ Гиляровский Вл. Соч.: В 4 т. Т. 2. – М., 1967. – С. 405.

⁷ В работе над главой использованы также: *Брайко Г.С., Литвин Н.О.* Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н.В. Гоголя. – 2-е изд. – Харьков, 1975; письмо директора Полтавского краеведческого музея М.Д. Онипко от 5 июня 1978 года.

«...ЕГО УВАЖАЛИ ВСЕ»

Двухэтажный деревянный дом, в котором было двенадцать обжитых, уютных комнат, небольшой флигель, конюшня и немногочисленные службы стояли на горе. А внизу спокойно, медленно текла река Северка. Усадьбу окружал прекрасный яблоневый сад. От балкона дома шла прямая розовая аллея, делившая пополам хорошо спланированный парк. Здесь, в Ивановском, росли не только характерные для парковых ансамблей срединной России дуб, клён и липа, но и грецкий орех...

В этой тихой барской усадьбе прошли многие годы жизни А.А. Пушкина – внука поэта и трёхкратного тезки своего отца. Александр Александрович любил Ивановское. В подмосковной деревне, владельцем которой он стал после смерти матери, всё напоминало дорогих ему людей: и отдыхавшую здесь когда-то бабушку Наталью Николаевну, и молодых родителей, проживших в имении несколько счастливых послесвадебных лет.

Когда А.А. Пушкин-сын прочно обосновался в Ивановском (местные жители до сих пор называют несохранившуюся усадьбу не иначе как «имение Пушкино»), А.А. Пушкин-отец уже редко приезжал на берега Северки. Годы брали своё: в стареющем генерале постепенно гасла «охота к перемене мест», и он, основательно осев в Москве, лишь на лето – да и то не каждый год – выезжал или в нижегородскую Львовку, или в Малое Останкино под Каширой... Там его меньше тревожили печальные воспоминания о прошлом. А в Ивановском они оживали, от них нельзя было уйти. Сюда, на крестины внука, его Сашки, теперь взрослого человека, приезжала мать*. Здесь он всюду видел и следы недолгой жизни любимой жены – Софьи: то попадались на глаза читанные ею книги, то кресло, на котором она сживала в спокойный вечерний час. Или вдруг в ящике стола неожиданно отыскивался рисунок, сделанный её рукой.

Но генерала радовало то, что в дорогом для него Ивановском поселился старший сын и что он, человек честный (в Пушкиных!), с усердием, ревностно служит благу народному, в новые для себя обязанности земского деятеля вникает серьёзно, а к людям относится душевно, заботливо.

Тридцать лет назад здесь же, в Бронницком уезде, он, Александр Александрович-старший, и сам сделал немало доброго для простых людей, чем заслужил их благодарную память. Отцу, отдавшему всю жизнь служению России, думалось, что и Александр Александрович-младший сделает для крестьян всё, что будет в его силах.

* В литературе встречаются упоминания о том, что вскоре после рождения сына Сашки А.А. Пушкин переехал в Москву, куда и приезжала крестить внука Н.Н. Пушкина-Ланская. В других авторитетных источниках говорится, что крестины состоялись в Ивановском.

Саша был четвёртым ребенком в семье А.А. Пушкина. Как и отец, он учился в Пажеском корпусе. В ноябре 1883 года Александр окончил курс по второму разряду и был выпущен корнетом в 44-й драгунский Нижегородский полк, стоявший в Пятигорске. Весной 1888 года произведен в поручики¹. А через год из-за слабого здоровья вышел в отставку и поселился в имении Ивановском.

В 1890 году Александр Александрович был назначен земским начальником Бронницкого уезда. В 1897 году его избрали председателем земской управы. Во главе земства в Бронницах, за исключением четырёхлетнего перерыва, А.А. Пушкин оставался до конца жизни.

26 мая 1899 года, в день 100-летнего юбилея А.С. Пушкина, внуку поэта было пожаловано звание камер-юнкера. В том же году он стал уездным предводителем дворянства. От этой должности А.А. Пушкин отказался по болезни в январе 1914 года. Долгие годы он состоял также членом учётно-ссудного комитета Московской конторы государственного банка по сельскохозяйственным кредитам.

В 1913 году Александр Александрович получил придворное звание камергера. Это обязывало его ежегодно бывать при дворе в Петербурге. Но внук поэта, по словам Е.И. Емельяновой, дочери его гражданской жены А.П. Зейлих (урожд. Савицкой) от первого брака, «с большой неохотой доставал свои придворные мундиры».

Он проявлял большую заботу о крестьянах Бронницкого уезда. Так, в бытность свою председателем земской управы А.А. Пушкин построил в деревне Коняшино санаторий для больных туберкулёзом, чем вызвал недовольствие окрестных помещиков, которых шокировал... «либерализм» внука Пушкина. Та же Е.И. Емельянова рассказывала: «Недалеко от Бронниц по Казанской железной дороге есть местечко Гжель (рядом станция Григорово), где находится

Александр Александрович Пушкин, внук А.С. Пушкина. Фотография 1890-х гг.

*Александр Александрович Пушкин с дочерью Катей.
Фотография 1911–1912 гг.*

известная фарфоровая фабрика... Все коняшинские крестьяне работали на гжельской фабрике. Многие из них болели туберкулёзом.

Хозяин фабрики, богатый капиталист*, умирая, назначил Александра Александровича своим душеприказчиком, оставив на его усмотрение все свои деньги**, на которые тот и построил санаторий для рабочих. А.А. Пушкин посылал даже некоего доктора Белкина*** за границу – в Швейцарию, Италию, Францию, – с тем, чтобы узнать, как такие санатории надо строить. Я знала двух учителей земской школы, которые успешно вылечились в коняшинском санатории».

При активном содействии Александра Александровича была открыта за счёт земства и новая больница в Бронницах.

Когда известный писатель Н.Д. Телешов захотел на собственные средства построить в деревне Колонец лечебницу для крестьян и встретил равнодушные губернских властей (из Москвы долго не отвечали на его ходатайство),

* Гавриил Антонович Марков.

** Более 130 тысяч рублей.

*** Иван Петрович Белкин.

А.А. Пушкин, по свидетельству Варвары Дмитриевны Терещенко (1885–1976), бывшей в те годы письмоводителем в Бронницкой земской управе, «лично вмешался и добился разрешения на постройку сельской больницы, которая существует и сейчас»².

В 1914–1915 годах внук Пушкина много сил отдавал работе в Бронницком комитете Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам. Его стараниями было также значительно улучшено медицинское обслуживание населения уезда.

Внук поэта заботился и о народном просвещении. Е.И. Емельянова вспоминала, что в Бронницком уезде «благодаря Александру Александровичу было построено много новых школ для обучения детей крестьян и рабочих, с очень хорошими условиями для учителей. Были построены и две гимназии в Бронницах – мужская и женская». А.А. Пушкин являлся также одним из учредителей бронницкой библиотеки, которая существует и ныне.

В 1913–1914 годах Александр Александрович был попечителем пяти земских училищ: Воскресенского (Рождественской волости), Колупаевского и Слободинского (Вохринской), Никулинского (Михалёвской), Никулинского (Салтыковской волости). Небезынтересно отметить, что в пяти училищах в ту пору насчитывалось 357 учащихся, которых обучали... 8 учителей. Даже в Никулинском училище Михалёвской волости, где было 100 учащихся, работали всего два педагога.

Земская управа во главе с А.А. Пушкиным принимала энергичные по тому времени меры для срочной подготовки учительских кадров. В одном из докладов Бронницкой уездной земской управы по вопросам народного образования отмечалось, что с 1 по 30 июня 1914 года в Бронницах были организованы педагогические курсы, на которые пригласили 180 человек. Для этой цели ассигновали 4.800 рублей: 800 рублей выделило уездное земство, столько же – губернское, 3.200 рублей – министерство народного просвещения. На курсах учителя пользовались бесплатным жильем и питанием. «Заботу о питании (хозяйственным способом) принял на себя председатель управы А.А. Пушкин»³.

В 1905 году черносотенцы разгромили Малышевскую школу Бронницкого уезда, а учителей уволили, установив за ними надзор полиции. Александр Александрович позаботился о том, чтобы все они были восстановлены на работе.

При Бронницкой земской управе А.А. Пушкин организовал «кассу взаимного кредита», где крестьяне могли брать напрокат различные сельскохозяйственные машины, выдавались и семена. Александр Александрович выписывал из-за границы редкую в те годы породу кур (плимутрок) и раздавал их яйца крестьянам – с целью разведения этой ценной домашней птицы. Роздал он жителям округи и семена полученного из-за границы высокоурожайного картофеля, за которым закрепилось потом название «бронницкий».

*Здание бывшей земской управы в Бронницах, где работал А.А. Пушкин.
Фотография 1973 г.*

«Помню совершенно точно, – говорится в одном из писем А.К. Савицкого, племянника А.П. Зейлих, – что, когда крестьяне косили на земле А.А. Пушкина исполу, он никогда не проверял свою долю и говорил, что верит им на слово».

Будучи человеком большой чистой души, А.А. Пушкин все свои силы отдавал людям, хотел, чтобы им жилось лучше. Он оставался всегда жизнерадостным, милым, обаятельным человеком. Особенно когда его окружали дети. Александр Константинович Савицкий писал: «Каких только игр не придумывал дядя Саша! Фантазия у него была неиссякаемая. Хорошо запомнился мне один эпизод. Мне было тогда 10 лет. Я и мой младший брат решили построить настоящую лодку. Александр Александрович взялся нам помогать, и когда всё было готово, с гордостью взирали мы на дело рук своих, сами того не сознавая, что это, собственно говоря, дело рук дяди Саши».

Александр Константинович и через семьдесят лет с благодарностью вспоминал, как в один из приездов в Москву А.А. Пушкин помог ему, своему крестнику^{*4}, «одолеть спряжение французских глаголов, причём сделал он это очень умело и повернул всё так, будто и трудности здесь никакой не было».

* Крестили Александра Савицкого 1 декабря 1902 года. Восприемники – А.А. Пушкин и графиня З.В. Толстая. 25 марта 1904 года Александр Александрович поздравил К.П. Савицкого и его жену Маргариту Александровну с рождением их младшего сына – Константина и пожелал «всякого счастья в жизни новорождённому».

Когда в апреле 1914 года погиб в авиационной катастрофе отец А.К. Савицкого, Константин Петрович, А.А. Пушкин принял участие в судьбе его детей. «Только благодаря его хлопотам, – сообщал Александр Константинович, – меня и брата приняли в седьмую московскую гимназию и пансион на казённую стипендию».

Характеризуя внука поэта, А.К. Савицкий подчёркивал его «подлинную демократичность»: «Александр Александрович требовал от нас в наших играх с деревенскими детьми соблюдения полного равенства в обращении».

«Я поступила в управу приблизительно в 1899 году и проработала там двенадцать лет, – вспоминала В.Д. Терещенко. – Александр Александрович... был простой и хороший человек, готовый помочь каждому. Это я испытала на себе. Мой отец работал в этой управе, не помню, при каком председателе; он умер, и нас у матери осталось трое детей. Когда товарищи отца, продолжавшие работать в управе, обратились к Александру Александровичу... мне было дано направление в учительскую семинарию. Но так как я там испытания не выдержала, меня взяли ученицей в земскую управу, конечно, не без ведома А.А. Пушкина.

Человек он был воспитанный, я никогда не слышала, чтобы Александр Александрович грубо разговаривал со служащими. Поэтому его уважали все».

В память о внуке поэта Варвара Дмитриевна многие десятилетия хранила фотографию группы служащих земской управы, где сняты и А.А. Пушкин, и В.Д. Терещенко, в то время двадцатилетняя девушка. Незадолго до смерти⁵ она передала этот снимок в бронницкую библиотеку, где проработала сорок три года.

Варвара Дмитриевна рассказывала, что А.А. Пушкина до последнего года его жизни часто можно было видеть на площади в центре Бронниц, у Архангельского собора (сооружён в 1705 году), возле которого похоронены декабристы Михаил Александрович Фонвизин и Иван Иванович Пущин – «друг бесценный» А.С. Пушкина. Александр Александрович приходил к обнесённым чугунной оградой чёрным гранитным памятникам на могилах декабристов, чтобы почтить память «передовых людей России»*.

Крестьяне относились к внуку Пушкина сердечно, с доверием. Им было за что уважать Александра Александровича. Жительница Бронниц Зинаида Васильевна Досекина, в прошлом агроном, рассказала мне интереснейший случай, свидетелем которого был её муж А.В. Шалин – уездный агроном при А.А. Пушкине.

На одном из заседаний земской управы, посвящённом вопросам коопера-

* М.А. Фонвизин и И.И. Пущин провели свои последние годы в имении Марьино под Бронницами.

тивного движения (этому новому в деревне делу внук поэта придавал особое значение⁶), с докладом выступил приглашённый А.А. Пушкиным крестьянин Сергей Тимофеевич Малинин.

Александр Александрович внимательно слушал рассуждения крестьянина, изредка записывая что-то в блокнот.

Во время доклада С.Т. Малинина член земской управы князь Александр Андреевич Ливен сидел подчёркнуто развязно. Когда А.А. Пушкин спросил у князя, есть ли у него возражения против доводов Малинина, тот гневно воскликнул: «Считаю ниже своего достоинства возражать мужику!» И Александр Александрович, человек интеллигентный, всегда корректный, резко осуждающе отнёсся к этой выходке Ливена.

Уделяя много внимания простым людям, защищая их от произвола богатых, Александр Александрович Пушкин, казалось, вовсе не думал о себе, о собственном быте, хотя здоровье его с каждым годом ухудшалось: у него была чахотка. «Пушкины все были нехозяйственны, – писала Е.Н. Бибикова. – В Ивановском земля была плохая и сдавалась крестьянам в аренду; у них были две коровы и куры, и арендной платы часто не хватало на уплату банку и налогов. В 1905 году Пушкин продал землю в крестьянский банк, оставив себе усадьбу и участок для ценза, и переехал в Бронницы»⁷.

Приведу любопытный факт, относящийся к последним годам жизни А.А. Пушкина.

В январе 1912 года в «Голосе Москвы» было опубликовано в связи с 75-летием со дня гибели А.С. Пушкина интервью с внуком поэта:

«– Имеются ли лично у вас рукописи деда?»

– Была небольшая рукопись с различными заметками деда, с записанными им анекдотами. Я открыл её случайно. Осматривая как-то портфели, в которых находились... рукописи деда, в одном из отделений я нашёл конверт с небольшой тетрадкой. Вероятно, те, кто вынимал рукописи из портфеля, недоглядели, что остался ещё один конверт. Я берёг записи деда, как драгоценность, и всегда имел эту тетрадку при себе. Увы! Во время поездки по железной дороге у меня вырезали карман, в котором находились различные бумаги и в том числе дедовская рукопись. Много я волновался по этому поводу, но рукопись так и сгнула. Какова её судьба? Может быть, она попала в руки какого-нибудь старьевщика и стала достоянием коллекционера. Может быть, её порвали, как ненужную вещь...»⁸

Умер А.А. Пушкин 3 марта 1916 года⁹. Погребен в Бронницах.

В первые годы советской власти могила Александра Александровича была уничтожена. Восстановили её лишь в дни 200-летнего юбилея Пушкина. 12 июня 1999 года состоялось открытие надгробного памятника, а также бюста

* Эта рукопись Пушкина так и осталась найденной.

А.А. Пушкина в сквере у городской администрации. На митинге присутствовали приехавшая из США Наталья Игоревна Пушкина, а также многочисленные московские потомки великого поэта. Глава города Бронницы А. Сыроежкин официально приглашал на торжества и меня, но я по состоянию здоровья поехать не смог.

Особая заслуга Александра Александровича Пушкина в том, что он передал в 1906 году в Пушкинский Дом библиотеку поэта.

Как уже говорилось, в 1860-х годах старший сын Пушкина перевёз книги отца в село Ивановское Бронницкого уезда. После смерти С.А. Пушкиной (Ланской) Ивановское было продано, и библиотеку А.С. Пушкина вывезли в Лопасню. Однако в конце 1880-х годов, когда, находясь уже в отставке, А.А. Пушкин (внук) вновь купил село Ивановское и поселился в нем, пушкинская библиотека возвратилась в эту усадьбу.

Первый шаг к обследованию и изучению библиотеки поэта сделал академик Леонид Николаевич Майков, вице-президент Академии наук, готовивший в 1890-х годах материалы к академическому изданию сочинений Пушкина. Ознакомившись, по предложению внука поэта, с замечаниями А.С. Пушкина на полях книги К.Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе», изданной в 1817 году, он сумел правильно оценить значение пушкинских помет и ценность библиотеки в целом. И в 1899 году, вскоре после юбилейных пушкинских торжеств, Майков вступил в переговоры с А.А. Пушкиным, желая ознакомиться со всей библиотекой. В апреле 1900 года, когда разрешение на это было получено, Л.Н. Майков умер.

Начатое Леонидом Николаевичем дело продолжил Б.Л. Модзалевский. В сентябре 1900 года он приехал в Ивановское, где, по его собственным словам, «встретил со стороны А.А. Пушкина самый радушный прием»¹⁰.

*Александр Александрович Пушкин
в больнице. Фотография 1915 г.*

Библиотека оказалась в состоянии далеко не удовлетворительном: из-за неоднократных перевозок книги помялись, растрепались, многие были попорчены мышами и сыростью, наконец, в библиотеку попали и явно случайные книги, то есть изданные после смерти Пушкина и, следовательно, ему не принадлежавшие. Часть же книг раздарена Александром Александровичем-младшим разным лицам или просто пропала: более чем шестидесятилетнее странствование библиотеки с места на место не могло не сказаться отрицательно на её сохранности.

Стараниями Бориса Львовича пушкинскую библиотеку уложили в тридцать пять ящиков, которые на подводах доставили до Бронниц, а затем по железной дороге в Петербург.

Книги Пушкина временно поместили в Славянское отделение Академии наук, где Б.Л. Модзалевский производил их научное описание и систематизацию. Молодой учёный пересмотрел всю библиотеку, зафиксировал все пушкинские пометы на страницах книг, его рисунки, надписи дарителей и т.д. Несмотря на то что от книжной пыли у Модзалевского серьёзно заболели глаза, он довел до конца эту колоссальную, самоотверженную работу. В 1910 году был напечатан подготовленный Борисом Львовичем полный каталог библиотеки А.С. Пушкина. Он составил девятый и десятый выпуски издания «Пушкин и его современники».

Касаясь истории библиотеки, напомним некоторые факты. В 1906 году к Б.Л. Модзалевскому «явился некто Мотковский, – говорится в «Дневнике» чиновника особых поручений при Академии наук В.А. Рышкова (запись от 26 января 1906 года), – и, заявив, что он поверенный А.А. Пушкина (младшего), предложил, не желает ли Академия купить библиотеку поэта», потому что Александр Александрович «заложил её кому-то... за 17.000 р. и надо, чтобы она не перешла в руки этого инкогнито, в марте заплатить 20.000 р.* У Модзалевского, конечно, «глаза и зубы разгорелись».

Три месяца спустя, когда в Академии наук узнали, что «доклад о библиотеке государем утверждён», Мотковскому официально сообщили, что, «как только будет открыт кредит и ассигнованы деньги», Академия приобретёт библиотеку Пушкина¹¹.

В конце апреля после соблюдения всех формальностей книги, принадлежавшие великому поэту, были наконец куплены у его внука в казну. Они стали первым поступлением в только организованный Пушкинский Дом. И первым учёным хранителем их был Б.Л. Модзалевский.

Библиотека А.С. Пушкина в настоящее время насчитывает около 3.600 томов 1.525 названий, из них только три названия поступили не от А.А. Пуш-

* В это время А.А. Пушкин, очевидно, очень нуждался в деньгах: сойдясь с А.П. Зейлих, он содержал и шестерых её детей от брака с И.Е. Зейлихом.

кина, а позднее. Две трети книг – на шестнадцати иностранных языках, преимущественно на французском. Более 50 томов хранят пушкинские пометы и закладки с автографами, его рисунки. Свыше 80 книг – с дарственными надписями писателей, в том числе Адама Мицкевича, Е.А. Баратынского, Н.И. Гнедича, В.А. Жуковского, И.И. Козлова, В.К. Кюхельбекера, И.И. Лажечникова...^{*12}

¹ ЦГВИА, послужной список № 281–582, л. 25–27. Составлен 29 марта 1889 года.

² Кулешов М. Редкий экспонат // Ленинское знамя (Москва). – 1972. – 5 нояб.

³ Сведения о земских училищах, цифры и цитата из доклада Бронницкой уездной земской управы приводятся по письму заведующей отделом пропаганды и агитации Раменского райкома КПСС М.Г. Аверьяновой от 20 февраля 1976 года.

⁴ Письмо А.А. Пушкина К.П. Савицкому от 25 марта 1904 года подарено автору книги А.К. Савицким, хранится в ИРЛИ (фонд В.М. Русакова).

⁵ 22 января 1976 года, приехав в Бронницы, чтобы ещё раз побывать у В.Д. Терещенко, автор книги непредвиденно оказался... на её похоронах.

⁶ Перечисляя заслуги скончавшегося А.А. Пушкина, газета «Московские ведомости» (1916, 5 марта) писала: «При нём... началось и развивалось кооперативное движение...»

⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁸ С.И. Внук поэта (Беседа с А.А. Пушкиным) // Голос Москвы. – 1912. – 29 янв. В заметке «Кража реликвий А.С. Пушкина», напечатанной в тот же день в газете «Утро России», говорилось, что в похищенном у А.А. Пушкина пакете были собственноручно записанные поэтом русские пословицы и поговорки.

⁹ О кончине А.А. Пушкина сообщали: Русское слово. – 1916. – 4 марта; Биржевые ведомости (утр. вып.). – 1916. – 5 марта; Московские ведомости. – 1916. – 5 марта и другие издания.

¹⁰ См.: Модзалевский Б. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования: Предисловие; Вып. 9–10. – СПб., 1910. – С. X–XII, XV.

Любопытно отметить, что в письме А.Ф. Онегина от 19 апреля 1903 года, адресованном академику А.Н. Веселовскому, выражается надежда, что сын Пушкина, Александр Александрович, доставит книги своего отца в будущий Пушкинский Дом (об этом см.: ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 581, л. 18 об.). Из сказанного следует вывод: известному коллекционеру пушкинских рукописей и других раритетов в то время ещё не было известно, что библиотека великого поэта находится у А.А. Пушкина-внука.

¹¹ В.А. Рышков и его «Дневник» – <Предисловие и примечания В.П. Степанова > // Пушкинский Дом. – Л., 1982. – С. 136–137, 139.

¹² Подробнее о составе личной библиотеки поэта см.: Терещенко Р.Е. Фонд А.С. Пушкина в Пушкинском Доме // Нева. – 1974. – № 6. – С. 187–192.

* В Пушкинском фонде Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится каталог библиотеки А.С. Пушкина, составленный его внучкой Верой Александровной Пушкиной (позднее, в замужестве, Мезенцова) в 1898 году в селе Ивановском.

«ЖИВАЯ ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Из внуков Пушкина, живших в нашей стране, последней скончалась в Москве Анна Александровна Пушкина. Это было 5 июня 1949 года, накануне 150-летия со дня рождения поэта.

– Тётя Анна, – вспоминала правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Шепелёва, – была любимой дочерью Александра Александровича. И вообще её любили все, кому приходилось встречаться с нею. В кругу родных и друзей Анна Александровна интересно рассказывала о Пушкине и Наталье Николаевне. В её памяти хранилось множество семейных преданий о них. К сожалению, никто из пушкинистов её рассказы не записал, и многое из того, что было известно тёте Анне, утрачено навсегда. Конечно, в моей памяти, как и в памяти некоторых других родственников Анны Александровны, сохранились какие-то семейные воспоминания о Пушкине, которыми его внучка делилась с нами. А много она знала потому, что у своего отца, любимца Пушкина и Натальи Николаевны, пользовалась особым доверием. Собственной семьи у тёти не было, и всю свою нежную, благородную душу она отдала близким. Александр Александрович говаривал: «Больше всего уважаю тех, кто живет ради счастья других». Эти слова бабушки я в первую очередь адресую Анне Александровне. Вот яркий пример. В 1935 году совсем молодой, на тридцать третьем году, скончалась моя сестра Марина Сергеевна... Тут я должна прервать свой рассказ, – горестно вздохнула Наталья Сергеевна, – чтобы сказать несколько слов о сестре. Марина отличалась мягким, жизнерадостным характером. В школе, бывшей гимназии Надежды Павловны Хвостовой, её необычайно любили все подруги, тепло относились к ней и педагоги, потому что она сама всегда была доброжелательна к людям. Отлично окончив учение, восемнадцатилетняя Марина в трудные для нас годы (шла гражданская война) стала работать и оказывать посильную помощь семье. Позже, уже будучи замужем, имея детей и находясь в разводе с мужем, она до последних своих дней трудилась в чудесной библиотеке Исторического музея, где пользовалась большим уважением и любовью всего коллектива.

Там же занимал руководящую должность известный и всеми уважаемый профессор Иван Никанорович Розанов, который в годы нашего с сестрой учения в школе преподавал у нас русскую литературу. Зная сестру и её трудную жизнь, Иван Никанорович относился к ней с большим вниманием. Марина Сергеевна была музыкальна, играла на рояле, страстно любила театр. Мы с сестрой, не задумываясь, отправлялись стоять с пяти часов утра в очереди, зимой у костра, около Большого театра, чтобы с открытием кассы приобрести билеты на оперу за её собственные деньги. Ещё её страстью было чтение. С детских лет она почти всё свободное от уроков время отдавала русским, французским и английским книгам. Русская литература была ей особенно

близка. В детстве Марина не любила играть и всегда была очень серьёзной. Близкие люди называли её «Татьяной», имея в виду героиню пушкинского романа «Евгений Онегин». Пожалуй, сходство действительно существовало. К несчастью, сестру с детских лет преследовала скарлатина. От этой тяжёлой болезни скончалась и наша мама, когда Марине было шесть лет, мне – четыре, а нашему брату Саше* едва исполнился год... Так вот, как я уже сказала, в 1935 году сестры не стало: её свела в могилу скарлатина. Сотрудники Исторического музея, опечаленные кончиной Марины Сергеевны, добились разрешения взять из хранилища и возложить на её могилу большой и очень красивый венок, художественно сделанный из металлических зелёных листьев и чудесных фарфоровых роз... После похорон сестры её детей, девятилетнего Серёжу и восьмилетнего Борю Герингов, взяла к себе Анна Александровна Пушкина, наша тётя. Именно она вырастила и воспитала их...

Дополняя свои воспоминания об А.А. Пушкиной, Н.С. Шепелёва писала мне:

«Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что в последнее десятилетие и даже больше в её жизни я была самым близким к ней человеком. Мне было 14 лет, когда Анна Александровна вошла в мою семью и стала жить вместе с нами бок о бок в одной квартире и одними с нами интересами. Вся моя отроческая и

* Александр Сергеевич Мезенцов был разносторонне одарённым юношей, увлекался всякими механизмами, водным спортом, музыкой, рисованием, историей искусств, много читал. По свидетельству Н.С. Шепелёвой, Александр любил беседовать с А.А. Пушкиной, которая регулярно занималась с ним. «Александр Сергеевич Пушкин был часто темой этих бесед, к которым присоединялся и мой отец <Сергей Петрович Мезенцов>, и тогда начинался разбор и восхищение различными отрывками из его поэм и стихов».

Жизнь А.С. Мезенцова, студента Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, оборвалась в 24 года.

«В 1930 году осенью, — писала мне Наталья Сергеевна, — Александра арестовали. Обвинение было вымышленное (якобы участие в заговоре молодёжи), но по приговору он был отправлен в концлагерь на Попов остров, на Севере. В очень трудных условиях на лесозаготовках брат простудился и тяжело заболел. Тем временем был пересмотрен приговор — и ему, как правнуку А.С. Пушкина, заменили лагерь на ссылку... в город Минусинск. Когда <мы> его наконец разыскали, болезнь перешла в туберкулёз лёгких, и, проболев около года, брат скончался... Месяца два до кончины он получил полное освобождение и переехал в Москву».

Одновременно с А.С. Мезенцовым был арестован и отец — Сергей Петрович. Вначале его сослали в Нарым, потом перевели в Минусинск. Там, в Минусинске, некоторое время Мезенцовы вместе отбывали незаслуженное наказание. Вскоре после смерти сына С.П. Мезенцов был освобождён. Однако в 1937 году, когда Сергею Петровичу шел семьдесят второй год, его снова арестовали.

В цитированном выше письме Н.С. Шепелёва с душевной болью сообщала, что отец был «приговорён тройкой к десяти годам режимного лагеря без права переписки. Только в 1956 году объявили его реабилитацию и смерть в 1945 году».

Подробнее о трагической судьбе С.П. и А.С. Мезенцова см. в книге Н.С. Мезенцовой (Шепелёвой) «В них обретает сердце пищу...» — М., 1999. — С. 126–184.

сознательная жизнь прошла у неё на глазах. Вся моя семья стала давно и её семьёю. А в последние годы мы стали друг другу особенно близки. Любовь к моей покойной сестре Марине Сергеевне она перенесла и на её детей.

Мы часто с нею бывали вдвоём и в трудных обстоятельствах войны, и в разных других переживаниях. Отсюда и частые обмены мыслями между нами, и многие разговоры. Её суждения и воспоминания всегда были точны, правдивы, лишены всяких прибавлений».

Сергей Борисович Пушкин, праправнук поэта и воспитанник А.А. Пушкиной, рассказывал:

– Анну Александровну мы с братом Борей звали бабушкой...* И обращались к ней всегда на «вы». Но чувствовали мы себя свободно, легко. Человек умный, мудрый и деликатный, бабушка осуществляла моральный контроль над нами как-то ненавязчиво, неназойливо. Но этот контроль был очень действенным. Видимо, потому, что в Анне Александровне гармонично сочетались большая её доброта с принципиальностью, верностью своим убеждениям. Право носить фамилию прапрадеда мы с братом получили после Великой Отечественной войны, в сорок шестом году, хотя Анна Александровна собиралась выхлопотать это ещё к нашему совершеннолетию... Помешала война. Для бабушки была характерна какая-то непосредственная близость к Пушкину. Это проявлялось буквально во всём. Анна Александровна называла Пушкина по-родственному просто дедом, и это в её устах звучало естественно. Бабушка и внешне была поразительно похожа на Пушкина. От отца, Александра Александровича, она много знала об Александре Сергеевиче Пушкине. Но рассказывала о нём только очень близким людям. Из братьев и сестёр своих бабушка особенно любила Григория Александровича. Возможно, из-за сходства их характеров. Анна Александровна была человеком исключительно эрудированным, хотя регулярного образования и не получила. В детстве и юности она училась у хороших домашних учителей. А затем всю жизнь занималась самообразованием. У бабушки были редкие способности, особенно к литературе и языкам. Кроме французского она знала немецкий, английский и итальянский языки. Родственники и друзья шутили: «Анна Александровна по-английски говорит лучше, чем англичане». Она живо интересовалась также историей, искусством и архитектурой...

Жившая в Полтаве праправнучка поэта Наталья Сергеевна Савельева вспоминала, что, когда А.А. Пушкина, женщина большого самообладания, оказывалась в сложных жизненных ситуациях, она нередко терялась, становилась крайне беспомощной. Сказывалась, видимо, наследственная черта Пушкиных. Ведь подобное случалось порой и с Александром Сергеевичем,

* В действительности она была сестрой их бабушки Веры Александровны Мезенцовой, умершей задолго до рождения Серёжи и Бори Герингов.

особенно когда он попадал в незнакомое общество или находился среди людей, чуждых ему по духу.

Интересным дополнением к рассказам Н.С. Шепелёвой, Н.С. Савельевой и С.Б. Пушкина являются заметки и небольшие статьи об А.А. Пушкиной, опубликованные в разное время в газетах и журналах. Их авторы обращали особое внимание на внешнее сходство внучки поэта с А.С. Пушкиным: «Очень похожа на поэта Анна Александровна. Несмотря на годы – лицо молодое, выражение каждую минуту меняется, и особенно по-пушкински живут глаза»¹.

«Овал лица, разрез глаз, нос и эти особенные «пушкинские» руки – узкие, маленькие, с длинными, тонкими пальцами...»² – всеми этими чертами Анна Александровна, по словам автора другой заметки, напоминала своего незабвенного деда, гордость и славу русской поэзии.

Любопытный эпизод привела в одной из работ Т.Г. Цявловская: «Когда художник П.П. Кончаловский приступал к своей картине «Пушкин», он советовался со мной, где бы найти какие-нибудь личные вещи Пушкина (одеяло, халат и пр.). Я сказала, что, может быть, найдется что-нибудь у его внучки Анны Александровны. Кончаловский отправился к ней. Когда она открыла ему дверь, он ахнул и стал обнимать эту старую женщину: так велико было сходство с Пушкиным*. Кончаловский делал с неё наброски для освоения лица Пушкина»³.

В приводившихся выше воспоминаниях Н.Г. Ураносова также есть упоминание об Анне Александровне: «...вид у неё был очень приятный, и из всех детей Ал. Ал., которых мне приходилось видеть, она больше всех имела сходство с А.С. Пушкиным».

*Анна Александровна Пушкина,
внучка А.С. Пушкина.
Фотография 1888 г.*

* Над картиной «Пушкин» П.П. Кончаловский работал в 1930–1932 годах, но дописывал её вплоть до 1951 года. Встреча же художника с А.А. Пушкиной произошла, по словам Н.С. Шепелёвой, в квартире её сестры М.С. Мезенцовой не позже зимы 1934/35 года. «Маленькая тётя Анна, – вспоминала М.С. Мезенцова о встрече П.П. Кончаловского с внучкой поэта, – утонула в объятиях большого Петра Петровича».

Анна Александровна Пушкина.
Фотография 1930-х годов.

Хорошо знавший А.А. Пушкину автор ряда популярных статей о потомках поэта, писавший под псевдонимом Э. Гард*, отмечал, что когда внучка поэта «поднимает ясные, совсем молодые глаза и улыбается немного смущённо», то невольно вспоминаются «такой же взгляд, те же широко поставленные глаза» на известных живописных изображениях Пушкина⁴.

А Софья Павловна Вельяминова подчеркивала, что глаза у Анны Александровны «даже в старости были с голубинкой – значит, в молодости голубые, как у Александра Сергеевича, – и с легкой косинкой Натальи Николаевны», но она, продолжала правнучка поэта, «была похожа на Александра Сергеевича не только лицом»: в её нра-

ве легко обнаруживался африканский характер деда. «Надо было слышать хоть раз, – читаем в том же письме Софьи Павловны, – её гневное «Ах-х!»), чтобы увидеть, что её темперамент не кроткий, а только выдержанный...» По словам С.П. Вельяминовой, Анна Александровна, «с семнадцати лет живя оторванной от семьи, очень ценила семью родных, но у мачехи с отцом никогда не жила».

До самой смерти внука поэта хранила священную для нее реликвию — печатку Пушкина из дымчатого топаза, на которой выгравированы латинским шрифтом инициалы «А.Р.» (Александр Пушкин). Её подарила поэту Мария Николаевна Волконская (урожд. Раевская) незадолго до отъезда в Сибирь к мужу – декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому. Теперь печатка является собственностью С.Б. Пушкина. По семейным преданиям, вдова поэта Наталья Николаевна и сын, Александр Александрович, хотели, чтобы эта печатка всегда находилась у кого-нибудь из потомков Пушкина.

У Анны Александровны Пушкиной хранились и многочисленные личные вещи её бабушки Н.Н. Пушкиной.

Внучка поэта не раз рассматривала альбом Натальи Николаевны. Ей

* Одни полагают, что это литературовед Б.М. Энгельгардт (1887–1942); другие считают, что под таким псевдонимом выступал в печати Н.А. Гард.

было известно со слов Марии Александровны Гартунг, кто изображён на его страницах. Благодаря Анне Александровне пушкинисты узнали историю этого ценного альбома.

А.А. Пушкиной принадлежал акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной работы Т. Райта. Сейчас он находится у праправнука поэта Бориса Борисовича Пушкина, а у его брата Сергея Борисовича – блестяще выполненная на старинной бумаге копия этого портрета.

...С молодых лет Анна Александровна состояла фрейлиной при великой княгине Милице Николаевне. 26 июля 1914 года она была назначена «исправляющею должность гофмейстерины при её императорском высочестве»⁵. В той же должности оставалась до 1917 года.

В годы первой мировой войны А.А. Пушкина ухаживала за ранеными в лазарете. В советское время она занималась переводами литературы с иностранных языков. В 1923 году ей, как и её брату Григорию Александровичу Пушкину, был выделен академический паёк. Позднее внучке поэта назначили персональную пушкинскую пенсию, предоставили хорошую квартиру.

Во время Великой Отечественной войны Союз писателей СССР проявлял заботу о быте литераторов и членов их семей. Не были обойдены вниманием и потомки Пушкина. Надежда Григорьевна Чулкова, вдова писателя и литературоведа Г.И. Чулкова, среди тех, кто в Москве получал обеды, упоминает и Анну Александровну Пушкину, которая «была сдержанна... приветлива, любезна».

«Вспоминаю, – продолжает Н.Г. Чулкова, – её скромное улыбающееся лицо, очень добрые глаза. Как она была мила в общении с людьми! Тихая, кроткая, никогда не дававшая почувствовать своего значения как кровной родственницы великого поэта... Анна Александровна очень любила Наталью Николаевну, чтילה её память и не позволяла выражать никаких сомнений в честности Натальи Николаевны и невинности её в смерти Пушкина. Она всегда возмущалась грубыми рассуждениями о жене Пушкина...»⁶

...В конце мая 1949 года на московском заводе имени Владимира Ильича по инициативе заводской газеты «За боевые темпы» был организован литературный вечер, посвящённый 150-летию Пушкина. На вечер приехали потомки поэта. Выступивший перед рабочими Георгий Александрович Галин, тогда ещё студент второго курса исторического факультета МГУ, рассказал о творческом пути своего прапрадеда А.С. Пушкина. Борис Борисович Пушкин, второкурсник автомеханического института, говорил о том, как живут и трудятся потомки великого поэта, как они воевали на фронтах минувшей войны. Одиннадцатилетняя Наташа Пушкина прочитала стихотворение прапрадеда «Послание в Сибирь».

Участники встречи хотели видеть среди своих почётных гостей и внучку Пушкина – Анну Александровну. Но она чувствовала себя уже очень плохо и

в ответ на приглашение рабочих смогла только прислать им тёплое, задушевное письмо, которое и было оглашено на вечере. Анна Александровна писала: «Какое счастье знать, что наступило время, когда рабочие читают великого Пушкина, когда в каждой семье рабочего он стал родным и близким»⁷.

Отчёт о пушкинском вечере, на котором прозвучало письмо престарелой внучки великого мастера литературы, был опубликован в «Вечерней Москве» 31 мая, а через неделю Анны Александровны не стало.

Когда хоронили А.А. Пушкину на Новодевичьем кладбище, у её могилы был писатель Иван Алексеевич Новиков, автор широко известного романа «Пушкин в изгнании». Талантливый литератор-пушкинист искренне уважал и любил внучку поэта...

Для всех, кто общался с А.А. Пушкиной, она была прежде всего «живой пушкинской энциклопедией». Так называли её Н.С. Шепелёва и другие потомки Пушкина.

– Помню, в школьные годы я выучил наизусть главу «Евгения Онегина», – рассказывал С.Б. Пушкин. – Когда стал декламировать бабушке, оказалось, что она тоже знает её назубок. И не только эту главу. Многие произведения Пушкина она читала по памяти, но делала это неохотно: стеснялась.

И по собственному признанию Анны Александровны, её всегда смущало то, что она потомок великого поэта, но всю свою долгую жизнь гордилась гениальным дедом. Не случайно А.А. Пушкина говорила: «...если Пушкин дорог сердцу каждого русского человека, то нам, его родственникам, он дорог вдвойне, втройне»⁸.

¹ И. Внуки А.С. Пушкина // Огонёк. – 1923. – № 14. – С. 3.

² Грандковская И. Потомки Пушкина // Сов. женщина. – 1949. – № 3. – С. 22.

³ Цявловский М.А., Цявловская Т.Г. Вокруг Пушкина // Наука и жизнь. – 1971. – № 6. – С. 72.

⁴ См.: Гард Э. Внуки А.С. Пушкина // Вечерняя Москва. – 1933. – 15 февр.

⁵ Новое время. – 1914. – № 13782.

⁶ Чулкова Н.Г. Анна Александровна Пушкина. – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 254.

⁷ Оpubл. в газ. «За боевые темпы» (Москва). – 1949. – 1 июня.

⁸ У внучки А.С. Пушкина, А.А. Пушкиной // Петербургская газета. – 1912. – 29 янв.

«А Я — ПУШКИН, ВНУК АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА»

Как и его знаменитый дед, Григорий Пушкин учился в императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее*. В студенческие годы он был прекрасным гимнастом-легкоатлетом. В 1889 году внук поэта окончил полный курс Лицея**. Однако предпочёл гражданской службе военную карьеру и многие годы отдал русской армии.

Успешно выдержав экзамен по первому разряду при Павловском военном училище, Григорий Александрович в августе 1891 года получил чин подпоручика. В 1899 году он поручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона (об этом неоднократно сообщалось в газетах в связи со 100-летним юбилеем А.С. Пушкина). Десять лет спустя Г.А. Пушкин в звании капитана служил в том же батальоне. 6 декабря 1910 года Григорий Александрович произведён в полковники. А вскоре после начала первой мировой войны, 30 сентября 1914 года, его назначили командиром 91-го пехотного Двинского полка, который участвовал во многих сражениях на русско-германском фронте.

За боевые заслуги в кампании против австро-германцев в 1914–1916 годах Г.А. Пушкин получил несколько наград – мечи к ордену св. Анны 2-й степени, ордена св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом.

В боевой аттестации полковника Пушкина за 1915 год, подписанной начальником штаба 23-й пехотной дивизии, говорилось: «Полковник Пушкин лично храбр и мужествен. В бою спокоен, хладнокровен и распорядителен. Военное дело знает и умеет применять свои познания на деле. Заботлив о подчинённых и требователен, но подчас недостаточно твёрд и строг, что является следствием любви своих подчинённых. Физически бодр и здоров. Штаб-офицер отличный и полезный командир в бою»¹.

После Октябрьской революции Григорий Александрович Пушкин явился в Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Вначале ему предоставили канцелярскую работу. Известно, что в мае – июне 1919 года Григорий Александрович занимал должность старшего делопроизводителя в Московском эвакуационном пункте. Но согласно решению комиссии по учёту бывших офицеров при управлении делами Реввоенсовета от 13 июня того же года Г.А. Пушкин как опытный кадровый военный был направлен в действующую армию.

* Вначале Григорий Пушкин, как и старший брат Александр, воспитывался в Пажеском корпусе (об этом сообщал его отец, А.А. Пушкин, в письме к Ф.П. Корнилову от 18 апреля 1880 года), но, вероятно, не окончил его.

** 15 октября 1900 года Г. А. Пушкин вместе с отцом присутствовал на открытии памятника А.С. Пушкину (работы Р.Р. Баха) в Царском Селе.

«Человек чистой совести и исключительной доброты» – так говорил о своем командире Леонтий Игнатьевич Дракин, партийный работник, который в годы гражданской войны был комиссаром в полку Г.А. Пушкина².

Внук Пушкина находился в регулярных частях Красной Армии до 1921 года, пока в связи с последствиями тяжелой контузии не был демобилизован. Пробыв на фронтах почти семь лет, Г.А. Пушкин получил несколько ранений (особенно тяжелое, в голову, – в 1915 году), и здоровье его резко ухудшилось. После увольнения в запас Григорий Александрович приехал в Лопасню, к семье, жившей в доме Гончаровых. Некоторое время он служил в местном кооперативе. С 1923 года получал академический паёк. Его жена, Юлия Николаевна, сначала была учительницей в школе первой ступени, затем преподавала немецкий язык в школе-семилетке.

В те годы Г.А. Пушкин часто бывал в московских театрах, особенно когда там шли представления по произведениям Пушкина или пьесы о нём.

«Уже в послереволюционное время, – писал Н.Г. Ураноссов, – на различных заседаниях или спектаклях, посвящённых А.С. Пушкину, можно было видеть этого невысокого роста мужчину... в гимнастёрке и сапогах, иногда с женой... и сыном-мальчиком Григорием Григорьевичем. Помню, что в день 125-летия со дня рождения А.С. Пушкина на торжественном спектакле в Большом театре, на котором я был, вся эта семья занимала ложу бенуара. На барьере ложи лежал букет, очевидно, поднесённый жене Г.А. Пушкина»³.

– С 1927 года, – рассказывал сын Г.А. Пушкина Григорий Григорьевич, – отец получал персональную пенсию. В 33-м мы переехали в Москву. Последние годы Григорий Александрович работал научным сотрудником отдела рукописей (пушкинского) Государственной библиотеки СССР имени Ленина. У отца был чудесный почерк. И творчество своего деда, его жизненный путь он знал хорошо. Это пригодилось ему, когда он сотрудничал в отделе, где хранились рукописи Пушкина и изучалось его поэтическое наследие... Отец был трудолюбив, скромн, немногословен. Много читал. Когда мы жили в Лопасне, отец очень любил прогулки по аллеям парка. Сидит, бывало, на пеньке и возится со своими «пушкинскими» мундштуками – он делал их из жасмина и орехового дерева. Сам и прожигал их, сам и шлифовал – для этого и стёклышки специальные всегда с собой носил. И были те коротенькие мундштуки отца необыкновенно красивы.

В мае 1933 года Союз советских писателей ходатайствовал о предоставлении Григорию Александровичу Пушкину благоустроенной квартиры в Москве. В архиве Пушкинского Дома находится официальное письмо А.А. Фадеева*, адресованное в президиум Московского Совета. В нем гово-

* В те годы А.А. Фадеев был заместителем председателя Оргкомитета Союза писателей СССР.

рится, что Союз писателей СССР «просит Моссовет предоставить внукам Пушкина необходимую жилищную площадь в Москве»⁴. Просьба писательской организации была выполнена: в первой половине апреля 1935 года Г.А. Пушкин получил новую квартиру из пяти комнат на Рождественке. В то же время ему выдали единовременное пособие в сумме 500 рублей, а пенсию увеличили до 300 рублей в месяц.

Значительны заслуги Григория Александровича Пушкина перед отечественным пушкиноведением. Летом 1917 года он и его младший брат Николай (сын А.А. Пушкина от второго брака) обнаружили в Лопасне, на чердаке дома, рукопись пушкинской «Истории Петра I» (22 тетради большого формата*), которая составляет теперь почти целый том в Собрании сочинений А.С. Пушкина⁵.

Были у Григория Александровича и другие автографы поэта. Они (кроме дневника, перешедшего к М.А. Гартунг) стали его собственностью в 1916 году, когда умер А.А. Пушкин-младший, бывший после кончины отца наследником всех этих фамильных ценностей. Среди бумаг, поступивших в 1918 году от внука поэта к пушкинисту П.Е. Щёголеву, оказалось семнадцать листов, написанных рукой Пушкина. Семь автографов поэта Г.А. Пушкин в 1933 году продал вместе с другими документами Центральному музею художественной литературы, критики и публицистики.

В марте 1919 года скончалась Мария Александровна Гартунг, и Г.А. Пушкин стал владельцем хранившегося у неё в течение последних трёх лет днев-

*Григорий Александрович Пушкин,
внук А.С. Пушкина, с женой Юлией
Николаевной.*

Фотография середины 1910-х гг.

* Девять тетрадей этой рукописи к тому времени были утрачены.

*Григорий Александрович Пушкин с сыном
Григорием Григорьевичем. Фотография 1930-х гг.*

ника поэта. Летом того года остро нуждавшаяся в материальной поддержке Юлия Николаевна Пушкина* по поручению мужа (он находился на фронте) продала дневник Румянцевскому музею за 40 тысяч «керенками»⁶.

В трудах И.Л. Фейнберга неоднократно приводился им же записанный в октябре 1956 года рассказ Ю.Н. Пушкиной⁷ о том, как дневник Пушкина был доставлен ею в отделение рукописей Румянцевского музея. На это свидетельство, казавшееся мне бесспорным, трижды ссылался и я в своих книгах, хотя некоторые потомки А.С. Пушкина (в первую очередь Н.С. Шепелёва и И.Е. Гибшман) упорно обращали моё внимание на уязвимость эффектного предания о «путешествии» дневника поэта из Лопасни в Москву... на крыше товарного вагона.

В 1987 году Наталья Сергеевна Шепелёва вновь вернулась к остро волновавшему её вопросу и прислала мне несколько писем, в которых подробно рассказала о хорошо известных ей обстоятельствах. В частности, в письме от 15 августа она сообщила:

* В то время у неё было пятеро сыновей в возрасте от пяти до тринадцати лет, в том числе трое от первого брака – Фёдор (р. 1905), Николай (р. 1907) и Александр (р. 1909) Катыбаевы, также воспитывавшиеся в семье Г.А. Пушкина. В феврале 1920 года, когда Григорий Александрович Пушкин ещё воевал на денкинском фронте, его старший сын, восьмилетний Сергей Пушкин, скончался от менингита. По свидетельству знавших Серёжу людей, это был необычайно живой, одарённый мальчик, курчавостью и лицом напоминавший великого прадеда.

«Начну с подробностей о дневнике, о легендарной повести о том, что Юлия Николаевна Пушкина везла на крыше поезда дневник Александра Сергеевича Пушкина. Дело в том, что перед тем как попасть в собственность Румянцевского музея, дневник этот находился долго у нас, в семье моего отца в Москве, и тётушка моя Анна Александровна Пушкина, жившая у нас, его перепечатывала для памяти на машинке (у меня сохранилась одна такая страница), а я свободно его читала и перелистывала, как семейную реликвию... Думается мне, что дневник Пушкина никогда в Лопасне и не был. Не хочется, чтобы вокруг него обвилась ещё одна легенда».

В письме от 4 октября Наталья Сергеевна продолжила свои рассуждения: «Вот путь дневника <Пушкина> после 1914 года. Александр Александрович Пушкин-младший получает его после смерти отца. В 1916 году он умирает, дневник переходит к Марии Александровне Гартунг (Григорий Александрович Пушкин-младший на войне). Мария Александровна живёт где-то около Донского монастыря в Москве, где её часто навещает её племянница Анна Александровна Пушкина, навещает и моя семья. В 1919 году, 7 марта, Мария Александровна Гартунг умирает. Её хоронят Анна Александровна и Юлия Николаевна. Более энергичная и активная, она (Ю.Н. Пушкина. – В.Р.) хлопоты взяла на себя. Все вещи Марии Александровны наследует Анна Александровна Пушкина – они перевозятся в Трубниковский переулок, где проживала Анна Александровна в семье моего отца Сергея Петровича Мезенцова. Многие эти вещи я хорошо помню. Возможно, в это самое время появляется у нас и дневник А.С. Пушкина, который находился довольно продолжительное время в нашей семье...

Если дневник попал сначала к А.А. Пушкиной (вполне возможно – Григорий Александрович Пушкин на войне), то зачем Юлии Николаевне перед сдачей в музей везти его в Лопасню... сама она читать дневник не собиралась.

Если же предположить, что Юлия Николаевна дневник сразу увезла в Лопасню, значит, она привезла его назад в Москву к нам намного раньше, чем передала Георгиевскому в музей.

В обоих случаях разговор... о путешествии из Лопасни на крыше вагона отпадает. Остается одно – если Юлия Николаевна отвезла его к себе в Лопасню... <то> на малый срок. Мне это кажется маловероятным, а главное – бессмысленным: в Москве он был в большей сохранности, а в отсутствие Григория Александровича Пушкина естественно, что дневник у его сестры Анны Александровны Пушкиной.

Это, конечно, мои соображения, и я их никому не навязываю...

Кстати, следует учесть, что Юлия Николаевна – хрупкого сложения, избалованная, даже слегка капризная, – принадлежала к кругу людей, где женщине было довольно сложно, в платье её времени, залезть на крышу вагона и продержаться там на ходу поезда около трёх часов или более...»

В 1930-х годах Григорий Александрович Пушкин обнаружил среди семейных бумаг около ста писем к Пушкину (из болдинского архива поэта), которые и были переданы им в Государственный литературный музей. Теперь все автографы Пушкина и письма к нему находятся в Пушкинском Доме.

В 1937 году внук великого поэта принимал самое деятельное участие в устройстве Всесоюзной пушкинской выставки, реорганизованной год спустя в Государственный музей А.С. Пушкина.

Григорий Александрович даже в преклонном возрасте часто приезжал в Лопасню: там прошли его детство и многие годы зрелой жизни. Он дружил с местными жителями.

У А.И. Коняевой хранились экземпляры «Евгения Онегина» с дарственной надписью её старшему сыну: «Пане Копцову от внука поэта Г. Пушкина. Москва, 12.VII.1937» – и подаренные ей Г.А. Пушкиным юбилейные пушкинские медали 1899 и 1937 годов.

Вспоминая Григория Александровича, А.И. Коняева подчёркивала, что он был очень добрым, мягким, впечатлительным человеком.

– 1 сентября 1940 года Григорий Александрович скончался, – говорила она. – Я была у него в Москве буквально за день до его смерти. Он курил принесённые мною папиросы «Казбек». Разговаривали, шутили, смеялись... А через несколько дней мы похоронили Григория Александровича в Лопасне – на семейном кладбище Пушкиных. Поминки справляли в нашем доме...

Антонина Ивановна продолжала:

– Григорий Александрович Пушкин не раз вспоминал в кругу друзей, как он случайно встретился в Петербурге с внуком* Константина Карловича Данзаса, секунданта Пушкина. Оба были военные. Знакомились так: «Данзас, внук секунданта Пушкина». – «А я – Пушкин, внук Александра Сергеевича». Встреча была не только неожиданной для обоих, но и радостной, памятной...

По словам самого Г.А. Пушкина (в записи С. Орлова), его знакомство с внуком Данзаса произошло за несколько лет до революции, «на обеде у генерала Пфейфера». Имея в виду и столь же неожиданную встречу с внуком В.К. Кюхельбекера – Федором Николаевичем Косовым**, состоявшуюся ещё в 1883 году, на похоронах А.М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина, Григорий Александрович впоследствии с удовлетворением говорил о том, что внуки трёх лицейстов первого выпуска «подкрепили долготелюю и крепкую дружбу» их дедов⁸.

* Здесь и далее имеется в виду внучатый племянник К.К. Данзаса, имя которого установить не удалось.

** Воспитанник 39-го курса Александровского лицея. Выпущен в 1883 году с чином 10-го класса. В 1886 году коллежский секретарь Смоленского окружного суда, в 1898–1899 годах – коллежский советник, член Московского окружного суда.

В день 100-летней годовщины гибели Пушкина 68-летний Григорий Александрович выступил с взволновавшей всех речью на могиле поэта в Святогорском монастыре и в только что отстроенном доме-музее А.С. Пушкина в Михайловском. «Направляясь в Михайловское, где жил и творил мой прославленный дед, – сказал он, – я готов был ждать тёплую встречу и большие торжества, но то, что я увидел на празднике в Михайловском, превзошло все ожидания. Замечательный праздник! Никогда до самого конца моих дней я не смогу вспоминать о нём без волнения»⁹.

¹ ЦГВИА, послужной список № 154-895, л. 11.

² Из рассказа Г.Г. Пушкина.

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 178.

⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 153.

⁵ Подробнее о находке в Лопасне см.: *Фейнберг И. Незавершённые работы Пушкина.* – 5-е изд. – М., 1969. – С. 22–26.

⁶ О трудном материальном положении семьи Г.А. Пушкина в начале 1920-х годов свидетельствуют его письма, а также письма его жены, Ю.Н. Пушкиной, в Российскую Академию наук. – ЛО ААН, ф. 150, оп. 1 (1918), ед. хр. 1, л. 135–136, 139–140, 180–181. Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК РСФСР отношением от 17 июня 1927 года № 4267 уведомила Академию наук: «...вследствие Вашей просьбы оказать поддержку потомкам А.С. Пушкина... Г.А. Пушкин, его жена и сын Григорий помещены бесплатно, сроком на месяц, в подмосковный санаторий «Сосновый Бор». В ближайшее время ЦЕКУБУ будет возбуждено ходатайство об увеличении Г.А. Пушкину персональной пенсии. – ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1927), ед. хр. 45, л. 161.

⁷ См., напр., в кн.: *Фейнберг И. Загадочный набросок Пушкина.* – М., 1978. – С. 42–43.

⁸ См.: *Орлов С. Семья Пушкиных // Горьковский рабочий.* – 1935. – 30 авг.

⁹ Опул. в газ. «Пролетарская правда» (Калинин). – 1937. – 23 февр.

СТРАНИЦЫ ШЕСТИ БИОГРАФИЙ

Сохранившиеся сведения об остальных детях А.А. Пушкина от брака с С.А. Ланской весьма скупы, отрывочны. Поэтому возможно обозначить лишь некоторые вехи их судеб, сложившихся печально или даже трагически.

Двое внуков поэта, Софья и Пётр, умерли младенцами, не достигнув и годовалого возраста. Софья погребена в Лопасне, а Пётр, как выяснилось в середине 1970-х годов, – в городе Новогрудке (теперь Гродненской области): там стоял в ту пору полк А.А. Пушкина. На надгробной плите сохранилась сравнительно чёткая надпись, позволяющая более точно датировать время его рождения и смерти¹.

Ольге Александровне Пушкиной не было ещё семнадцати лет, когда она вышла замуж за Николая Николаевича Павлова, прапорщика 13-го драгунского Военного ордена полка (в будущем секретарь русского консульства в Софии, вице-консул во Франкфурте-на-Майне и в Неаполе, атташе в Париже, впоследствии крупье). Обвенчались они в Лопасне².

Н.Н. Павлов был сыном Николая Филипповича Павлова (1803–1864) – известного писателя, автора остросоциальных повестей «Именины», «Аукцион», «Ятаган», изданных в 1835 году и получивших одобрительный отзыв Пушкина*, и Е.А. Танненберг**.

В начале 1890-х годов, как говорится в одном архивном документе, «предосудительный образ жизни» Н.Н. Павлова (он был морфинистом, жил распутно, проиграл всё своё состояние) «послужил основанием к увольнению его от службы» в Министерстве иностранных дел. По той же причине супруги разошлись, а их единственный сын Александр был официально отобран у отца***

* А.С. Пушкин писал: «Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты. <...> Г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь идти обедать».

** Евгения Танненберг – третья жена Н.Ф. Павлова. В книге «Рассказы о потомках А.С. Пушкина» (1982, с. 159) я ошибочно назвал Николая Николаевича Павлова сыном Н.Ф. Павлова и поэтессы К.К. Павловой (урожд. Яниш), второй жены писателя. У них действительно был сын, но звали его Ипполитом. Николай же родился через несколько лет после развода его отца с Каролиной Карловной.

*** Представляют интерес дополнительные сведения о Н.Н. и О.А. Павловых, которые сообщила автору книги их внучка В.А. Оверол (Павлова), жившая в Америке: «Мой дедушка был очень красивый мужчина. Бабушка хранила его фотографию всю свою жизнь. Он был игрок... Из Парижа дедушка исчез после того, как выкрал моего отца <А.Н. Павлова, тогда ещё подростка> и оставил его затем на причале в Шербуре... Через несколько лет дедушка очутился в Бостоне, США».

и отдан на попечение деда А.А. Пушкина³. Двенадцатилетнего мальчика привезли из Парижа в Москву в июле 1894 года.

Вместе с сыном вернулась в Россию и Ольга Александровна. За ними ездил Александр Александрович Пушкин, брат О.А. Павловой. В семье брата, в Ивановском, она и прожила несколько лет.

В 1904 году Ольга Александровна Павлова была начальницей приюта неизлечимых больных в Москве, в 1909 году – смотрительницей московской Стрекаловской больницы⁴. По свидетельству её внучки В.А. Оверол, Ольга Александровна, женщина очень одарённая и образованная, свободно говорила на шестнадцать языках. В предреволюционные годы она жила в Царском Селе. Там не менее пяти лет заведовала домом образцовых нянь. Затем Ольга Александровна переехала в Полтаву, где очень дружила с семьёй своей сестры – Марии Александровны Быковой. Позже внучка Пушкина жила в семье сына во Франции. Скончалась она 16 апреля 1933 года, погребена в Карросе, в 20 километрах от Ниццы.

*Ольга Александровна Павлова,
внучка А.С. Пушкина.
Фотография 1902 г.*

«Есть люди, – писала мне Н.С. Шепелёва, – о которых можно говорить много, описывая их жизнь, богатую интересными внешними фактами; но есть и те, о ком много не скажешь, так как их внутренняя сущность выразилась со всей страстью, может быть, в одном поступке, зато этот поступок делает достойной всю их жизнь. Именно таким человеком я считаю Надежду Александровну Пушкину.

Как и большинство внуков Пушкина, она была приветливой, доброй и очень общительной. Завершив свое учение, тётя Надя серьезно увлеклась химией, занималась ею практически, делала опыты и всегда была в курсе

всех выдающихся достижений мировой химии. В наши дни Надежда Александровна, вероятно, пошла бы на служение этой науке, но тогда все получилось иначе...

Став в 1904 году сестрой милосердия... она до конца своей жизни оставалась верна медицинской деятельности. С 1909 года тётя Надя – настоятельница Иверской общины Красного Креста, где работала вместе с известным тогда хирургом Алексинским, с которым была хорошо знакома... Иверская община представляла собой детскую больницу, но в 1914 году в ней находились раненые.

В тяжёлую годину первой мировой войны Надежда Александровна снова взяла на себя подвиг сестры милосердия, в полном смысле этого слова, и хотя на фронте не была, работала сверх сил. Даже после серьёзной операции она продолжала трудиться. Отдыхая изредка в деревне, Надежда Александровна оказывала нужную лечебную помощь служащим и крестьянам. Имея хорошее медицинское образование, она действовала всегда очень решительно и смело, не боялась никаких заболеваний, не избегала никаких больных, шла в любую избу...

В 1915 году Надежда Александровна, совершенно больная и переутомлённая, уехала в село Арапово Тамбовской губернии (в 12 километрах от Тамбова. – В.Р.). Там, в именовании дорогих ей Ланских, она скончалась, всего 43 лет, и была похоронена в их фамильном склепе...»*

Сообщая читателям о смерти внучки Пушкина, газета «Новое время» отмечала, что в московской Иверской общине сестёр милосердия «по её инициативе были открыты курсы по целому ряду новых предметов» и что Надежда Александровна Пушкина, «отзывчивый и сердечный человек, пользовалась общей любовью»⁵ в общине, которой она отдавала все свои силы и душу.

В цитированном выше письме Н.С. Шепелёвой рассказывается: «Отношение к Пушкину у Надежды Александровны, как и у прочих внуков поэта, было особенное. Об Александре Сергеевиче они всегда говорили с какой-то восторженностью, его творения знали почти наизусть, и я часто замечала слёзы в глазах Надежды Александровны и других внуков Пушкина, читавших его стихи. В этом была какая-то преданная, нежная любовь. Вероятно, это были остатки чувствований прошедшего девятнадцатого века».

* В собрании московского коллекционера Ю.Б. Шмарова хранятся датированные 6 апреля 1947 года воспоминания Н.И. Араповой (1871–1949) о Надежде и Вере Александровнах Пушкиных, внучках поэта, с которыми она училась в одном классе гимназии, а на каникулы вместе с ними приезжала из Петербурга в Арапово, где жили её родители – И.П. и М.У. Араповы. Сестра М.У. Араповой, Екатерина Устиновна, состояла в браке с Павлом Александровичем Ланским – братом С.А. Пушкиной (урожд. Ланской), матери внучек Пушкина, о которых говорится в воспоминаниях. В годы, описываемые Н.И. Араповой, Софьи Александровны Пушкиной уже не было на свете. Воспоминания Араповой переписаны для автора книги С.А. Сапожниковым (Москва), которому приношу сердечную благодарность.

Надежда Александровна внешне очень напоминала Пушкина. Художник В.А. Серов, работая над картинами и рисунками на пушкинские темы, пристально всматривался в черты её лица. Валентин Александрович собирался писать портрет и самой внучки Пушкина, но не успел осуществить свой замысел.

Вплоть до смерти отца, Александра Александровича, Н.А. Пушкина выполняла роль доверенного лица по делам, связанным с рукописным наследием великого поэта.

Вера Александровна Пушкина вместе с сестрой Надеждой обучалась в одной из петербургских гимназий. Девочки очень дружили между собой. Оставшись совсем маленькими после смерти матери (Наде шёл тогда четвёртый год, Вере – третий), они вместе росли, одновременно пошли учиться – в один класс. И всю свою короткую жизнь Вера Александровна была беззаветно предана сестре-другу, которая также любила её до самозабвения.

В конце июля 1901 года Вера Александровна была помолвлена с полковником лейб-гвардии конноартиллерийской бригады (позднее генерал-майор) Сергеем Петровичем Мезенцовым, происходившим из старинного смоленского дворянского рода. В письме к дяде Г.А. Пушкину от 24 августа того же года она сообщала: «Папа приезжал в Петербург, чтобы познакомиться с моим женихом, так как никогда ещё не видал его. Мы же знакомы уже 3-й год, так как я гостила несколько раз летом у Анны в Петергофе, а Мезенцов был адъютантом у великого князя Михаила Николаевича, который очень сердечно и мило к нему относится. На днях он был отчислен от адъютантства и командует гвардейской конной батареей. Мы будем жить в Петербурге, и я очень рада, что по делам службы папа принужден бывать там зимой, так что я надеюсь довольно часто его видеть.

Прошу Вас, милый дядя, не откладывайте до другого раза Вашего намерения посетить Москву. Мы все будем счастливы видеть Вас и тетю.

Анна присоединяется ко мне, чтобы сердечно обнять вас обоих. Через 2 дня мы едем к папе в Москву, где пятого сентября я надеюсь видеть Вас на моей свадьбе.

Любящая Вас племянница Вера»⁶.

Незадолго до свадьбы дочери А.А. Пушкин в письме к брату от 21 августа 1901 года охарактеризовал будущего зятя так: «...отзывы о нём самые лучшие, как о прекрасном во всех отношениях человеке»⁷. Через несколько лет Сергей Петрович Мезенцов вновь стал адъютантом великого князя Михаила Николаевича, а по получении генеральского чина находился в свите царя. В 1914 году он был заместителем главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте.

*Надежда Александровна Пушкина,
внучка А.С. Пушкина.
Фотография конца 1890-х гг.*

Семейная жизнь Мезенцовых сложилась счастливо, но длилась всего семь лет. Зимой 1909 года Вера Александровна с мужем и детьми Мариной, Натальей и Александром гостила у двоюродных тёток Гончаровых в Лопасне. Там и случилось несчастье. В.А. Мезенцова заразилась скарлатиной и на третий день болезни скончалась на руках любимой сестры Надежды Александровны.

Отпевали внучку Пушкина в Лопасне, в Зачатьевской церкви, а тело её Сергей Петрович отвёз в село Рыхлово Вяземского уезда Смоленской губернии, где и похоронил в фамильном склепе Мезенцовых, под церковью⁸.

Село Рыхлово, как и соседняя усадьба Лукьяново, принадлежало родителям С.П. Мезенцова – Петру Ивановичу и Марии Николаевне (урожд. Озеровой). Сам же он владел имением Ершино, находившимся в 25 верстах от Рыхлова. На лето С.П. и В.А. Мезенцовы приезжали туда из Петербурга вместе с детьми. Часто бывали у них и сёстры Веры Александровны – Ольга, Анна и Надежда, последняя – каждое лето.

Собственный корреспондент Смоленской областной газеты «Рабочий путь» М.П. Степанов по просьбе автора книги в 1976 году побывал в Рыхлово и окрестных деревнях Вяземского района, разыскал старожилов, помнивших не только Веру Александровну и Сергея Петровича, но и его родителей. Михаил Петрович писал мне, что в Рыхлово «от бывшего имения Мезенцовых сохранились лишь два заросших пруда, липовая аллея и берёзовая роща» и что в 1943 году «при отступлении гитлеровцы взорвали церковь, и склеп завалило». Очевидцы, продолжал

М.П. Степанов, утверждают, что после войны под разрушенной церковью были обнаружены четыре гробницы, над ними – белые мраморные плиты с надписями. В двух гробницах покоились останки свёкра и свекрови В.А. Мезенцовой, в третьей она сама, а в четвёртой кто-то из прислуги Мезенцовых.

Когда в начале 1950-х годов в районе проходило перезахоронение павших в боях воинов и партизан, в братскую могилу в посёлке Семлево перенесли также прах Веры Александровны Мезенцовой и родителей её мужа. Местные власти и райвоенкомат сделали это из уважения к бывшим владельцам рыхловской усадьбы, оставившим по себе добрую память.

«Конечно, – размышлял мой корреспондент, – внучку А.С. Пушкина следовало бы перезахоронить на прежнем месте или на местном кладбище. Но ведь тогда никто не знал, что это внучка Пушкина. Об этом стало известно только теперь.

Естественно, никого из родственников на перезахоронение не приглашали, потому что о них тоже никто не знал». Автор письма успокаивал меня (и себя тоже!) тем, что «братская могила в Семлеве содержится в образцовом порядке, за ней ухаживают школьники и односельчане».

Бывший председатель Рыхловского сельсовета Е.И. Петров в том же 1976 году писал в Вяземский краеведческий музей, что кто-то из старожилов в память о Петре Ивановиче Мезенцове до сих пор берегает его генеральские погоны, а в деревне Подрезово хранятся какие-то старинные рыхловские бумаги. По мнению Е.И. Петрова, «если внимательно всё проверить и поговорить со старожилами, то многое можно узнать о Мезенцовых...»⁹

Да простит мне читатель невольное отступление. С радостью признаюсь: мне приятно, что скупая строка первой моей книжки – упоминание о месте погребения внучки Пушкина В.А. Мезенцовой – отозвалась в сердцах людей: в памяти живущих на Смоленщине воскресли те, кого уже давно нет на свете, но кто, как и все мы, был звеном в единой цепи поколений...

*Надежда Александровна Пушкина
(справа) и Вера Александровна
Мезенцова. Фотография 1909 г.*

О безвременно ушедшей из жизни В.А. Мезенцовой её дочь, Наталья Сергеевна Шепелёва, в письмах ко мне вспоминала: «Вера Александровна, человек мягкого, доброго нрава, с малых лет была любимицей не только своей семьи, но и всех её родственников и знакомых. Сколько раз я слышала от совершенно посторонних людей слова уважения и восхищения по адресу моей матери!.. Всюду, где Вера Александровна жила или бывала, она оставляла добрый след. Хотя я ещё была маленькой девочкой, но хорошо помню, как около нашего деревенского дома, при её жизни, часто стояли подводы – иногда по нескольку сразу – с больными крестьянами, приезжавшими порой издалека, а мои родители и Надежда Александровна Пушкина (летом она всегда гостила у нас) выходили в белых халатах к больным. Помню и шкаф, в котором хранился большой подбор лекарств и даже каких-то инструментов, необходимых при первой хирургической помощи пострадавшим.

...Маму связывала большая сердечная дружба не только с сестрой Надеждой, но и с младшим братом Сергеем. И вообще они больше как-то держались втроем. Может быть, их сблизило общее раннее сиротство. Иногда – конечно, в семейной обстановке – Вера Александровна и Сергей Александрович, оба музыкальные, пели дуэтом...

В детстве моя мать, как и другие дети дедушки, А.А. Пушкина, много времени жила в Лопасне, у своей родственницы, очень уважаемой Анны Николаевны Васильчиковой, которая всех их любила и много для них сделала. Но, пожалуй, детям Александра Александровича от Софьи Александровны Ланской ещё ближе была семья их дяди Павла Александровича Ланского, где моя мать провела лучшие годы юности и где она всегда чувствовала себя, как в своём родном доме.

Несмотря на печальное детство, мать отлично училась, с упоением читала многих русских писателей, но превыше всего ставила произведения деда. В совершенстве знала она иностранные языки – французский, немецкий и английский. Легко, как на родном, читала на этих языках художественную литературу тех времён. В гимназии изучала и церковнославянский язык. Любила и хорошо знала историю всех народов.

Мать много занималась рисованием карандашом и акварелью, и, по словам её брата Николая Александровича Пушкина, она первая показала ему технику акварели. К сожалению, работы её не сохранились...

Пока мать была жива, никаких воспитателей в нашем доме не было: она сама воспитывала нас с большою любовью, но строго. Сестру Марину и меня мать учила французскому, и я с трёх лет умела уже разговаривать и напевать французские песенки.

В юности Вера Александровна очень любила лошадей и прекрасно ездила верхом, как тогда было принято – амазонкой, стреляла в цель из револьвера, вместе с отцом моим, Сергеем Петровичем, путешествуя за границей,

поднималась на вершины Швейцарских Альп. Мама была здоровая, смелая женщина. Казалось, ничто не предвещало беды. Но она пришла – и в 36 лет матери не стало...»

Сергей Александрович Пушкин родился 9 июня 1874 года¹⁰. В августе 1893 года, после окончания Николаевского кадетского корпуса, С.А. Пушкин был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу*, где и служил несколько месяцев юнкером рядового звания. В конце ноября того же года приказом главного начальника военно-учебных заведений он «переведён в Николаевское кавалерийское училище», откуда три года спустя выпущен корнетом. Служил Сергей Александрович в 22-м драгунском Астраханском полку, затем в 3-м драгунском Сумском. Лицом, особенно в профиль, он был очень похож на своего деда А.С. Пушкина. 21 августа 1898 года, в возрасте двадцати четырёх лет, С.А. Пушкин застрелился. Погребён в Лопасне.

О трагической кончине С.А. Пушкина Софья Николаевна Данилевская рассказала следующее:

– Сергей Александрович несколько раз приезжал к нам в Полтаву. Был он очень симпатичный, приятный человек. Мы, дети, часто возились с ним на диване, целовали и обнимали нашего любимого дядю. Чтобы ввести дядю Сережу в полтавское общество, мои родители устраивали вечера-представления (с переодеванием мужчин в женскую одежду и наоборот). На одном из таких вечеров он и познакомился с Марией Александровной Бельгард, дочерью полтавского губернатора**, в которую затем безумно влюбился. Мы подтрунивали над ним: «Дядя Серёжа, ты скоро женишься?» – «Скоро», – «А кто будет твоя жена?» – «Мую жену будут звать тётя Маша». Летом 1898 года, получив разрешение отца, А.А. Пушкина, и взяв отпуск, дядя Серёжа приехал в Полтаву, чтобы посвататься за Бельгард. Но родители невесты не дали согласия на брак. Может быть, потому, что имели в виду другого жениха – светлейшего князя Святополка-Мирского, за которого Мария Александровна и вышла впоследствии. Причиной отказа могло быть и то, что у дяди Серёжи бывали тяжёлые сердечные приступы. Потрясённый отказом, Сергей Александрович вскоре покинул Полтаву. Последний раз его видели в городском саду – там, где сейчас стоит памятник Славы. Дядя Серёжа сидел грустный и смотрел в сторону губернаторского дома. Вернувшись в Москву, он покончил с

* В этом училище (тогда школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров) в 1832–1834 годах учился М.Ю. Лермонтов.

** Александр Карлович Бельгард – действительный статский советник, камергер. Назначен губернатором в Полтаву в марте 1896 года. До этого был вице-губернатором в Харькове.

*Сергей Александрович Пушкин,
внук А.С. Пушкина. Фотография
1896–1898 гг.*

собой. Позже Мария Александровна Бельгард писала моему отцу об ужасе пережитого ею в связи с самоубийством С.А. Пушкина, которого она, по её словам, очень любила. Будучи уже замужем, Бельгард вместе с детьми приезжала на могилу дяди Серёжи. Она хотела нанести визит его близким, но в Лопасне её не приняли...

У Н.С. Шепелёвой хранилось предсмертное письмо Сергея Александровича Пушкина. Оно поражает благородством и самоотверженностью этого человека, решившегося на отчаянный шаг. В письме, адресованном отцу, братьям и сёстрам, внук Пушкина просил прощения: он знал, что его роковой поступок причинит семье боль и страдания. Сергей Александрович умолял родных ни в чем не винить М.А. Бельгард, отвергшую его любовь, и просил не разлучать его с её вещами («Вера знает с какими»).

Видимо, он имел в виду портрет Бельгард, который она подарила ему в Полтаве (С.Н. Данилевская определённо считала, что под этими словами подразумевался именно портрет). Сергей Александрович просил вернуть Бельгард её письма к нему и даже указал её полтавский адрес.

В письме Николая Александровича Пушкина, бельгийского внука поэта, к Н.С. Шепелёвой от 21 мая 1964 года говорится о том, что его брат выстрелил себе в грудь из ружья в своей комнате, наверху, когда сёстры и братья, в том числе и он, тринадцатилетний Николай, сидели в столовой. А отца, Александра Александровича Пушкина, в это время дома не было. Через 40 минут Сергей Александрович скончался.

Н.А. Пушкин сообщил племяннице и трогательные подробности: взвод, которым командовал С.А. Пушкин, в полном составе шёл за его гробом от Москвы до Лопасни, и хоронили внука Пушкина, ещё совсем молодого человека, при огромном стечении народа...

¹ Фотографии могилы П.А. Пушкина прислала автору книги жительница г. Новогрудка Д.С. Немцова.

² «Брачный обыск» прапорщика Н.Н. Павлова и О.А. Пушкиной, составленный 23 августа 1881 года, передала в ИРЛИ А.И. Коняева (ф. 244, оп. 20, № 159).

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 114.

⁴ *Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В.* Пушкины. Родословная роспись. – Л., 1932. – С. 61.

⁵ Кончина внучки Пушкина // Новое время. – 1915. – 17 июня. О смерти Н.А. Пушкиной сообщалось также в «Известиях книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии». – 1915. – № 7. – Стб. 112.

⁶ ИРЛИ, ф. 246, № 74.

⁷ Там же, № 72.

⁸ Некролог, посвященный В.А. Мезенцовой, был напечатан в кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Вып. 11. – СПб., 1909. – С. 119.

⁹ Приводится по письму С.М. Яковлева от 13 февраля 1976 года.

¹⁰ Эта дата стоит в послужном списке самого С.А. Пушкина (ЦГВИА, п. с. № 305–210, л. 152). В послужном списке его отца, А.А. Пушкина, как и на могиле Сергея Александровича в Лопасне, указана другая дата – 9 июля 1874 года. В книге Б.Л. Модзалевского и М.В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» сказано, что С.А. Пушкин – сын А.А. Пушкина от второго брака и что родился он 9 июня 1878 года. Это явная ошибка, так как первая жена А.А. Пушкина умерла в 1875 году, а на второй он женился только в 1883 году.

И НА ЧУЖБИНЕ ОСТАВАЛСЯ РУССКИМ...

Николай Александрович Пушкин, сын А.А. Пушкина и М.А. Павловой, окончил юридический факультет Московского императорского лицея имени цесаревича Николая.

В сентябре 1907 года на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 3-й драгунский Сумский полк, вскоре переименованный в 1-й гусарский Сумский. В полку Н.А. Пушкин находился на собственном содержании. Через год, выдержав экзамен на чин прапорщика, он был уволен в запас¹.

В 1910 году Н.А. Пушкин был земским начальником в Венёвском уезде Тульской губернии, позже – чиновником по особым поручениям при тульском губернаторе.

...Интересна докладная записка Н.А. Пушкина, члена уездного училищного совета, Венёвскому уездному земскому собранию, составленная им после посещения Урусовской и Талызинской школ во время экзаменов весной 1913 года*. В ней содержится характеристика обучения детей в дореволюционной земской школе.

«Здания, в которых помещаются школы в настоящее время, – холодные, тёмные, ветхие и совершенно не соответствуют своему назначению. Нельзя не обратить внимания на почти полное отсутствие наглядных учебных пособий, даже самых необходимых, что не могло не отразиться на общем развитии учащихся.

Ответы учеников по программным предметам и их письменные работы надлежит признать вполне удовлетворительными, а по арифметике прямо хорошими. К сожалению, наряду с этим приходится констатировать крайне слабое представление у детей... об отечественной истории и географии. Так, например, на мой вопрос, с кем произошла битва на Куликовом поле, я ни от кого не мог получить верного ответа. Такое явление, на мой взгляд, является совершенно ненормальным, так как школа, кроме обучения грамотности, несомненно, должна давать детям хотя бы некоторое общее развитие и воспитание в национальном и патриотическом направлении, подготавливая честных и сознательных слуг своего царя и Родины»².

Из записки видно, что внук поэта – вслед за прославленным дедом – уже в молодости (весной 1913 года ему исполнилось 28 лет) проявлял особый интерес к истории своей страны.

В начале первой мировой войны Николай Александрович, вновь прапор-

* В следующем году Н.А. Пушкин вновь присутствовал на выпускных экзаменах в четырёх земских школах Венёвского уезда. О результатах он письменно доложил уездному земскому собранию.

щик 1-го гусарского Сумского полка, находился на фронте. В 1916–1917 годах он служил в 3-м запасном кавалерийском полку, который дислоцировался в городе Кирсанове Тамбовской губернии.

Сохранился любопытный во многих отношениях документ, скреплённый гербовой печатью полка и двумя подписями – командира части и корнета Н.А. Пушкина, исполнявшего должность полкового адъютанта. Это – благодарственное письмо от 23 декабря 1917 года (!), выданное штаб-ротмистру Б.П. Зоркину «по случаю сдачи полка». В письме выражается уверенность, что «Борис Павлович на всякой службе, как честный, трудолюбивый, энергичный и развитый человек, заслужит ту же выдающуюся аттестацию, любовь товарищей и своих подчинённых, которыми он пользовался всегда в полку».

Надежды командования 3-го запасного кавалерийского полка, в том числе и Николая Александровича Пушкина, оправдались: в дальнейшем Б.П. Зоркин в течение многих лет занимал ответственные посты в рядах Красной Армии³.

О семье Н.А. Пушкина, которая перед революцией также жила в Кирсанове, много лет спустя, в начале 1960-х годов, тепло вспоминала старейшая жительница этого города Надежда Ивановна Панкратова. У неё хранились семейные фотографии Пушкиных и письма жены Николая Александровича – Надежды Алексеевны, дочери известного ботаника, публициста и общественного деятеля, профессора Алексея Николаевича Петунникова. В одном из писем, отправленном в конце 1916 года, Н.А. Пушкина с удовлетворением писала: «Погиб-таки Распутин*, к празднику (Рождеству. – В.Р.) подарок всем»⁴. Эта фраза красноречиво свидетельствует об отношении Надежды Алексеевны и, вероятно, самого Николая Александровича к разложившейся правящей верхушке.

Однако революционные события 1917 года и водоворот гражданской войны выплеснули семью Н.А. Пушкина за границу – сначала в Турцию, затем в Сербию (с 1945 года входила в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии). В декабре 1923 года внук поэта с женой и детьми – сыном Александром и дочерью Натальей – обосновался в Бельгии.

«После долгих скитаний, – писал он А.Ф. Онегину 10 ноября 1924 года, – я переехал в Брюссель и встретил здесь в литературных кругах самый радужный и сердечный приём многочисленных почитателей гения Александра Сергеевича»⁵.

Долгие годы Н.А. Пушкин был служащим в одном из брюссельских банков. Всё свободное время он отдавал популяризации творчества Пушкина и изучению русской истории. Как видно из того же письма к А.Ф. Онегину, Ни-

* Григорий Ефимович Распутин (Новых) – фаворит Николая II и его жены Александры Фёдоровны. Родом из сибирских крестьян.

*Николай Александрович Пушкин, внук А.С. Пушкина, с женой Надеждой Алексеевной, сыном Александром Николаевичем, невесткой Луизой Иосифовной, внуками Сашей Гревеницем (слева) и Сашей Пушкиным.
Фотография 1950 г.*

колай Александрович переводил повести Пушкина на французский язык для «Revue Belge». «Стремясь сохранить для детей и дальнейшего потомства имя и традиции, которыми они вправе навеки гордиться, – продолжал внук поэта, – я занят восстановлением своего семейного архива. Для этой цели мне очень хотелось бы просить Вас не отказать сообщить мне генеалогию Пушкиных от Радши до Александра Сергеевича, если это Вас не слишком затруднит».

В 1926 году он опубликовал статью «Об одной неизвестной находке пушкинских рукописей», в которой рассказал, при каких обстоятельствах были обнаружены в Лопасне рукописные материалы Пушкина к «Истории Петра I»⁶. А в 1937 году на Пушкинской выставке, устроенной Сергеем Лифарем к 100-летию со дня гибели поэта, Николай Александрович, специально приехав в Париж из Брюсселя, выступил с речью⁷.

Перу Н.А. Пушкина принадлежат несколько исторических исследований: «Куликовская битва 1380 года», «Загадочное лицо русской истории», «Был ли Лжедмитрий действительно Лже?» и другие. Некоторые из них опубликованы в бельгийских и французских периодических изданиях. Две свои печатные статьи на французском языке, посвящённые Рюрику и «Слову о полку

Игореве», Николай Александрович прислал Н.С. Шелелёвой. В 1930-х годах он перевёл на французский язык биографию А.С. Пушкина, составленную М.Л. Гофманом.

У брюссельских потомков поэта и теперь хранятся два портрета Н.Н. Пушкиной, выполненные Николаем Александровичем. Писал он и пейзажи. В трудные для семьи годы, особенно во время второй мировой войны, внук поэта продавал свои рисунки, что приносило ему небольшой доход. Помогали Н.А. Пушкину и русские литераторы и художники, эмигрировавшие в своё время из России. Автор популярных книг «Если заговорят портреты» и «Портреты заговорили» Н.А. Раевский, вспоминая свою зарубежную жизнь в период войны, писал мне: «...я встретился с хорошо мне известным художником Николаем Васильевичем Зарецким, и он попросил меня принять участие в сборе средств на помощь последнему внуку Пушкина, проживавшему в Брюсселе».

В послевоенные годы многие советские писатели проявляли интерес к брюссельским потомкам поэта. Так, посетившие Бельгию в сентябре 1956 года поэты Павел Антокольский, Сергей Михалков и Константин Симонов по просьбе известного пушкиноведа Ильи Львовича Фейнберга выяснили, что Н.А. Пушкин по-прежнему живёт в столице этой страны. Антокольский сделал даже попытку встретиться с ним, но она оказалась безуспешной⁸. В 1958 году в гостях у Н.А. Пушкина побывал Валентин Катаев, находившийся в творческой командировке в Бельгии. По его словам, Николай Александрович, которому тогда было 73 года, «очень бодр, свеж, сух, подтянут и выглядит моложе своих лет. В профиль он немного напоминает деда. Глаза «гончаровские»⁹.

Встреча Катаева с Н.А. Пушкиным произошла на квартире его сына, Александра Николаевича. Пушкины приняли советского писателя «как нельзя лучше». Они потчевали его «по-русски – чаем с клубничным пирогом». При беседе присутствовал и пятнадцатилетний Саша Пушкин – внук Н.А. Пушкина. Он «с молчаливым любопытством» смотрел на гостя...

Семь лет спустя, 5 июля 1965 года, уже после смерти Николая Александровича, семью его сына А.Н. Пушкина навещал писатель М.Л. Поляновский: он был в Брюсселе в составе писательской делегации Советского Союза. Как и Валентин Катаев, Макс Поляновский отмечал исключительное радушие и гостеприимство бельгийских потомков Пушкина, их благоговейное отношение ко всему, что связано с именем великого поэта¹⁰.

– Николай Александрович Пушкин, – рассказывал мне М.Л. Поляновский, – всю жизнь питал большой интерес к истории и культуре России. Это наложило заметный отпечаток на весь семейный уклад бельгийских Пушкиных. И сын, и внук Николая Александровича – прямые потомки поэта по мужской линии, – несмотря на свою оторванность от родины их гениального предка, остались русскими в чём-то самом главном...

Хотя вторую половину жизни Николай Александрович Пушкин провёл за границей, Россию он никогда не забывал, она всегда была в его сердце, в его

Николай Александрович Пушкин.
Фотография 1958 г.

1949 году по просьбе Бунина Николай Александрович сообщал ему некоторые сведения о потомках Пушкина¹².

Племяннице Наталье Сергеевне Шепелёвой Н.А. Пушкин писал хорошие, тёплые письма с 1955 года до конца своей жизни. А его жена Надежда Алексеевна, которая, по словам Н.С. Шепелёвой, «душою была глубоко русским человеком, горячо любившим Россию», даже в 1960-х годах переписывалась с жительницей села Марыгино Венёвского района Тульской области Аграфеной Иосифовной Барановой, близко знавшей семью Пушкиных в годы их жизни в Малом Останкине. Она присылала фотографии, сообщала семейные новости, писала о том, как много значит Россия для них, Пушкиных, волею судьбы оказавшихся на чужбине...

Вот отрывок из письма Н.А. Пушкиной от 15 января 1963 года: «Что в Останкине? Существует ли ещё наш дом или развалился? Я очень грущу без деревни, которую так любила. Здесь мы живем скромно, у нас много друзей, но я тоскую по своей дорогой Родине... Николай Александрович шлёт тебе свой привет»¹³.

Это был один из последних приветов Николая Александровича Пушкина своей великой Родине.

исторических трудах, в его письмах в Советский Союз – родственникам, пушкинистам, писателям...

После открытия в Ленинграде, на площади Искусств, памятника А.С. Пушкину фотографию его М.К. Аникушин послал Н.А. Пушкину. Вскоре из Бельгии пришел ответ. Внук поэта писал скульптору: «На этом подлинно художественном произведении отдыхаешь от процветающего здесь упадочного и нагло-фальшивого искусства. В Вашем Александре Сергеевиче столько жизни и естественности, что кажется, вот-вот он сойдёт с постаamenta и пойдёт по парку. Вами передано не только физическое сходство, но и самый характер деда, его живость и подвижность»¹¹.

Переписывался Н.А. Пушкин и с И.А. Буниным, жившим последние десятилетия во Франции. Так, в

Чрезвычайно любопытны письма Николая Александровича Пушкина известному художнику первой русской эмиграции Николаю Васильевичу Зарецкому. Все письма направлены из Брюсселя в Германию, Чехию, Францию, где в разные годы проживал Зарецкий. Привожу их с некоторыми купюрами.

«Вы знаете, дорогой Николай Васильевич, что я всегда очень и очень интересовался Вашими работами и был большим поклонником Вашего таланта. Ваши же труды по изданию сочинений деда не могут не интересовать меня вдвойне. Я глубоко тронут Вашим милым решением посвятить мне рисунки «Арапа Петра Великого». Интересно знать, чем руководствовалась издательская фирма, не согласившись на это посвящение? <...>

Здесь в Брюсселе как нигде чтут память Александра Сергеевича. Королевский театр ставит постоянно его вещи. «Борис Годунов», «Царь Салтан», поговаривают о «Пиковой даме». Благодаря этому со стороны бельгийцев по отношению ко мне я вижу такое внимание, каким, к сожалению, никогда не пользовался в России. На все представления мне присылают ложу... просят советов и указаний и т.д.» (15 мая 1926).

«Не знаю, как благодарить Вас за Ваше милое внимание и присланные издания «Арапа Петра Великого» и «Гробовщика». Обе книжки прелестные, каждая в своём роде. Я показал их нескольким своим приятелям-бельгийцам, в том числе двум художникам, и они пришли в восторг от Ваших рисунков – их стильности и выдержанности. Конечно, «Арап Петра Великого» им показался более понятным, так как оценить по достоинству «Гробовщика» могут только люди, знающие Москву, и притом старую Москву, которую мы с Вами едва-едва помним как детское воспоминание. <...>

Последнее время я опять принялся за давно заброшенное мною рисование и в свободное время немного работаю.

Акварель у меня больше не удаётся. Не нахожу ни красок, ни тонов, но тушь удаётся лучше, и навык понемногу возвращается. Сделал два стилизованных портрета деда и бабушки, отца и несколько других вещей...» (1 июня 1926).

«Я особенно ничем сейчас не занимаюсь, но опять слегка взялся за карандаш и акварель. Делаю это только для себя и в свободное время рисую иллюстрации для истории рода Пушкиных, которой занимаюсь для детей и потомства...» (11 марта 1928).

«У меня тут была несколько лет (2 года) тому назад довольно интересная встреча с моим троюродным братом Georges d'Antus*. Встретив мою дочь и познакомившись с ней, он сказал: Вы, наверное, приходите мне племянни-

* Жорж Геккерен-Дантес (1884–1965), внук Дантеса.

цей», – и, узнав, что да, он приехал ко мне. Это родной внук beau frere'a и противника на дуэли А<лександр> С<ергеевича>. Он приехал ко мне «мириться» после 100-летнего разрыва дипломатических отношений между нашими семьями» (24 октября 1931).

«Большое Вам спасибо, дорогой Николай Васильевич, за рисунок Ганнибаловского герба и за копии документов. Я собираю материалы по истории рода (которую, кстати, наверное, написать не соберусь) (28 января 1934).

«Вы себе представить не можете, как последнее время я был не занят, а совершенно поглощён Пушкинскими делами. Ежедневная корреспонденция по три-четыре деловых письма, а вечером театр, или концерты, или лекции. Я два раза говорил по радио и обегал все не марксистские редакции. Если принять во внимание, что всё это нужно было успеть сделать после службы, то Вы поймёте, что я измучился совершенно. Теперь стало немного легче, хотя в воскресенье я делаю доклад в Историко-Генеалогическом обществе – «Дворянский род Пушкиных» (25 февраля 1937).

«Последние годы после войны я занимался довольно интересной работой «mise en carte» всевозможных ковров и созданию живых. Так я обратил в ковёр один из потолков Версальского дворца, и он на выставке имел успех. Из профессиональных курьезов – я получил заказ портрета короля Леопольда III на ковре!!! Это было необычайно трудно, т.к. надо было это выполнить в небольшом размере ковра при квадратах 7x7 мм, т.е. очень больших» (19 сентября 1952).

«Получил Ваше милое письмо и вырезку из Нового журнала 43 1955 г. Все, что пишет там М.Л. Гофман, к сожалению, сущая правда, и одна только ошибка, что между мной и моей сестрой всего лишь пять лет разницы. Что же касается её поведения, то всё верно. Я в своё время принуждён был с ней прервать всякие отношения. Её дочь Светлана, кажется, ещё хуже её, но эту я даже не знаю и никогда не видал. Нас было 11 братьев и сестёр, и все были очень дружны, кроме Елены, которую никто не любил и которая сама никого не любила и дружила только со своей противной англичанкой» (24 августа 1958)¹⁴.

¹ ЦГВИА, послужной список № 114–556, л. 228–229. Составлен 10 ноября 1908 года.

² Ведомость о земских школах Венёвского уезда за 1912/13 уч. год. – Тула, 1914. – С. 72–73. Чит. по выписке, сделанной для автора книги М.Г. Бороздинским.

³ Письмо-аттестацию и автобиографию Б.П. Зоркина 1936 года подарила автору В.П. Новикова (Москва). Переданы в ИРЛИ (фонд В.М. Русакова).

⁴ *Татаринов В.* Потомки А.С. Пушкина жили в Кирсанове // Комсомольское знамя (Тамбов). –1962. – 30 сент.

⁵ ИРЛИ, № 29396 б 16.

⁶ *Благонамеренный* (Брюссель). – 1926. – № 1. – С. 140–142.

⁷ Речь Н.А. Пушкина помещена на с. 58–60 книги: *Centenaire de Pouchkine, 1837–1937. Exposition «Pouchkine et son époque».* Paris <1937>.

⁸ См.: *Антокольский П.* Пушкиниана продолжается // Неделя. – 1977. – 12–18 дек. – С. 11; *Фейнберг И.* Незавершённые работы Пушкина. – 5-е изд. – М., 1969. – С. 26 (сноска 1).

⁹ *Катаев В.* Три поколения Пушкиных // Юность. – 1958. – № 8. – С. 23.

¹⁰ См.: *Поляновский М.* В Брюсселе у Пушкиных // *Поляновский М.* Остановись, мгновение... 36 фотонувелл. – М., 1968. – С. 75–81.

¹¹ Цит. по ст.: *Слобожан И.* Время, запечатлённое в бронзе // Белые ночи. – Л., 1978. – С. 76–77.

¹² Копию письма Н.А. Пушкина к И.А. Бунину от 21 сентября 1949 года прислал автору литературовед А.К. Бабореко (Москва).

¹³ Цит. по копии, снятой М.Г. Бороздинским.

¹⁴ Оригиналы этих и других писем Н.А. Пушкина хранятся в США, в Нью-Йорке, в составе Бахметевского архива отдела редких книг и рукописей Библиотеки Батлера Колумбийского университета. Копии прислал мне Андрей Александрович Кологривов, которому приношу искреннюю благодарность.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Генералу А.А. Пушкину шёл пятьдесят седьмой год, когда родилась младшая дочь его – Елена. Это было 16 августа 1889 года¹.

По рассказу внучки поэта А.А. Пушкиной (в передаче её племянницы Н.С. Шепелёвой), в детские годы Лена была отчаянно смелой. В шесть лет она скакала верхом на лошади, как мальчишка. Н.С. Шепелёва помнила её девушкой – стройной, изящной, по-спортивному лёгкой... «Сестра и я, – писала мне Наталья Сергеевна, – относились к тёте Лене по-родственному хорошо. Любили бывать у неё в комнате, и она умела интересно с нами разговаривать... Видимо, она была хорошо образованна и особенно интересовалась иностранными языками: кроме европейских, она ещё знала персидский и турецкий».

Правнучка Пушкина С.Н. Данилевская, вспоминая о Елене Пушкиной, подчёркивала, что та «воспитывалась на английский манер: носила очень короткую причёску, чрезвычайно короткие платья – почти теперешние мини – и вообще имела мальчишеский вид».

Другая правнучка поэта, С.П. Вельяминова, сообщала автору этих строк: «Уже в советское время я слышала в Ялте от одной лечившейся в санатории очень хорошее о Елене Александровне. Вот этот рассказ. После революции Лена жила со своей бывшей гувернанткой, а потом компаньонкой, мисс Дуарден. Однажды какой-то «сумасшедший» напал на англичанку с ножом. Лена бросилась между ними, чтобы защитить её, и приняла удар на себя. Женщину, которая рассказывала мне об этом, просили тогда освободить комнату, чтобы перенести туда раненую Лену».

Таким образом, «отчаянно смелой» внучка Пушкина была не только в детстве. Храброй, способной на решительные, подчас экстравагантные поступки она была, как свидетельствуют некоторые факты её биографии, и позже, в зрелом возрасте.

В 1918 году Елена Александровна и её мать Мария Александровна Пушкина уехали в Турцию. Непродолжительное время внучка поэта была драгоманом (официальным переводчиком) русского посольства в Стамбуле. В ноябре 1921 года она вышла замуж за бывшего ротмистра 9-го гусарского Киевского полка Николая Алексеевича Розенмайера. Весной 1923 года супруги покинули Турцию. В последние годы Елена Александровна жила во Франции.

С именем Е.А. Пушкиной-Розенмайер связана одна из загадок пушкиноведения, ключ к которой не найден по сей день. Речь идет о неизвестном дневнике А.С. Пушкина, которым Елена Александровна, по её собственным словам, обладала в 1920-е годы. Этому дневнику учёные присвоили № 1, так как на внутренней стороне передней крышки переплёта известного нам дневника поэта рукою Л.В. Дубельта, разбиравшего вместе с В.А. Жуковским бумаги А.С. Пушкина после его смерти, сделана помета «№ 2».

Некоторые пушкинисты считают, что дневник № 1 действительно существует и в настоящее время находится за рубежом у кого-либо из потомков поэта. Об этом, в частности, писал И.Л. Фейнберг в очерке «Пропавший дневник»².

Другие учёные версию Фейнберга и его единомышленников не принимают. Так, доктор филологических наук Н.В. Измайлов утверждал: «Само существование некоторых зарубежных рукописей представляется проблематическим, – к числу их относится «Дневник Пушкина № 1», находившийся будто бы в начале 20-х годов в Константинополе (Стамбуле), в руках внучки поэта Е.А. Розенмайер»³. Примерно так же относилась к дневнику № 1 и Т.Г. Цявловская.

Не верили в существование неизвестных дневниковых записей Пушкина Б.Л. Модзалевский и М.А. Цявловский. Последний, например, говорил Г.Г. Пушкину, правнуку поэта: «Готов голову положить на плаху, что другого дневника Пушкина нет». Эту же мысль о дневнике он высказал и в статье «Посмертный обыск» у Пушкина – правда, не столь категорично: «В 1929 г. в Москве и Ленинграде распространились слухи, что за границей имеется неопубликованный дневник Пушкина. Слухи эти, передававшиеся М.Л. Гофманом, по-видимому, лишены всякого основания»⁴.

Брат Е.А. Розенмайер Николай Александрович Пушкин считал, что она всю историю с дневником выдумала, чтобы повысить собственный престиж. Он даже писал своей племяннице Н.С. Шепелёвой, что, оскорбленный этой мистификацией сестры, «отвернулся от неё».

Итак, был ли неизвестный дневник Пушкина у его внучки или он «выдуман» ею? Вопрос невероятно сложен, неясен и во многом противоречив. Он не раз приводил пушкинистов в тупик. И вряд ли можно сейчас сколько-нибудь удовлетворительно решить его. По крайней мере, до тех пор, пока не будут собраны бесспорные документальные данные, подтверждающие гипотезу о

*Елена Александровна Розенмайер,
внучка А.С. Пушкина.
Фотография 1910-х гг.*

существовании неизвестного дневника поэта или опровергающие её. И все-таки хочется высказать некоторые соображения по этому вопросу.

В 1922 году Е.А. Розенмайер писала торгпреду нашей страны в Париже М.И. Скобелеву, а в первые месяцы 1923 года известному коллекционеру рукописей Пушкина и других его материалов А.Ф. Онегину (Отто) и пушкинисту М.Л. Гофману* о том, что у неё имеются гербовая печать Пушкина, акварельный портрет Н.Н. Пушкиной⁵, веер, подаренный поэтом жене...

Из писем Елены Александровны видно, что она предлагала приобрести у неё эти вещи для Пушкинского Дома. В письме к А.Ф. Онегину от 19 апреля 1923 года Е.А. Розенмайер подчёркивала, что передать России фамильные ценности безвозмездно она не может, так как они с мужем «остались совершенно без средств»⁶.

Елена Александровна писала Онегину и о том, что у неё хранятся неизданный дневник и другие рукописи деда, которые, согласно воле её отца А.А. Пушкина, «не могут быть напечатаны до истечения ста лет со дня смерти Александра Сергеевича, т. е. до 1937 года»⁷. В одном из писем к Гофману она объясняла этот запрет на дневниковые записи Пушкина тем, что «близкие потомки лиц, упоминаемых в них, ещё живы...»⁸

Весной 1923 года М.Л. Гофман ездил к Е.А. Розенмайер в Стамбул, надеясь купить у неё пушкинские вещи. Но грубая бестактность Гофмана по отношению к Онегину, по поручению которого он приехал к внучке поэта, скомпрометировала его в глазах Елены Александровны, и она отказалась вести с ним какие бы то ни было переговоры.

В уже упоминавшемся письме от 19 апреля 1923 года Е.А. Розенмайер жаловалась Онегину: «В Вашей книге «Неизданный Пушкин» г. Гофман сделал надпись: «Внучке Пушкина с глубоким уважением...» и вместе с тем взял на себя смелость сознаться, что письмо, которое он должен был мне отправить по Вашему поручению, перед своим отъездом из Парижа, он, г. Гофман, не отправил, сказав мне, что Вы одной ногой стоите в гробу и что с Вами считаться не приходится. О каком доверии может быть речь! Я очень сожалею, что для ведения переговоров о передаче пушкинских реликвий, будущего достояния России, Вы остановили свой выбор на г. Гофмане (если дело было действительно так), который письменной доверенности Вашей или даже письма не представил. Поэтому к предложению г. Гофмана о продаже рукописей в собственность за 10 тысяч франков или о передаче на хранение я отнеслась так же, как отношусь к многочисленным предложениям иностранцев».

В том же письме Е.А. Розенмайер сообщала, что имеющиеся у неё ре-

* В начале 1920-х годов М.Л. Гофман был официальным представителем Российской Академии наук на переговорах с А.Ф. Онегиным по поводу приобретения у последнего пушкинских материалов. В дальнейшем жил за границей.

ликвии хранятся в надёжном месте, сфотографированы (кроме вещей) и застрахованы от случайностей, а также о том, что она выслала Онегину – через Гофмана – уменьшенную фотографию акварельного портрета Н.Н. Пушкиной.

Внучка Пушкина просила Онегина одолжить ей 20 тысяч франков («этим Вы избавите меня... от необходимости голодать или передать русские ценности иностранному музею»).

С такой же просьбой Елена Александровна обращалась к Онегину, по всей вероятности, и раньше, так как он ещё во второй половине марта собирался перевести ей 10 тысяч франков. Но, получив 28 марта от Е.А. Розенмайер телеграмму из двух слов «Envoyez ras*», Онегин отказался от своего намерения.

Телеграмма была вызвана, очевидно, тем, что Елена Александровна собиралась в скором времени побывать в Париже, чтобы лично передать А.Ф. Онегину портрет Наталии Николаевны, печать Пушкина и другие фамильные ценности, которые она не доверила Гофману.

Однако неблагоприятные семейные обстоятельства помешали планам Е.А. Розенмайер: Елена Александровна и её муж навсегда покинули Турцию.

За несколько месяцев до этого внучка поэта писала Гофману, что собирается переехать к своим родственникам в Южную Африку, в их имение близ города Минзенбурга, сообщила ему свой будущий адрес. В апрельском письме к А.Ф. Онегину она сетовала на то, что из-за отсутствия средств Николай Алексеевич и она «не имели возможности выехать до сих пор» в южноафриканское имение английских родственников, куда их пригласила «кузина»** леди Зия Уэрнер, предложившая Н.А. Розенмайеру хорошо оплачиваемую службу.

По сей день точно не установлено, куда уехали из Стамбула Розенмайеры⁹. Зато хорошо известно, что сделать это их заставила острая нужда, от которой супругам не удалось избавиться и в дальнейшем.

Весной же 1923 года, в связи с рождением дочери Светланы, положение семьи было особенно трудным. После отъезда внучки Пушкина из Турции её переговоры с Онегиным прекратились, переписка между ними оборвалась, а вскоре, в 1925 году, Онегин умер.

Сообщение М.Л. Гофмана о том, что у внучки Пушкина находится «самое большое в мире» собрание пушкинских рукописей, что имеющиеся у неё реликвии «ценнее Онегинского музея + весь Пушкинский Дом»¹⁰, естественно, заинтересовало советских пушкинистов. Заинтриговала их и появившаяся в 1925 году за рубежом статья Гофмана «Ещё о смерти Пушкина», в которой он писал: «В 1937 году будет опубликован полностью не изданный ещё большой дневник Пушкина (в 1100 страниц). Несомненно, что он прольёт большой свет

* «Не присылайте» (фр.).

** Фактически двоюродная племянница.

на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль; сколько мы знаем, однако, этот дневник ещё больше реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые до сих пор были в распоряжении пушкинистов»¹¹.

Вот почему вплоть до 1930 года по инициативе Пушкинского Дома велись поиски Е.А. Розенмайер с целью приобретения у неё вещей и рукописей, в своё время предложенных ею Онегину. Дело это приобрело государственное значение. Совет Народных Комиссаров СССР, изучив записку директора Пушкинского Дома академика С.Ф. Платонова от 14 декабря 1928 года № 1262¹² о необходимости начать розыски пушкинских рукописей за рубежом, поручил дипломатическим представителям нашей страны за границей сделать всё необходимое для розысков потомков поэта (прежде всего Е.А. Розенмайер) и вообще лиц, которым могут принадлежать неопубликованные произведения и письма Пушкина.

Поскольку «неуловимую» Елену Александровну найти тогда так и не удалось, в сентябре 1930 года «Дело о розыске и покупке рукописей Пушкина за границей» было прекращено.

Таким образом, тайна пушкинского дневника, которая, казалось, начала приоткрываться, осталась неразгаданной¹³.

Конечно, проще всего согласиться с теми, кто считает, что Елена Александровна «историю с дневником выдумала», что другого дневника Пушкина, кроме опубликованного (полностью) в 1923 году, вообще не было. Однако имеются обстоятельства и факты, с которыми нельзя не считаться.

Так, недавно в печати появилось ранее не публиковавшееся письмо А.А. Пушкина, сына поэта, к О.Ф. Кошелевой (урожд. Петрово-Соловова), тётке его жены Софьи Александровны. Оно написано незадолго до открытия памятника Пушкину в Москве и свидетельствует о твёрдом намерении Александра Александровича передать рукописи отца «Московскому музеуму». Ценность письма ещё и в том, что автор упоминает пропавший дневник Пушкина. Вот что сообщает он своей корреспондентке: «...насчёт дневника я должен сказать, что у меня находится всего 2-я часть, всего 37 или 38 страниц. Где находится 1-я часть, мне неизвестно, хотя я предполагаю, что в 3-м отделении, так как Вам, вероятно, известно, что в день смерти отца все бумаги его были опечатаны и затем разбираемы начальником штаба шефа жандармов»¹⁴.

Следовательно, А.А. Пушкин не сомневался в том, что кроме хранившегося у него дневника отца («2-я часть») были и другие дневниковые записи Пушкина («1-я часть»). Он не знал только судьбы этой исчезнувшей рукописи. Высказанное Александром Александровичем предположение, что дневник находился в Третьем отделении собственной его императорского величества канцелярии, к сожалению, не аргументировано. По мнению старшего сына поэта, «3-е отделение» – это лишь вероятное место нахождения дневника (от

себя скажем: одно из многих мест, где дневник мог оказаться). Важно другое: в семье Пушкина верили в то, что дневник № 1 существовал реально.

Новонайденное письмо А.А. Пушкина отнюдь не облегчает решение проблем, связанных с неизвестным дневником поэта. Напротив, оно вызывает вереницу новых вопросов. Неясно, например, каким образом дневник Пушкина оказался у Е.А. Розенмайер, если его никогда не было у её отца, Александра Александровича. Но это предмет особого разговора, выходящего за рамки темы настоящей книги. Поэтому вернёмся, как говорили в старину, на круги своя.

...В воспоминаниях о Е.А. Розенмайер встречаются довольно нелестные отзывы о ней. Но даже Н.И. Тютчев, директор музея Ф.И. Тютчева в Муранове (под Москвой), родной внук поэта, в беседе с Т.Г. Цявловской назвавший Елену Александровну «неумной, бесцветной», признавал, что она, «конечно, не авантюристка».

О том, что внучка Пушкина не вводила в заблуждение ни Онегина, ни Гофмана, свидетельствует и тот факт, что часть фамильных вещей, о которых Е.А. Розенмайер писала Онегину и другим своим корреспондентам, она впоследствии продала Сергею Лифарю. Об этом он сообщал в книге «Моя зарубежная Пушкиниана», изданной в Париже в 1966 году на русском языке. О том же писал мне из Франции праправнук Пушкина Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов: «Пушкинские реликвии, которые ей удалось вывезти, она распродала. В частности, С. Лифарь купил у неё печать Пушкина, его «пашпорт» для поездки в Бессарабию и другие личные вещи».

По-моему, нет веских оснований полагать, что Е.А. Розенмайер, перечисляя в письмах 1922–1923 годов пушкинские вещи, которые действительно (как выяснилось годы спустя) были тогда у неё, «придумала» несуществующий дневник своего деда. Да и какую цель она могла видеть в подобной мистификации?! Ведь, заведомо обманывая своих адресатов, она не могла рассчитывать на то, что поднимет этим собственный авторитет.

Объективности ради замечу, однако, что далеко не каждая строка писем Елены Александровны к А.Ф. Онегину и М.Л. Гофману заслуживает безусловного доверия. Относиться к её словам следует без предвзятости, но с известной долей осторожности...

После смерти И.А. Бунина в его архиве была обнаружена интересная заметка писателя о Е.А. Розенмайер. В примечаниях к ней литератор и археолог Л.Ф. Зуров, живший в доме Бунина, сообщает, что в 1941 году Елена Александровна провела на вилле Буниных «Жаннет» в Грасе целый день. «Она была сильно истощена, – пишет Зуров, – после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны», жены Бунина.

В записке И.А. Бунина говорится: «...передо мной опять было существо, в котором текла кровь человека для нас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из

России, от большевизма, добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела её в могилу, у неё уже не хватало средств, – их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут всё, что мог, но это уже её не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина»¹⁵.

Известный литературовед А.К. Бабореко, исследователь биографии и творчества И.А. Бунина, писал мне, что Иван Алексеевич познакомился с Е.А. Розенмайер 6 июня 1940 года в Ницце. Ссылаясь на дневниковые записи самого писателя, а также на «Грасский дневник»¹⁶ поэтессы и переводчицы Г.Н. Кузнецовой, которая, как и Зуров, жила в доме Бунина с 1927 года, А.К. Бабореко сообщал, что 12 июня 1941 года Иван Алексеевич «ездил в Ниццу, завтракал с Еленой Александровной», а через два дня «она приезжала в Грас по приглашению Бунина». О последней встрече внучки Пушкина с Буниным и рассказывал, как упоминалось выше, Л. Ф. Зуров¹⁷. В дневнике И.А. Бунина 7 сентября 1943 года отмечено: «Нынче письмо из Ниццы. Елена Александровна Пушкина... умерла 14 августа... И, может быть, только потому, что по нищете своей таскала тяжести, которые продавала и перепродавала ради того, чтобы не умереть с голоду!» А в письме Бунина к Надежде Александровне Тэффи* от 19 мая 1944 года говорится, что Е.А. Розенмайер, «которую я имел счастье узнать», скончалась «в нищете, после нескольких лет тяжкого труда, тасканья для перепродажи всякого старого хлама...»¹⁸

По сведениям А.К. Бабореко, Елена Александровна приходилась дальней родственницей Бунину. Её мать, Мария Александровна, была двоюродной сестрой дворянина Павлова, а «дед Павлова по матери, – записал Бунин, – моряк Ив. Петр. Бунин, брат Анны Петровны Буниной, поэтессы... Дед Павлова по отцу – Ник. Анат. Бунин»...¹⁹

Свидетельства о встречах Бунина с Е.А. Розенмайер показывают, что Иван Алексеевич относился к ней не только с состраданием, но и с уважением. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой души, Бунин вряд ли стал бы принимать у себя внучку Пушкина как близкого человека, будь она «неумной, бесцветной» женщиной с сомнительной репутацией...

Разумеется, нет уверенности в том, что дальнейшие поиски пушкинского дневника увенчаются успехом. Но и успокаиваться рано: слишком заманлива, многообещающая надежда найти этот драгоценнейший документ, который дал бы новый, бесценный материал о жизни и творчестве поэта в последние, такие невыносимо трудные для него годы, когда, опутанный цепями интриг, злобы, клеветы, откровенной травли, гений русской поэтической мысли – гордый,

* Настоящая фамилия Лохвицкая.

непреклонный, одинокий – буквально задышался в «свинском» Петербурге, вырваться из которого он не мог до самой смерти...

Покойная Татьяна Григорьевна Цявловская писала: «И.Л. Фейнберг и другие исследователи продолжают и сейчас поиски Дневника № 1. Как было бы приятно, если бы им удалось рассеять наши сомнения!»²⁰ Будем надеяться, что эти добрые слова когда-нибудь сбудутся.

¹ Эта дата рождения Е.А. Пушкиной значится в послужном списке её отца, А.А. Пушкина (ЦГВИА, ф. 400, оп. 174, д. 36, л. 35, ч. II). В некоторых источниках (*Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись. – Л., 1932. – С. 62 и др.*) ошибочно указано, что Елена Александровна родилась 16 августа 1890 года.

² В кн.: *Фейнберг И. Загадочный набросок Пушкина. – М., 1978. – С. 40–47.* Впервые очерк опубликован в журнале «Огонёк». – 1962. – № 7. – С. 16–17 (под названием «Неизвестный дневник Пушкина?»). О своём стабильном отношении к загадочной истории пушкинского дневника № 1 И.Л. Фейнберг писал автору книги 25 мая 1979 года – за три недели до смерти.

³ *Измайлов Н.В. Источниковедение // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. – М.; Л., 1966. – С. 614.* И позднее Н.В. Измайлов считал, что вопрос о неизвестном дневнике Пушкина, «пока не явятся новые и несомненные факты... должен решаться отрицательно» (*Измайлов Н. О рукописях А.С. Пушкина // Белые ночи. – Л., 1974. – С. 81.*)

⁴ *Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. – М., 1962. – С. 334 (примеч. 185).*

⁵ Е.А. Розенмайер ошибочно считала, что этот портрет Н.Н. Пушкиной написан А.П. Брюлловым. Впоследствии выяснилось, что у неё находилось одно из авторских повторений известного портрета Натальи Николаевны, выполненного В.И. Гау в 1842–1843 годах. На портрете, которым обладала Е.А. Розенмайер, страусовое перо прорисовано с особой тщательностью, отчётливо видна и звёздочка на полях шляпки. Позднее Елена Александровна продала портрет С. М. Лифарю.

⁶ ИРЛИ, № 29396 б 16.

⁷ Письмо от 7 января 1923 года. – Там же.

⁸ Письмо от 14 января 1923 года. – Там же.

⁹ В письме к автору книги от 22 апреля 1973 года Н.С. Шепелёва, ссылаясь на авторитетные английские источники, утверждала, что Е.А. Розенмайер в Южной Африке «жить не могла», потому что там в то время никаких её родственников не было. Сэр Юлиус Уэрнер – отец Харолда Уэрнера, будущего мужа правнучки Пушкина графини Зии (Анастасии Михайловны) де Торби, – отправился в Южную Африку в 1871 году, где вскоре стал крупным владельцем алмазных копей. Разбогатев, Юлиус Уэрнер возвратился в Англию, в 1903 году купил замок Лутон Ху (Luton Hoо) под Лондоном, где разместил богатейшую коллекцию картин, скульптуры, гобеленов и других произведений искусства. Впоследствии к редкостям замка Зия Уэрнер присоединила и свою коллекцию ювелирных работ Густава (1815–1893) и Петера Карла (1846–1920) Фаберже, отца и сына, владельцев крупнейшей в России фирмы ювелирных изделий. А после смерти мужа она стала хозяйкой этого уникального замка-музея. Когда Зия Уэрнер скончалась, её наследники, не желая распылять редкую коллекцию произведений искусства в Лутон Ху, вынуждены были продать Лондонской национальной галерее ценную картину Альбрехта Альтдорфера, чтобы составить капитал, необходимый для содержания замка. Сэр Юлиус Уэрнер скончался в 1912 году. Ни

сам он, ни члены его семьи после 1903 года в Южной Африке не только не жили, но и не бывали. Вторая версия – о том, что Е.А. Розенмайер, возможно, уехала из Стамбула к двоюродной сестре Александре Николаевне Меренберг, которая, «по слухам, вышла замуж за какого-то миллионера – владельца алмазных россыпей в Капштадте», – высказана академиком С.Ф. Платоновым в записке на имя постоянного секретаря Академии наук СССР С.Ф. Ольденбурга от 14 декабря 1928 года. Но она также не подкрепляется никакими документальными данными. Поэтому относящееся к 1923 году сообщение Е.А. Розенмайер о её намерении переехать из Турции в южно-африканское имение английских родственников до сих пор является загадкой.

¹⁰ М.Л. Гофман – З.Г. Гринбергу. Письмо без даты. – ИРЛИ, № 29396 б 16.

¹¹ Опубликовано в Праге в историко-литературном сб. «На чужой стороне». – Цит. по кн.: *Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина. – М., 1978. – С. 41.

¹² Записка адресована постоянному секретарю Академии наук СССР. К ней приложен список зарубежных потомков Пушкина и других лиц, у которых, по мнению академика С.Ф. Платонова, могли находиться пушкинские рукописи, в том числе неизвестный дневник поэта. – ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), ед. хр. 29, л. 262–265.

¹³ В 1970 году в Париже была издана на русском языке книга Сергея Космана «Дневник Пушкина. История одного преступления», явно рассчитанная на сенсацию... Об этой книге см.: *Коровин В.* Что сказали о Пушкине София Николаевна и Михаил Михайлович // Вопросы литературы. – 1972. – № 1. – С. 105–118; *Марьянов Б.* Легенда о блудном сыне // Наука и религия. – 1974. – № 2. – С. 91.

¹⁴ *Нечаева Н.С.* Московская пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л.И. Поливанова) // Временник Пушкинской комиссии. 1980. – Л., 1983. – С. 148.

¹⁵ Оттиск воспоминаний И.А. Бунина, среди них и заметки о Е.А. Розенмайер (с. 15–18), Л.Ф. Зуров в ноябре 1962 года прислал в ИРЛИ.

¹⁶ Издан в Вашингтоне в 1967 г. Частично перелечатан в кн.: Литературное наследство. – Т. 84. – Кн. 2. – М., 1973. – С. 251–299.

¹⁷ Л.Ф. Зуров неточно указал дату посещения Буниных Е.А. Розенмайер. О приезде Елены Александровны И.А. Бунин сделал дневниковую запись в тот же день, а именно – 14 июня (у Зурова – 15 мая). Неверно сообщил Зуров и год смерти Е.А. Розенмайер.

¹⁸ Цит. по ст.: Из переписки Бунина с Тэффи. <Предисловие и комментарий А. Бабореко> // Подъем (Воронеж). – 1978. – № 3. – С. 130.

¹⁹ Об этом см. также: *Бабореко А.* В потоке событий. Новое о Бунине // Орловский комсомолец. – 1974. – 7 марта.

²⁰ Наука и жизнь. – 1971. – № 6. – С. 74.

И ЕЩЕ О ВНУКАХ

Очень немного сведений сохранилось о внуках Пушкина – детях младшей дочери поэта Натальи Александровны и их семьях.

Первым ребёнком Н.А. Пушкиной и М.Л. Дубельта была дочь Наталья, родившаяся в Петергофе. Окончив в Петербурге Екатерининский институт, она длительное время жила в деревне у тётки Е.П. Бибиковой (урожд. Ланской).

«В неё влюбился земский врач, ссыльный поляк, человек очень интеллигентный, образованный, но старше её», – отмечала в своих мемуарах её двоюродная сестра Е.Н. Бибикова. Когда он сделал предложение Наталье Михайловне, Елизавета Петровна запросила Н.А. Меренберг о согласии на брак дочери, но графиня «возмутилась» и выписала её к себе в Висбаден¹. Так Н.М. Дубельт оказалась в Германии.

По воспоминаниям Е.А. Регекамфф, Наталья Михайловна уважала своего отчима и говорила о нём: «Принц действительно был на редкость очаровательный человек. Главной прелестью его была... простота, что в немцах особенно редко»². О своём отце, как свидетельствует та же Регекамфф, Таша не вспоминала.

В 1881 году внучка Пушкина вышла замуж за немца, полковника в отставке Арнольда фон Бесселя. Супруги переехали в Бонн, где у Бесселя был собственный дом. Через шесть лет Наталья Михайловна Бессель овдовела и жила в Бонне до самой смерти.

«Я её хорошо помню, – писала Е.Н. Бибикова, – она была пресимпатичная, живая, весёлая и очень родственная. Я у неё была в Бонне в 1914 году. У неё было двое детей...»

Сын Н.М. Бессель, Арнольд, гордился тем, что является правнуком Пушкина. Е.Н. Бибикова утверждала, что он «унаследовал... пылкий характер» поэта, «владел русским языком и собирал портреты» Пушкина и литературу о нем.

«В рейнских провинциях... в полках не любили пруссаков, а после объединения Германии в баварские и нассауские полки посыпались прусские командиры... Бессель был всегда с ними в контрах, и пришлось <ему> уйти в отставку»³.

Во время второй мировой войны Арнольда Бесселя, как вспоминала Е.Н. Бибикова, «не посылали на Восточный фронт за его отчасти русское происхождение...» Скончался он во французском плену летом 1945 года.

Сын Н.А. Пушкиной и М.Л. Дубельта Леонтий Михайлович учился в Пажеском корпусе. По свидетельству Е.Н. Бибиковой, «Лёня имел необузданный нрав... и, недолго думая, всадил перочинный нож в бок товарищу», который однажды – нечаянно или нарочно – залил чернилами его чертёж. «Тот поднял крик, началась суматоха, раненого отвезли в лазарет, а на Дубельта никто не

обратил внимания». Двенадцатилетний внук Пушкина, вообразив, что за этот проступок его расстреляют, «вернулся домой, вошёл в пустой кабинет деда П.П. Ланского, взял револьвер и выстрелил себе в грудь».

Мальчика вылечили, но пулю извлечь не смогли, и он вследствие этого ранения всю жизнь страдал эпилепсией.

Из Пажеского корпуса Леонтий был отчислен. П.П. Ланской устроил его в Морской корпус, который юноша окончил с отличием. В 1880 году, как видно из письма А.А. Пушкина к Ф.П. Корнилову от 18 апреля того же года⁴, Л.М. Дубельт служил во флоте мичманом. По причине плохого здоровья Дубельту не разрешали нести вахту. Он жаловался на это военному министру, но ничего не добился и в конце концов покинул флотскую службу. Позже, проучившись два года на минных курсах в Кронштадте, из-за участвовавших припадков падучей вышел в отставку, имея чин капитана 2-го ранга.

По мнению Е.Н. Бибиковой, её двоюродный брат Л.М. Дубельт «был талантливым юноша, писал юмористические стихи и чудно рисовал...»

На пушкинских торжествах 1880 года в Москве вместе с Натальей Александровной был и её 24-летний сын Леонтий Михайлович Дубельт, морской офицер, внешнеюстью своей, как свидетельствует один из современников, «напоминавший экзотический облик Пушкина»⁵.

Через год Л.М. Дубельт напечатал в журнале «Нива» (1881, № 5) портрет своей матери в юности, гравированный Б. Пуцем по рисунку П. Лебедева с блестяще исполненного оригинала И.К. Макарова.

Николай Александрович Пушкин, в детские годы общавшийся со своим двоюродным братом Л.М. Дубельтом, который был старше его на 30 лет, в старости писал Н.С. Шепелёвой, что с годами болезнь Леонтия Михайловича заметно прогрессировала и часто он бывал «совершенно ненормальным». Однако Л.М. Дубельт, «несмотря на приступы бешенства», всегда «сдерживался» в присутствии дяди – А.А. Пушкина. Лишь однажды, в чем-то провинившись перед Александром Александровичем и не смея ему возражать, он в клочки разорвал зубами собственную португую...

Н.А. Пушкин считал, что свой неукротимый характер Дубельт-младший «унаследовал, конечно, от отца», Михаила Леонтьевича Дубельта.

Леонтий Михайлович состоял в браке с княжной Агриппиной Оболенской. В 1894 году, тридцати девяти лет, он умер во время приступа эпилепсии. Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге...

Анна* Михайловна Дубельт, младшая дочь Н.А. Пушкиной и М.Л. Дубельта, родилась в 1861 году. Близко знавшая её на протяжении многих лет

* В семье её звали Ниной. Это «домашнее» имя внучки Пушкина встречается в печати, в том числе и в некоторых серьёзных пушкиноведческих трудах. Кое-кто даже считал, что Анна Михайловна и Нина Михайловна – разные лица.

М.П. Арапова (её двоюродная племянница) рассказывала мне, что внучка Пушкина была «очень умная женщина, в молодости писала хорошие стихи. Но жизнь у неё сложилась неудачно. Её муж Александр Павлович Кондырев страдал тяжёлой формой алкоголизма и рано умер»*.

Овдовев в феврале 1900 года, Анна Михайловна осталась с тремя малолетними детьми – двумя сыновьями, восьми и двух лет, и дочерью шести лет. Семья жившего в Гатчине двоюродного брата, Петра Ивановича Арапова, поддерживала её материально. Анна Михайловна с детьми неделями гостила в Гатчине.

И всё-таки острая нужда заставила внучку Пушкина неоднократно обращаться за помощью в Постоянную комиссию для пособий нуждающимся учёным, литераторам и публицистам при Петербургской Академии наук. Так, в январе 1905 года она писала: «Мой сын Павел Кондырев принят на казённый счет в Александровский лицей, на что он имеет право как родной правнук А.С. Пушкина, но мне необходимо подготовить его к вступительному экзамену, а у меня до того ограниченные средства, что взять ему репетитора... для меня крайне затруднительно. Оттого я и решилась беспокоить Вас покорнейшей просьбой исходатайствовать мне единовременное пособие на воспитание сына до мая месяца». О своём бедственном положении Анна Михайловна Кондырева сообщала и Николаю II в письме от 10 апреля 1900 года⁶.

Единовременные пособия на воспитание и содержание детей назначались ей трижды: в мае 1899 года, по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, – 600 рублей, в апреле 1900 года – 120 рублей, в январе 1905 года – 50 рублей. В дальнейшем прошения внучки поэта о пособиях комиссия отклоняла «за недостатком средств»⁷.

Из хранящегося в Ленинградском государственном историческом архиве документа 1910 года видно, что Павел Кондырев воспитывался в Лицее «на стипендию А.С. Пушкина» и что он «окончит курс наук... весною 1913 года»⁸.

Несколько лет назад мне удалось узнать, что Павел Александрович имел склонность к литературному труду: писал для «Лицейского журнала», переводил произведения французского писателя и критика Теофиля Готье и английского поэта и драматурга Оскара Уайльда. В 1919 году он пропал без вести в Петрограде.

Летом того же года скончалась в Петрограде и Анна Михайловна Кондырева. Она жила в доме для престарелых, откуда изредка приходила обедать к своим родственникам Араповым на Старо-Невский проспект. Младших детей Кондыревой тогда уже не было в живых. Девятилетняя Наталья умерла от менингита в 1903 году, Александр, учившийся, как и его старший брат, в Алек-

* А.П. Кондырев в 1880 г. окончил Александровский лицей в Петербурге с чином 12-го класса. В дальнейшем титулярный советник, служил в Министерстве внутренних дел.

*София Николаевна де Торби,
внучка А.С. Пушкина, с мужем – великим
князем Михаилом Михайловичем
Романовым. Фотография 1891 г.*

сандровском лицее, покончил с собой в 1915 году.

Вот что рассказывают о Кондыреве-младшем бесстрастные архивные материалы.

В 1910 году совет Александровского лицея, рассмотрев прошение А.М. Кондыревой о принятии её сына Александра на бесплатное содержание в Лицей и «принимая во внимание стеснённое материальное положение его матери и имея в виду, что Александр Кондырев является прямым потомком поэта... единогласно постановил всеподданнейше испросить...

Вашего Императорского Величества соизволения на принятие, в виде отступления от общего правила, правнука великого лицеиста на бесплатное содержание в императорский Александровский лицей»⁹.

А через пять лет, в апреле 1915 года, в донесении попечителя Лицея А.С. Ермолаева сообщалось следующее: «12 сего апреля около 7 часов утра воспитанник 5 класса императорского Александровского лицея Александр Кондырев, 17 лет, выбросился из форточки пятого этажа и убит насмерть. Воспитанник Кондырев, правнук А.С. Пушкина, занимал стипендию великого поэта. <...> Постановлением преподавательского совещания от 11 апреля и конференции Лицея от того же числа воспитанник Кондырев был назначен к оставлению на второй год в классе (он уже оставался на второй год в старшем приготовительном классе), вследствие неуспешности. На совещании преподавателей не раз возникал вопрос об удалении Кондырева из Лицея вследствие того, что он отличался необузданным характером и не поддавался воспитательному воздействию; вопрос этот возбуждался и вчера, но ему оказали снисхождение.

Известие об оставлении на второй год он спокойно принял от своего курсового воспитателя и не внушил наблюдавшим за ним товарищам и дежурному воспитателю опасений относительно своих намерений. В седьмом часу утра он встал, заявил служителю, что будет заниматься, и выбросился из форточки уборной. Смерть последовала весьма быстро, вследствие раздробления теменных костей и основания черепа...»¹⁰

Свою «взрывную» натуру Александр Кондырев унаследовал, несомненно, от ближайших родственников по матери – деда и дяди, Михаила Леон-

тьевича и Леонтия Михайловича Дубельтов (о них говорилось выше), а также от отца, Александра Павловича Кондырева, который, подобно Дубельтам, нередко проявлял крайнюю психическую неуравновешенность. Но в характере юного потомка поэта было что-то и от душевной пылкости самого Пушкина. Только у Кондырева пылкость эта вылилась в форму болезненного, неуправляемого протеста, что и привело его к столь ранней гибели.

Анне Михайловне Кондыревой принадлежало переданное ей матерью, графиней Н.А. Меренберг, письмо А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой, отправленное в конце октября 1830 года из Болдина в Москву. Из всех известных нам писем поэта к невесте только это написано по-русски. Отчаявшийся поэт, который из-за холерного карантина не мог выехать из Болдина и был отрезан от всего мира, от друзей, родных и любимой, тревожившийся за их жизнь и здоровье, взволнованно писал: «Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить Вам по-русски, а Вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. <...> Где Вы? Что Вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив, и то хорошо».

Это ценное письмо А.С. Пушкина А.М. Кондырева еще в 1890 году принесла в дар Пушкинскому музею Александровского лица.

Старшая дочь Натальи Александровны Меренберг от второго брака, графиня София Николаевна Меренберг (в замужестве графиня де Торби), родилась в Женеве 20 мая 1868 года. В феврале 1891 года она стала морганатической женой великого князя Михаила Михайловича Романова. Разгневанный этим брачным союзом Александр III телеграфировал великому герцогу Люксембургскому Адольфу и принцу Нассаускому Николаю Вильгельму: «Этот брак, заключённый наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места».

Герцог не замедлил ответить: «Я осуждаю в высшей степени поведение моего брата* и полностью разделяю мнение Вашего Величества»¹¹. Непризнание русским государем брака внучки Пушкина с внуком Николая I вынудило супругов навсегда остаться в Англии.

В 1908 году Михаил Михайлович опубликовал в Лондоне посвящённый жене – графине Софии Николаевне де Торби – автобиографический роман «Never say Die»^{**}, в котором резко осуждал узаконенные правящими кругами

* Герцог имел в виду Николая Вильгельма Нассауского, давшего согласие на брак дочери.

**«Не унывай» (англ. поговорка).

правила бракосочетания высокопоставленных лиц, фактически исключаящие супружеские узы по собственному влечению молодых людей, по любви. Автор критически, с иронией рассказывал и о том, как по-настоящему хороших, деловых людей травят те, кто стоит ближе к трону.

Это произведение великого князя поступило в продажу и в России. Хотя действие романа происходит в другой – «королевской» – стране, царское правительство было встревожено. Министр внутренних дел П.А. Столыпин в июне 1908 года разослал всем губернаторам и заместникам России «совершенно секретные» письма, в которых сообщал о том, что отдано распоряжение «о воспреещении вывоза из-за границы этого романа и о наложении на произведение ареста... в случае, если бы этот роман был отпечатан в России на русском или иностранных языках»¹². Адресатам предлагалось сделать соответствующие распоряжения «по высочайше вверенным» им губерниям и наместничествам.

Когда летом 1914 года Россия вступила в войну с Германией, великий князь Михаил Михайлович отправил письмо Николаю II с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Но последний русский царь не удостоил своего родственника ответом. Тогда Михаил Михайлович, поскольку «неловко было в военное время оставаться в Лондоне без определённых занятий», поступил на службу в качестве секретаря к генерал-лейтенанту Н.С. Ермолову – военному представителю России в Англии в годы первой мировой войны. Об этом Ермолов «не без гордости» рассказывал генералу А.А. Игнатьеву, будущему автору мемуаров «Пятьдесят лет в строю»¹³.

...У графини де Торби долгие годы находились перешедшие к ней от матери десять писем А.С. Пушкина к невесте Наталье Николаевне Гончаровой и одно к теще Н.И. Гончаровой.

В 1927 году София Николаевна умерла*. Известный меценат, театральная деятельность и коллекционер автографов великих людей Сергей Павлович Дягилев «сумел так обворожить её престарелого мужа и дочерей, что в следующем году они уступили эти письма безудержному собирателю»¹⁴.

После кончины С.П. Дягилева (1929) пушкинские письма перешли в коллекцию к С.М. Лифарю, который в 1935 году издал их факсимильно маленьким тиражом. Один из нумерованных экземпляров находится в Пушкинском Доме.

Есть сведения о том, что у Софии Николаевны хранилась шкатулка с документами о дуэли и смерти Пушкина¹⁵, а также письма Натальи Николаевны Пушкиной к мужу. Незадолго до первой мировой войны Петербургская Академия наук обратилась к великому князю Михаилу Михайловичу с просьбой

* Автор некролога «Смерть графини Торби», опубликованного в «Berliner Zeitung am Mittag» 17 сентября 1927 года, № 244, доктор А. фон Вилке, характеризуя покойную внучку Пушкина, назвал её «одной из самых красивых женщин своего времени».

предоставить эти письма для академического издания сочинений поэта, и тот ответил согласием. Но пароход, на котором будто бы отправили письма в Россию, был торпедирован немецким крейсером и затонул. Насколько верна эта версия – судить трудно. Достоверных данных о местонахождении писем Натальи Николаевны к Пушкину, если они сохранились, пока нет.

О сестре графини С.Н. де Торби, Александре Николаевне Меренберг, известно, что она была замужем за аргентинским дипломатом Максимо д'Элиа и жила в Буэнос-Айресе. Скончалась на восьмидесятом первом году жизни. Детей у Александры Николаевны не было, и все своё состояние она оставила племяннице – графине Ольге Георгиевне Лорис-Меликовой.

Георг Николай (Георгий Николаевич) Меренберг был женат на светлейшей княжне Ольге Александровне Юрьевской – дочери Александра II от мorganатического брака с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой¹⁶, а после её смерти – на Аделаиде Моран Брамбеер. Жил Меренберг в Висбадене и совсем не говорил по-русски¹⁷.

В середине 1900-х годов внук Пушкина выступил претендентом на люксембургский трон. Монархом этой страны был тогда владетельный герцог Вильгельм Нассауский – сын великого герцога Адольфа и племянник принца Николая Вильгельма Нассауского. Граф Георг Николай Меренберг, кузен герцога Вильгельма, оказался к тому времени единственным, не считая самого герцога, представителем мужского пола в фамилии Нассауских.

Таким образом, по существовавшим тогда законам герцогства Люксембургского внук «царя русской поэзии», как называл Пушкина Н.О. Лернер, имел бесспорное право на люксембургскую корону. Женская же линия Нассауского дома могла быть призвана на престол лишь в том случае, «если угаснет последний мужской представитель династии».

Обеспокоенный такой перспективой занимаемого им трона, немолодой уже герцог Вильгельм позаботился о том, чтобы этого не произошло. В 1907 году, то есть за пять лет до смерти, он внёс вопрос о престолонаследии на

Александра Николаевна Меренберг, внучка А.С. Пушкина, с племянницей Зией де Торби. Фотография 1910-х гг.

*Георг Николай Меренберг, внук
А.С. Пушкина. Фотография 1914 г.*

рассмотрение люксембургского парламента. Высший законодательный орган страны признал, что, поскольку отец графа Меренберга, принц Николай Вильгельм Нассауский, был женат «на особе не из владетельного дома» и, следовательно, этот брак считается неравным, его потомки не имеют права наследовать престол. Из сорока восьми депутатов парламента только семь подали свои голоса за приглашение на трон Георга Николая Меренберга, остальные проголосовали против. Законной наследницей была названа герцогиня Мария Аделаида, старшая дочь великого герцога Вильгельма, которая впоследствии, после кончины отца (1912), и заняла трон.

Узнав о постановлении парламента, граф Меренберг обратился с гражданским иском в вис-

баденский суд. Он требовал передачи ему майоратных владений Нассауского дома, которые оценивались в несколько десятков миллионов марок. В начале 1909 года суд объявил решение не в пользу потомка Пушкина.

Однако ещё до вынесения судебного решения люксембургский двор предложил Георгу Николаю Меренбергу отказаться от своих притязаний на трон и на великогерцогский майорат. В случае согласия графа ему гарантировали выплату миллиона марок и княжеский титул.

Меренберг вначале не принял условия высокопоставленного кузена, но потом передумал: от собственного имени и от имени своих детей он навсегда отказался от прав на престол за ежегодную ренту в размере 40 тысяч марок и крупную единовременную субсидию.

По мнению знатоков династического права, у внука Пушкина были очень серьёзные шансы вступить на люксембургский трон, тем более что «сам великий герцог Адольф... признавал брак своего брата с Н.А. Пушкиной и законным, и достойным»¹⁸.

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

² *Режекамф Е.* Из мира теней. – ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 171.

³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 175.

⁴ Там же, № 143.

⁵ *Леже Л.* У памятника Пушкину // Москва. – 1965. – № 8. – С. 206.

⁶ ИРЛИ, ф. 244, оп. 20, № 187.

⁷ Там же, № 116, 187.

⁸ ЛГИА, ф. 11, оп. 1, № 3090 г, л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, № 3224, л. 12.

¹¹ Оригиналы обеих телеграмм по-французски. Перевод приводится по кн.: Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. – М., 1966. – Т. 2. – С. 355.

¹² Письмо П.А. Столыпина от 24 июня 1908 года № 6003 на имя заместителя на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова, хранящееся в Государственном архивном управлении Грузии, цит. по ст.: *Ениколопов И.* Зять Пушкиных // Вечерний Тбилиси. – 1967. – 15 авг.

¹³ *Изнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. – Молотов, 1951. – Т. 2. – С. 183.

¹⁴ *Зильберштейн И.С.* Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры // Огонёк. – 1970. – № 6. – С. 22. Автор указанной статьи допустил досадную неточность. Он пишет, что 30 марта 1928 года на балетном спектакле в Ницце, устроительницей которого была графиня С.Н. де Торби, «в ответ на свою просьбу Дягилев получил обещание, что одно из писем <Пушкина> будет ему завещано». В 1928 году София Николаевна не могла ни быть устроительницей спектакля, ни дать какого бы то ни было обещания, так как она скончалась 14 сентября 1927 года.

¹⁵ См.: *Измайлов Н.В.* Источниковедение // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. – М.; Л., 1966. – С. 627.

¹⁶ После смерти в 1880 году императрицы Александр II овенчался с бывшей фрейлиной супруги княжной Е.М. Долгорукой, которую нарекли светлейшей княгиней Юрьевской.

¹⁷ В годы первой мировой войны в русской печати появились сообщения о том, что родной внук А.С. Пушкина, ротмистр ландвера Георг Николай Меренберг, воюет против России в одной из прусских гвардейских кавалерийских частей. Писали и о том, что, призванный на действительную службу, граф Меренберг «добивался зачисления в армию, действующую против Франции, но ввиду его люксембургских связей это было признано неудобным, и внуку Пушкина приходится участвовать в кампании против русских» (Речь. – 1914. – 2 дек.).

¹⁸ Об этом см.: *Лернер Н.* Зарубежное потомство Пушкина // Столица и усадьба. – 1916. – № 67. – С. 18–19; *М. де Витт.* Внук Пушкина отказался от своих прав на люксембургский престол // Утро России. – 1909. – 19 дек.; Люксембургское наследство и потомок Пушкина // Московские ведомости. – 1912. – 18 февр.; «Культурный центр им. А.С. Пушкина» в Люксембурге // Временник Пушкинской комиссии. 1976. – Л., 1979. – С. 176–178.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ РОСПИСИ «А.С. ПУШКИН И ЕГО ПОТОМКИ»

Роспись составлена по состоянию на 1 января 2006 года. В список включены как прямые потомки А.С. Пушкина, так и их супруги. Имена, отчества и фамилии всех потомков выделены полужирным шрифтом.

Даты рождения и смерти потомков и их супругов, а также вступления в брак, относящиеся к периоду до 1 (14) февраля 1918 года, приводятся по старому стилю.

Слева даётся порядковый номер потомка. Справа – номер его отца или матери (в зависимости от того, кто из них по рождению принадлежит к пушкинскому роду). Стоящая за этим номером цифра в скобках указывает, от какого по счёту брака (если их было не менее двух) произошёл данный потомок.

Чёрным кружком впереди порядкового номера помечены потомки Пушкина по непрерывавшимся мужским линиям, звёздочкой – потомки женского пола, принявшие в браке фамилию супруга. При двух замужествах последовательность перемены фамилии обозначена соответствующими номерами брака, стоящими после звёздочки в скобках. Вопросительный знак (?) поставлен там, где те или иные сведения неизвестны или вызывают сомнение.

Сокращения: м. – муж, ж. – жена, гражд. – гражданский, р. – родился (пась), ок. – около, вел. кн. – великий князь, св. кн. – светлейшая княжна, пр. – принц, гр. – граф(иня).

1 Александр Сергеевич Пушкин

(26.05.1799–29.01.1837),

ж. с 18.02.1831 Наталья Николаевна Гончарова,
во втором браке Ланская (27.08.1812–26.11.1863)

Первое поколение. ДЕТИ

*** 2 Мария Александровна Пушкина**

(19.05.1832–07.03.1919),

1

м. с 04.1860 Леонид Николаевич Гартунг
(05.10.1832–13.10.1877)

• 3 Александр Александрович Пушкин

(06.07.1833–19.07.1914),

1

ж. 1) с 08.01.1858 Софья Александровна Ланская
(25.08.1838¹–08.04.1875)

2) с 20.07.1883 Мария Александровна Павлова
(04.12.1852–09.1919)

- **4 Григорий Александрович Пушкин**
(14.05.1835–05.08.1905), 1
ж. с 24.10.1883 Варвара Алексеевна Мельникова,
в первом браке Мошкова (01.12.1855–11.12.1935)
- * (1) **5 Наталья Александровна Пушкина**,
во втором браке гр. **Меренберг** (23.05.1836–10.03.1913), 1
м. 1) с 18.02.1853 Михаил Леонтьевич Дубельт
(08.02.1822–06.04.1900)
2) с 01.07.1867 пр. Николай Вильгельм Нассауский
(07.09.1832–05.09.1905)

Второе поколение. ВНУКИ

- * **6 Наталья Александровна Пушкина**
(05.08.1859–05.12.1912), 3 (1)
м. с 25.01.1881 Павел Аркадьевич Воронцов–
Вельяминов (20.04.1854–02.1920)

- 7 Софья Александровна Пушкина**
(28.06.1860–15.05.1861) 3 (1)

- * **8 Мария Александровна Пушкина**
(05.07.1862–09.09.1939), 3 (1)
м. с 30.08.1881 Николай Владимирович Быков
(19.01.1856–31.12.1918)

- **9 Александр Александрович Пушкин**
(03.10.1863–03.03.1916), 3(1)
ж. 1) с 15.11.1887 Ольга Николаевна Решетова
(?–25.12.1916)
2) ок. 1902 (гражд. брак) Анна Петровна
Савицкая, в первом браке Зейлих (1869–01.12.1944)

- * **10 Ольга Александровна Пушкина**
(28.11.1864–16.04.1933), 3 (1)
м. с 23.08.1881 Николай Николаевич Павлов
(25.01.1857 – до 1916) (разведены)

- 11 Анна Александровна Пушкина**
(24.04.1866–05.06.1949), 3 (1)

- 12 **Григорий Александрович Пушкин**
 (15.09.1868–01.09.1940), 3 (1)
 ж. с 17.08.1911 Юлия Николаевна Бартенева,
 в первом браке Катыбаева
 (06.07.1877–23.01.1967)
- 13 **Петр Александрович Пушкин**
 (06.1870–06.11.1870) 3 (1)
- 14 **Надежда Александровна Пушкина**
 (10.11.1871–15.06.1915) 3 (1)
- * 15 **Вера Александровна Пушкина**
 (19.12.1872–08.02.1909), 3 (1)
 м. с 05.09.1901 Сергей Петрович Мезенцов
 (08.01.1866–15.12.1945)
- 16 **Сергей Александрович Пушкин**
 (09.06.1874–21.08.1898) 3 (1)
- 17 **Николай Александрович Пушкин**
 (03.04.1885–18.11.1964), 3 (2)
 ж. с 26.05.1906 Надежда Алексеевна
 Петунникова (23.04.1878–24.12.1974)
- * 18 **Елена Александровна Пушкина**
 (16.08.1889–14.08.1943), 3 (2)
 м. с 22.11.1921 Николай Алексеевич
 фон дер Розенмайер (1892 – ок. 1933²)
- * 19 **Наталья Михайловна Дубельт**
 (23.08.1854–06.10.1926), 5 (1)
 м. с 18.01.1881 Арнольд Герман Иозеф Иоганн
 Неломук Франц Ксавер Леопольд фон Бессель
 (16.06.1826–16.03.1887)
- 20 **Леонтий Михайлович Дубельт**
 (05.10.1855–24.09.1894), 5 (1)
 ж. Агриппина Оболенская (?–?)

- * 21 **Анна Михайловна Дубельт**
(1861 – ок. 06.1919), 5 (1)
м. с 1890? Александр Павлович Кондырев
(02.10.1855–11.02.1900)
- 22 гр. **София Николаевна Меренберг**, в браке
гр. **де Торби** (20.05.1868–14.09.1927), 5 (2)
м. с 14.02.1891 вел. кн. Михаил Михайлович
Романов (04.10.1861– 26.04.1929)
- * 23 гр. **Александра Николаевна Меренберг**
(14.07.1869–29.09.1950), 5(2)
м. с 1914 Максимо д'Элиа (? – 1929)
- 24 гр. **Георг Николай (Георгий Николаевич)
Меренберг** (13.02.1871–31.05.1948), 5 (2)
ж. 1) с 12.05.1895 св. кн. Ольга Александровна
Юрьевская (27.10.1873–10.08.1925)
2) с 02.01.1930 Аделаида Моран Брамбеер
(? –12.05.1942)

¹ Дата рождения С.А. Ланской (Пушкиной) приводится по надписи на конверте с цветами из её гроба, сделанной братом покойной П.А. Ланским. По другим сведениям, Софья Александровна родилась в 1836 или 1837 году.

² По другим сведениям — в январе 1945 года.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Александрович Пушкин // Отчет императорского Московского и Румянцевского музея за 1914 год. – М., 1916. – С. 60–65.
2. *Арапова А.П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // Новое время (приложение). – 1907. – № 11406, 11409, 11413, 11416, 11421; 1908. – № 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449.
3. Архив опеки Пушкина. – М., 1939.
4. *Бертенсон В.Б.* За 30 лет (Листки из воспоминаний). – СПб., 1914. – С. 237–240.
5. *Вегнер М.* Предки Пушкина. – М., 1937.
6. Венок на памятник Пушкину. – СПб., 1880.
7. *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – М., 1969. – С.39–139.
8. *Егорова Л.В.* Пушкин в Архангельске. – Архангельск, 1999.
9. *Измайлов Н.В.* О рукописях А.С. Пушкина // Белые ночи. – Л., 1974. – С. 52–88.
10. *Измайлов Н.В.* Тургенев – издатель писем Пушкина к Н.Н. Пушкиной // Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. – Л., 1969. – Т. 5. – С. 399–416.
11. *Киреев И.В.* Об Александре Александровиче Пушкине // Предания и песни болдинской старины. – Горький, 1972. – С. 49.
12. *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. – Таллинн, 1980.
13. *Лернер Н.* Зарубежное потомство Пушкина // Столица и усадьба. – 1916. – № 67. – С. 18–19.
14. *Мезенцова Н.С.* «В них обретает сердце пищу...» – М., 1999.
15. *Модзалевский Б.Л.* Род Пушкина // *Модзалевский Б.Л.* Пушкин. – Л., 1929. – С. 17–63.
16. *Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В.* Пушкины. Родословная роспись. – Л., 1932.
17. *Муравьев М.В.* Родословие А.С. Пушкина // Пушкинский сборник (В память столетия дня рождения поэта). – СПб., 1899. – С. 655–668.
18. *Невзоров Н.* К биографии А.С. Пушкина: Материалы из архивов и других малоизвестных источников. – СПб., 1899.
19. *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. – 2-е изд. – М., 1978.
20. *Ободовская И., Дементьев М.* Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. – 2-е изд. – М., 1987.
21. *Ободовская И., Дементьев М.* После смерти Пушкина. Неизвестные письма. – М., 1980.
22. *Ободовская И., Дементьев М.* Пушкин в Яропольце. – М., 1982.
23. *Русаков В.М.* А.С. Пушкин и его потомки: Иллюстрированная родословная роспись. – Псков, 1997.
24. *Русаков В.М.* Моя тропа к Пушкину. – Псков, 1998.

25. *Русаков В.М.* О лжепотомках А.С. Пушкина. И не только о них... – Псков, 2002.
26. *Русаков В.М.* Потомки А.С. Пушкина. – 2-е изд. – Л., 1978.
27. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. – Л., 1982.
28. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. – СПб., 1992.
29. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. – М., 1999.
30. *Русаков В.М.* Уважены за имя... Рассказы о потомках А.С. Пушкина. – М., 1987.
31. *Теребенина Р.Е.* Фонд А.С. Пушкина в Пушкинском Доме // Нева. – 1974. – № 6. – С. 187–192.
32. *Фейнберг И.* Пропаший дневник // *Фейнберг И.* Загадочный набросок Пушкина. – М., 1978. – С. 40–47.
33. *Фридкин В.М.* Пропаший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. – М., 1987.
34. *Цявловский М.А., Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина // Наука и жизнь. – 1971. – № 6. – С. 66–76.
35. *Шокальский Ю.* Григорий Александрович Пушкин (Личные воспоминания) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 4. – СПб., 1906. – С. 187–195.
36. *Яблоновский <С.>* Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина // Сын отечества. – 1899. – 9, 10, 11 февр.

СОДЕРЖАНИЕ

Е.А. Ступина. «Посмотрите у Русакова...»	3
В.М. Русаков. Слово к читателю	5
Часть первая. «...Дорожу именем моих предков...»	7
Часть вторая. «Мое семейство умножается, растёт...»	17
Она смеялась по-пушкински звонко.....	18
Вся жизнь – служение России	35
В тишине деревенского уединения.....	72
«Прекрасная дочь прекрасной матери...»	88
Часть третья. «...И обо мне вспомнят»	103
С думой о счастье народа	104
Как потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя	117
«...Его уважали все»	126
«Живая пушкинская энциклопедия»	136
«А я – Пушкин, внук Александра Сергеевича»	143
Страницы шести биографий.....	150
И на чужбине оставался русским... ..	160
Неразгаданная тайна	168
И еще о внуках	177
Из родословной росписи «А.С. Пушкин и его потомки»	186
Основная литература.....	190

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 40

Виктор Михайлович Русаков

«МОЁ СЕМЕЙСТВО УМНОЖАЕТСЯ, РАСТЁТ...»

Дети и внуки А.С. Пушкина

Фото на первой странице обложке Л.Г. Чехович

Редактор Л.А. Токарева

Корректор Т.П. Николаева

Компьютерная верстка С.В. Лазаренковой

Обложка Л.В. Павловой

Подписано в печать 29.05.2006. Формат 60x88 1/16. Гарнитура Arial Narrow. Печать офсетная.

Объем 11,73 усл. печ. л. Заказ № 623. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография». 180007. Псков, Рижский пр., 17

